

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 9

Киров
2015

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, ВятГГУ, (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26,
тел. (8332) 208-964 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Л. А. Кислицына**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Данакари Л. Р., Полежаев Д. В.</i> Феномен интуиции: философские основания, условия возникновения и особенности реализации	6
<i>Латышева Ж. В.</i> Проблема трансцендирования в перспективе трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля.....	10
<i>Коровин С. В.</i> Проблема субъекта социально-гуманитарного познания.....	16
<i>Плотников А. А.</i> Анализ опыта исследований социальных конфликтов в России.....	22
<i>Маслин М. А., Авдеева Л. Р.</i> Университетская философия в России	26

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Ермаков А. М.</i> Образ Великобритании в пропаганде Йозефа Геббельса (1939–1945)	36
<i>Богов В. А.</i> История межэтнических отношений в Прибалтийском крае к XIX в.	43
<i>Чемоданов И. В.</i> Культурное развитие вятской деревни в 1930-е гг.	50

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Чернова С. В.</i> Студенчество: смысловая доминанта	56
<i>Наумова Н. Г.</i> Языковая репрезентация картины мира вятского студенчества (по данным ассоциативного эксперимента)	61
<i>Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б.</i> Эгоцентричность оценки в пространстве спонтанных виртуальных типов дискурса	67
<i>Хараева Л. Х., Казанова Л. А.</i> Типология прецедентных феноменов в названиях ресторанов в Нальчике	75
<i>Климовская А. Я.</i> Патриархальные и эгалитарные стереотипы феминности и их художественное воплощение в романах А. С. Байетт и М. Дрэббл 1970–1980-х гг. (на материале романов «Дева в саду», «Натюрморт», «Светлый путь», «Естественное любопытство»)	79
<i>Маслова М. А.</i> Синтез просветительской и романтической традиций в творчестве У. Теккерея	85
<i>Лицарева К. С.</i> «Всечеловеческая» диалектичность поэзии Яна Райниса	90
<i>Осадчая М. Н.</i> Модель автоинтертекстуального смыслообразования в художественном дискурсе О. Мандельштама	93
<i>Алексеева Н. В.</i> «Ункарада» А. Ремизова – Н. Рериха: автономность и взаимопроникновение слова и краски	100

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Радбиль Т. Б., Юматов В. А.</i> Выявление языковых и содержательных признаков речевого акта угрозы в экспертной деятельности лингвиста.....	108
<i>Караваяева Я. Н.</i> Соотношение категории «обычай» со сходными юридическими конструкциями.....	111

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Подлевских М. Н.</i> Интерактивный ресурс по математике для студентов биологических и экологических направлений подготовки	116
<i>Бандаков М. П., Попереков В. С., Овсянникова Е. Ю.</i> Методические приемы использования средств и методов развития координационных способностей у баскетболистов 10–11 лет, имеющих «сильную» и «слабую» нервную систему.....	120
<i>Курилова С. Ю.</i> Самоактуализация личности учителя начальных классов как условие повышения качества образования	123
<i>Галиахметова А. Т., Андреева Е. А.</i> Интеграция педагогических технологий как важное направление модернизации профессионального образования.....	127
<i>Бобкова Т. С.</i> Возможности применения метода наблюдения в психодиагностической работе с подростками	130
<i>Сведения об авторах</i>	138
<i>Information about authors</i>	141

CONTENTS

- Danakari L. R., Polezhaev D. V.* The phenomenon of intuition: the philosophical foundation, conditions for the appearance and features of realization
- Latisheva Z. V.* The problem of transcending in prospect of E. Husserl's Transcendental phenomenology
- Korovin S. V.* Problem of the subject of social and humanitarian knowledge
- Plotnikov A. A.* Analysis of social conflicts research experience in Russia
- Maslin M. A., Avdeeva L. P.* University philosophy in Russia
- Ermakov A. M.* The image of Great Britain in the propaganda of Josef Goebbels (1939–1945)
- Bogov V. A.* History of interethnic relationship in the Baltic region up to XIX c.
- Chemodanov I. V.* Cultural development of Vyatka country in the 1930s.
- Chernova S. V.* Studentship: semantic dominant.
- Naumova N. G.* Language representation of a picture of the world of Vyatka students (according to associative experiment)
- Dubovsky Y. A., Zagrayevskaya T. B.* Egocentric nature of *estimation* in spontaneous virtual types of discourse
- Kharaeva L. Kh., Kazanova L. A.* Typological precedents in Nalchik restaurant names
- Klimovskaya A. Y.* Patriarchal and Egalitarian Stereotypes of Femininity and their Realization in the 1970–80-s Novels of A. S. Byatt and M. Drabble (illustrated by examples from "The Virgin in the Garden", "Still Life", "The Radiant Way", "A Natural curiosity")
- Maslova M. A.* Synthesis of traditions of enlightenment and romanticism in the works of W. Thackeray
- Litsareva K. S.* "All mankind" dialectics of Janis Rainis's poetry
- Osadchaja M. N.* Model of autointertextual meaning-making in artistic discourse of O. Mandelstam
- Alexeeva N. V.* "Unkrada" of A. Remizov and N. Roerich: autonomy and interpenetration of the word and the paint
- Radbil T. B., Yumatov V. A.* Revelation of language and content indications of speech act of disaster in linguist's expert activities
- Karavaeva Y. N.* The ratio of the category "custom" with similar legal structures
- Podlevskikh M. N.* Interactive resource on mathematics for students of biological and ecological areas of training
- Bandakov M. P., Poperekov V. S., Ovsyannikova E. Y.* Methods of use of means and methods of development of coordination abilities of basketball players 10–11 years, having a "strong" and "weak" nervous system
- Kurilova S. Yu.* Self-actualization of primary school teachers as a condition for improving the quality of education
- Galiakhmetova A. T., Andreeva E. A.* Integration of educational technologies as an important direction of modernization of professional education
- Bobkova T. S.* How to use observation method in psychodiagnostic work with teenagers

Феномен интуиции: философские основания, условия возникновения и особенности реализации

Основной целью данной статьи является рассмотрение феномена интуиции, ее философских оснований, условий возникновения и особенностей реализации. Анализ феномена интуиции показывает эвристичность и плодотворность дальнейших научных исследований, открывает новую реальность в сфере познания. Необходимым условием проявления интуиции является уровень профессиональной подготовленности исследователя. Интуиция не проявляется в той области, в которой человек совершенно несведущ. Высокая профессиональная подготовка при наличии упорного исследовательского поиска и творческого воображения приводит к интуитивному выводу. Положительная эмоциональная активность – основа вдохновения, а без вдохновения невозможно интуитивной мысли. Важный источник интуиции – художественное освоение мира. Схватывание единым взором множества разных вещей в художественных образах – хорошая питательная среда интуиции. Интуиция во многом зависит и от строя мышления исследователя, его способности комбинировать, синтезировать, абстрагировать, его дара принять решение в равновозможных ситуациях. Интуиция как специфический познавательный процесс складывается из двух этапов – этапа инкубации и этапа «внезапного озарения».

The main purpose of this article is to examine the phenomenon of intuition, its philosophical foundations, conditions of the emergence and implementation peculiarities. The analysis of the phenomenon of intuition shows its heuristic nature and fruitfulness of further research, reveals a new reality in the field of knowledge. A necessary condition for manifestation of intuition is the level of a researcher's professional training. Intuition does not occur in an area in which a person is completely ignorant. High professional training in the presence of persistent research and creative imagination leads to the intuitive conclusion. Positive emotional activity is the basis of inspiration, an intuitive thought is impossible without inspiration. An important source of intuition is artistic familiarization of the world. Covering a lot of different things in images at a glance is a good breeding ground of intuition. Intuition is largely dependent on a researcher's way of thinking and his ability to combine, to synthesize, to abstract, to take a decision in equally possible situations. Intuition as a specific cognitive process consists of two phases: the phase of incubation and the stage of "sudden enlightenment".

Ключевые слова: феномен интуиции, интуитивное познание, непосредственное знание, энграммы, подсказки, сознание, мышление, непосредственность, бессознательность, неожиданность.

Keywords: the phenomenon of intuition, intuitive knowledge, direct knowledge, engrams, tips, consciousness, thinking, spontaneity, unconsciousness, surprise.

Проблема интуитивного познания давно является предметом пристального интереса и практически не прекращающихся дискуссий в отечественной и зарубежной философии. Существует несколько подходов к изучению природы и форм интуиции, поэтому нам в первую очередь необходимо определиться, что есть интуиция в самом широком смысле.

Термин «интуиция» обычно встречается со словами «знание» и «познание»: интуиция – это вид знания, специфика которого обусловлена способом его приобретения. Это непосредственное знание, не нуждающееся в доказательстве и воспринимаемое как достоверное. Такой позиции придерживались Платон, Р. Декарт, Дж. Локк, Б. Спиноза, Г. Лейбниц, Г. В. Ф. Гегель, А. Бергсон.

По способу получения интуиция – это прямое усмотрение истины, т. е. объективной связи вещей, не опирающееся на доказательство (интуиция от лат. *intueor* – созерцать – усмотрение внутренним зрением). Среди множества определений интуиции имеются общие положения:

- 1) непосредственность интуитивного познания, отсутствие предварительного рассуждения,
- 2) независимость от умозаключения и доказательства, 3) уверенность в правильности результа-

та, причем она основана на определенных неосознанных психических данных, 4) значимость предшествующего накопления знаний.

Интуитивное познание отличается от рассудочного, опирающегося на логический аппарат определений, силлогизмов и доказательств. Преимущества интуитивного познания перед рассудочным можно представить следующим образом: 1) возможность преодолеть ограниченность известных подходов к решению задачи и выйти за рамки привычных, одобряемых логикой и здравым смыслом представлений; 2) интуитивное знание дает познаваемый предмет целиком, сразу «всю бесконечную содержательность предмета», позволяет «ухватить наибольшую полноту возможностей». При этом различные стороны предмета познаются на основе целого и из целого, тогда как рассудочное знание имеет дело только с частями (сторонами) предмета и из них пытается строить бесконечный ряд из общих понятий, присоединяемых друг другу, но в силу того что такой ряд неосуществим, рассудочное знание остается неполным; 3) интуитивное знание имеет абсолютный характер, ибо созерцает вещь в ее сущности, рассудочное имеет относительный характер, поскольку состоит только из символов; 4) в интуиции дана творческая изменчивость, текучесть действительности, тогда как в общих понятиях рассудочного знания мыслятся лишь неподвижные, общие положения вещей; 5) интуитивное знание – высшее проявление единства знания интеллектуального, ибо в акте интуиции разум одновременно мыслит и созерцает. Более того, это не есть лишь чувственное познание единичного, но интеллектуальное созерцание всеобщих и необходимых связей предмета.

Рационалисты XVII в. полагали, что интуиция – это не просто один из видов интеллектуального познания, но его высший вид, наиболее совершенный. Обладая всеми этими преимуществами перед рассудочным знанием, интуиция, тем не менее, имеет и уязвимые места: это 1) непроявленность причин, приведших к полученному результату, 2) отсутствие понятий, опосредующих процесс интуиции, отсутствие символов, а также 3) подтверждение правильности полученного результата. И хотя непосредственное понимание связей предмета или явления может оказаться достаточным для усмотрения истины, но недостаточным для того, чтобы убедить в этом других, для этого требуются доказательства. Каждая интуитивная догадка нуждается в проверке, которая чаще всего осуществляется путем логического вывода следствий из нее и сопоставлением их с имеющимися фактами.

Благодаря основным психическим функциям (ощущение, мышление, чувство и интуиция) сознание получает свою ориентацию. Особенность интуиции в том, что она участвует в восприятии бессознательным образом, иными словами, функция ее иррациональна. Отличаясь от других функций восприятия, интуиция может иметь и сходные с некоторыми из них черты. Можно сказать, что ощущение и интуиция – это две функции восприятия, взаимно компенсирующие друг друга, подобно мышлению и чувству.

Работа творческой интуиции и как результат – достижение озарения – представляют наиболее загадочные явления, и так как интуиция, по существу, процесс неосознаваемый, она с трудом поддается не только логическому анализу, но и вербальному описанию. «Озаренная светом разума, интуиция предстает в виде выжидательной установки, созерцания и всматривания, причем всегда только последующий результат может установить, сколько было “всмотрено” в объект и сколько в нем действительно было заложено» [1].

Все творческие задачи можно грубо разделить на два класса: решаемые средствами произвольного логического поиска и те, ход решения которых не вписывается в логику сложившейся системы знаний и принципиально не поддается алгоритмизации. Тогда в первом случае, если предшествующая фаза не дает адекватных готовых логических программ, естественно, включается интуиция. Кроме того, интуитивное решение может пониматься и как одна из фаз в механизме творчества, следующая за произвольным, логическим поиском и требующая последующей вербализации, а возможно, и формализации интуитивного решения.

Специфика интуиции видна уже в ее упомянутых определениях. В состав интуиции могут входить знания, которые не являются частью уже известных гипотез, положений, законов, чувственного познания. Такое знание требует обоснования. Новое знание появляется, на первый взгляд, ниоткуда. Однако еще Г. Лейбниц утверждал, что «пустоты психической не может быть». Внезапное появление нового знания и является одной из особенностей интуиции. Например, какое-либо действие или предмет может вызвать ассоциацию, которая, в свою очередь, провоцирует интуитивное решение проблемы. Но в некоторых случаях интуиция может быть случайной. Как считают некоторые исследователи, неожиданность и внезапность интуитивной догадки происходит из нескольких связанных между собой обстоятельств. Во-первых, «озарение» наступает после более или менее длительного периода работы ученого над проблемой в момент, когда он ею не занят. Во-вторых, в качестве непосредственного «толчка» к догадке может выступать

случайное обстоятельство. В-третьих, интуиция бывает неожиданной до такой степени, что противоречит данной проблемной ситуации. В таких случаях проблемная ситуация переориентируется познающим субъектом.

Можно выделить три основные особенности интуиции. Первое, что нужно отметить, – это ее непосредственность. Решение проблемы представляется самоочевидным уже в момент догадки, когда еще нет ее логического обоснования. Истина открывается посредством мгновенного акта. Непосредственность является основной особенностью интуитивного познания. С этим согласны большинство исследователей.

Вторая особенность связана с таким свойством интуиции, как бессознательность. Она заключается в неосознанности путей и средств решения той или иной задачи, проблемы. И, наконец, третье – ее неожиданность. Ученый никогда не знает заранее, осуществится интуитивное познание или нет. Интуиция «приходит», когда ее не ждешь, когда теряется надежда на решение задачи. Возможно, когда человек научится управлять своей интуицией, ему удастся избежать множества проблем при решении общенаучных, конкретно научных, творческих и других проблем и задач. В процессе интуиции происходит трансформация, аккумуляция и преломление информации, в результате и появляется новое знание.

Можно предположить, что в пределах человеческого сознания и памяти есть особые центры, в которых в процессе жизни, практики, в результате миллиардов повторений различных воздействий, процессов обеспечивается аккумуляция информации и осуществляется внезапное решение вне сознания. Однако необходимо отличать интуицию от автоматических действий человеческого разума, которые человек приобретает в результате многократных повторений, так называемых автоматизмов.

Первым и необходимым условием появления интуиции является уровень профессиональной подготовленности исследователя. Еще Платон говорил, что интуиция требует длительной подготовки ума. Если исследователь плохо знаком с областью, в которой работает, то возможность интуиции значительно снижается. Кроме того, если интуиция даже будет иметь место и будет нужный результат, исследователь может этого не осознать или вообще не заметить. Необходимо не просто высокий уровень профессиональной подготовки исследователя, но и очень глубокое знание изучаемого предмета. В противном случае уже сама постановка проблемы вызовет трудности. А это значительно затруднит возможность интуитивного познания.

Еще одним важным условием является наличие поисковой ситуации. Недостаточно ставить проблему, необходимо очень тщательно заниматься ее решением, не прекращать этот процесс при первой же неудаче. Другим условием возникновения интуиции является наличие подсказки. Она благотворно влияет на процесс возникновения интуиции. Можно отметить, что очень многие открытия были сделаны именно таким путем, т. е. с помощью подсказки.

Однако интуицию можно не только стимулировать, но и препятствовать ее появлению. Тормозящим фактором может выступать психологический стресс, причины которого могут быть разнообразны: переутомление физическое и умственное, трудности финансового характера, проблемы в семейной жизни. Другим таким фактором может быть работа по принуждению. Известно, что работа «из-под палки» не может привести к хорошим результатам. Еще одним сдерживающим фактором могут быть тревога и напряжение по пустякам. Распыление внимания по пустякам не дает возможности сосредоточиться на решении основной проблемы.

Интуиция не обладает какими-то мистическими свойствами, обязательной адекватностью, не следует смешивать психологическое чувство «самоочевидности», «уверенности» с объективной истинностью найденного решения. Интуиция, как и любой другой способ познания действительности, может приводить не только к истине, но и к ложным результатам.

На сегодняшний день существует множество разрозненных, не приведенных в какую-либо систему подходов к определению того, в какой форме проявляется интуиция. Можно различать субъективную форму в виде восприятия бессознательных психических данных субъективного происхождения [2]. И объективную форму в виде восприятия фактических данных, исходящих из объекта, сопровождаемого мыслями и чувствами.

Чувственная и интеллектуальная формы интуиции. Прежде всего, имеются в виду объекты, которые чувственно воспринимаются либо в окружающей действительности, либо в реальности внутреннего мира образов, эмоций, желаний. Таким образом, самой простой формой интуиции, играющей важную роль на начальных стадиях творческого процесса, является чувственное созерцание, или пространственная интуиция.

Сошлемся на Н. О. Лосского: «Следует упомянуть о нечувственных процессах, данных в нечувственных созерцаниях, которых нельзя назвать интеллектуальной интуицией, потому что этим термином следует обозначать интуицию, направленную не на реальные, а на идеальные моменты,

предметы. Такова, например, активность субстанциальных деятелей, и именно не продукты ее, а сам динамический аспект деятельности, стремление, усилие, напряжение, действие» [3]. С ее помощью образуются первоначальные геометрические понятия о фигурах и телах. Такой же чувственно-практический и интуитивный характер имеют и первые простейшие суждения арифметики. Все элементарные соотношения арифметики воспринимаются в качестве абсолютно достоверных.

Действительная, изначальная уверенность в истинности такого рода утверждений идет от того обстоятельства, что эти утверждения являются элементарными предметно-практическими констатациями, фактами, данными предметно-практически. Заключение также берется как непосредственные очевидности, как нечто, безусловно данное. Логический анализ принимает во внимание, но никогда не отвергает такого рода констатации. Такой тип интуиции называют «предметной», или «праксеологической».

В то же время в настоящее время считается общепризнанным, что в научном творчестве решающая роль принадлежит интеллектуальной интуиции, которая не противопоставляется аналитической, логической разработке новых идей, а идет с ней рука об руку. Сошлемся снова на Лосско-го: «В интеллектуальной интуиции, как и в чувственной, следует различать субъективную и объективную стороны – интенциональный акт интуиции и идеальный предмет, на который он направлен. Можно также следующими терминами обозначить эти две стороны: умозрение и предмет умозрения, мышление и мыслимое и т. п.» [4]. Согласно Лосскому интеллектуальная интуиция совершенно не опирается на ощущения и восприятия, даже в их идеализированной форме.

Учение об интеллектуальной интуиции как непосредственном усмотрении необходимых и всеобщих связей с помощью ума необходимо отличать от учения о так называемых врожденных идеях и от учения об априорном знании. Врожденные идеи – понятия, изначально присущие нашему уму. Но если Р. Декарт утверждал, что некоторые идеи прирождены нашему уму в совершенно готовом и законченном виде, то Г. Лейбниц считал, что врожденные идеи существуют только в виде известных склонностей и задатков ума, побуждаемых к развитию опытом и, в частности, ощущением.

Учение об априорности некоторых знаний возникло как ответ на вопрос: существуют ли для ума истины, предшествующие опыту и от опыта не зависящие? Непосредственный характер получения некоторых истин мыслился по-разному: с одной стороны, как непосредственность знания, данного в опыте, с другой – как непосредственность знания, предшествующего опыту, т. е. априорного. Поэтому при решении вопроса о роли опыта в происхождении знания теории интуиции делятся на неаприористические и априористические. Так, большинство теорий чувственной интуиции вовсе не были теориями априористическими. Например, теории интеллектуальной интуиции, создавшиеся рационалистами, были априористическими или, по крайней мере, содержали в себе элементы априоризма. Однако далеко не всякое учение априоризма сочеталось с теорией интеллектуальной интуиции, т. е. отрицался непосредственный, а именно – интуитивный, характер этих априорных истин. И. Кант, насколько известно, отрицал способность человека к интеллектуальной интуиции, а его теория познания и учение о формах чувственной интуиции – пространстве и времени – априористичны [5].

Одной из наиболее продуктивных форм интеллектуальной интуиции является творческое воображение, с помощью которого как раз и создаются новые понятия и формируются новые гипотезы. Интуитивная гипотеза логически не следует из фактов, опирается в основном на творческое воображение. Иными словами, интуиция выступает не только в качестве целостной, объединяющей идеи, в известной мере завершающей цикл исследования, но и как догадка, нуждающаяся в дальнейшей разработке и проверке с помощью дедуктивных, доказательных методов рассуждения.

Исследование условий возможности логически определенных предметов приводит с логической необходимостью к усмотрению начала, которое стоит выше этих предметов и обосновывает их, будучи само сверхлогическим, металогическим бытием, которое не подчинено законам тождества, противоречия и исключенного третьего. С. Л. Франк в книге «Предмет знания» убедительно показывает необходимость такого начала, исходя из соображения, что определенность A возможна постольку, поскольку A есть член комплекса $A + \text{не-}A$, причем $\text{не-}A$ есть весь остальной мир; условием этого отношения A ко всем остальным определенностям может быть только такое начало, которое схватывает все определенности и само стоит выше их, следовательно, относится к области металогического.

Таким образом, открываются не только такие легковыразимые в понятиях и доступные интеллектуальной интуиции аспекты $Я$, как сверхпространственность, сверхвременность, принадлежность ему как носителю качеств и событий; но и стоящая выше ограниченных определенных качеств сила, которая делает способным к свободе и творчеству; мало того, она ведет к усмотрению индивидуального своеобразия $Я$.

Интуицию невозможно абсолютизировать и вырвать из той «почвы», на которой она прорастает, будь это среда перцептивных образов, чувственных данных, логических построений ли-

бо осмысленных значений. В этом смысле интуиция как деятельность не является самодостаточной, однако она представляет собой способ возникновения всей основы когнитивной деятельности и одновременно меру аутентичности познавательного образа познаваемому объекту. Речь идёт об интуиции как модусе целостности системы научной когнитивной деятельности.

Целостность и системность, как и полнота содержания когнитивной системы, есть необходимое, но недостаточное условие актуализации интуитивной деятельности. Ведущая модальность системы познавательной деятельности есть возможность. Модальность возможности определяет и определяется ориентацией науки на поиск и создание новых форм знания. Эмпирическое выражение оно находит в феномене интуитивной деятельности и её результатах. Именно возможности внутренней организации и внешних условий научного познания определяют формы интуитивной деятельности. Внешние условия определяются как изменением социокультурного контекста науки, так и ее дискурсом. Внутренняя организация научного познания востребует активизации одного из морфологических уровней когнитивной системы. Это может быть чувственная ткань сознания, определяющая переживание в гуманитарных дисциплинах. Слой значений сознания активизируется во всех дисциплинарных областях, обладает валидностью в точных науках. Слой биодинамики сознания обладает также особой значимостью для наблюдений. Заполнение в науке одного из морфологических уровней требует концептуализации и выражения на понятийном уровне. Переход от заполненного слоя к слою рефлексивному представляет собой интуитивный скачок.

Соотнесение типов структур познавательной деятельности и типов интуиции позволяет систематизировать формы реализации интуитивной деятельности. Одновременно оно дает возможность верифицировать утверждения об универсальном характере интуиции как модусе возникновения когнитивного процесса. Философский анализ феномена интуиции позволяет говорить о специфике постижения знания через интуицию.

Примечания

1. Литвинова А. Л. Роль интуиции в научном познании // *Философия о предмете и субъекте научного познания* / под ред. Э. Ф. Караваева, Д. Н. Разеева. СПб.: Санкт-Петербург. филос. о-во, 2002.
2. Полежаев Д. В. Феномены сознания и бессознательного в пространстве менталитета // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2009. № 3. С. 113–117.
3. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. С. 178.
4. Там же. С. 199.
5. Литвинова А. Л. Указ. соч. С. 138.

Notes

1. A.L. Litvinova Rol' intuicii v nauchnom poznanii [Role of intuition in scientific knowledge] // *Filosofiya o predmete i sub"ekte nauchnogo poznaniya* – Philosophy of the object and the subject of scientific knowledge / ed. E.F. Karavaeva, D.N. Razeeva. SPb. Saint-Peters. Philosophical society. 2002.
2. Polezhaev D.V. Fenomeny soznaniya i bessoznatel'nogo v prostranstve mentaliteta [Phenomenon of consciousness and the unconscious mentality in the space] // *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* – Scientific problems of humanitarian research. 2009, № 3, pp. 113–117.
3. Lossky N. O. Chuvstvennaya, intellektual'naya i misticheskaya intuiciya [Sensual, intellectual and mystical intuition]. M. Respublika. 1995. 178 p.
4. Ibid. P. 199.
5. A.L. Litvinova Op. cit. P. 138.

УДК 130.3

Ж. В. Латышева

Проблема трансцендирования в перспективе трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля

В статье определяются три основные парадигмы исследования проблемы трансцендирования – трансценденталистская, экзистенциалистская и экзистенциально-феноменологическая, – раскрывающие как важнейшие уровни трансцендирования, так и основные ступени его изучения. Указывается на основополагающее значение трансценденталистской парадигмы, позволяющей обнаружить условия, формы и характеристики деятельности сознания, в которых и с помощью которых происходит трансцензус.

С позиции гуссерлевского трансцендентализма характеризуются имманентное, трансцендентное, трансцендентальное, трансцендирование; обращается внимание на наличие имманентной трансцендентности, выявляются типы объективных и субъективных трансцендентностей. Устанавливаются некоторые базовые принципы трансцендирования сознания: интенциональность, доступность трансцендентности для познания любому «я», аналогия (когда «мой» мир и доступное ему нужно считать принципиально доступным миру «другого», и наоборот), возможность находить взаимопонимание. Подчеркивается конститутивная природа и темпорально-горизонтная специфика трансцендирования.

The article defines three main paradigms in the research of the transcending problem: transcendentalist, existentialist and existential-phenomenological, which reveal both crucial levels of transcending and main stages for its study. It points out the fundamental importance of the transcendentalist paradigm enabling to discover the conditions, forms and characteristics in the consciousness' activity, in which in with the help of which transcensus takes place.

From the position of Husserlian transcendentalism the immanent, the transcendent, the transcendental and transcending are characterized. Attention is paid to the presence of immanent transcendency, types of objective and subjective transcendencies are detected. Some basic principles for consciousness transcending are set: intentionality, transcendence availability for cognition to any "I" (self), analogy (when "my" world and what is accessible to it needs to be considered on principle accessible to "another's" world, and vice versa), possibility to find mutual understanding. The constitutive nature and temporal-horizon specificity of transcending are underscored.

Ключевые слова: трансцендирование, трансцендентное, имманентное, трансцендентальное.

Keywords: transcending, transcendent, immanent, transcendental.

Обращаясь к проблеме трансцендирования – одной из основополагающих философских проблем, связанных с исследованием специфики как существования человека, так и общества, нужно, прежде всего, выделить три основные парадигмы, сложившиеся в изучении данной проблемы. При этом стоит отметить, что, согласно Т. Куну, парадигма – это «дисциплинарная матрица», маркирующая принадлежность ученых к тому или иному предмету исследования (или научной дисциплине), представляющая собой принимаемую научным сообществом систему различных упорядоченных элементов знания [1] (прежде всего, фундаментальных теорий, принципов, законов) и имеющая такие важнейшие особенности, как наличие «общепризнанных образцов» (способов понимания проблем и их решения), собственной символической формы выражения знания, метафизической и ценностной составляющих [2]. В качестве стержневых парадигм, в которых осуществляются исследования проблемы трансцендирования, можно принять (с известной долей условности) следующие. Первая – это линия трансцендентализма, идущая от И. Канта к Э. Гуссерлю, а затем трансформирующаяся в нетрансцендентальную герменевтику социальности (термин В. В. Калиниченко) Г. Г. Шпета и феноменологическую социологию А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана. Вторая – экзистенциалистская философия М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, Н. А. Бердяева, Л. И. Шестова. Третьей парадигмой выступают экзистенциально-феноменологические поиски и интуиции М. Бубера, Ф. Розенцвейга, Э. Левинаса, С. Л. Франка и близкая им «философия сердца» Б. П. Вышеславцева. При этом важно учесть, что третий подход стремится синтезировать первый и второй.

Данные три парадигмы указывают, по нашему мнению, не только на три важнейших измерения указанного феномена, но и на три возможных этапа в его изучении. При этом исходным, первичным как по хронологии, так и по фундаментальности и строгости мышления, является, как мы считаем, трансценденталистский подход. Именно он раскрывает ступени подъема человека к всеобщим ясным рациональным структурам постижения действительности, позволяет выявить фундаментальные условия, формы и характеристики деятельности сознания, в которых и с помощью которых происходит трансцензус. Только на основе самосознания и самопонимания, кроме того, «в процессе саморазвития разума, его самообретения» [3], возможен выход к Другому, Его открытие через раскрытие себя.

Ограничиваемые рамками научной статьи, остановимся далее на рассмотрении лишь отдельных аспектов феномена трансцендирования, используя в качестве объекта анализа трансцендентально-феноменологический подход Э. Гуссерля. Отметим также, что в предыдущих публикациях нами уже подвергались разбору некоторые основополагающие для понимания трансцендирования подходы и идеи, в частности, вытекающие из теорий И. Канта [4].

Общеизвестно, что Гуссерль высоко чтит трансцендентальный идеализм Канта как такой тип философствования, который прокладывает дорогу трансцендентальной феноменологии – универсальной научной философии новой генерации [5]. Неудивительно поэтому, что некоторые исходные установки феноменологии, например, поворот к чистой субъективности и трансцендентальной проблематике, – близки кантовской философии. В частности, интересно кантовско-

гуссерлевское понимание трансцендентализма как *метода*, развитие Гуссерлем кантовского принципа априорного, но уже трактуемого не как строго всеобщее и необходимое знание, а как принцип сущностного анализа, сближение их позиций по вопросу методологического сужения (редукции) естественной многомерности, полифонии сознания и изучение всеобщих форм последнего. Интересно, в то же время, что существует достаточно большое количество расхождений между мыслителями [6]. Важно, в свете проводимого исследования, и то, что оба философа обнаруживают тесные связи между понятиями и сферами трансцендентального и трансцендентного, зазор между которыми и составляет в их подходах, по нашему мнению, пространство трансцендирования. При этом нужно учитывать, что в кантовской и гуссерлевской характеристиках данных связей имеются как различающие, так и сближающие их моменты. Так, в частности, у Канта деятельность разума в трех её основных ипостасях опирается на трансцендентные основания (идею сверхчувственного, трансцендентальные идеи, синтетические основоположения и др.), в силу чего вся трансцендентальная философия кёнигсбергжца предстает как «открытое пространство рациональной тематизации трансцендентного» [7]. У Гуссерля же трансцендентальное и трансцендентное коррелятивны друг другу. Но как у Канта, так и у Гуссерля, пространством всякой работы сознания с трансцендентным, включая возникающие в ходе этой работы трансцензусы, является именно сфера трансцендентального.

Гуссерль, вместе с установлением специфической корреляции между трансцендентным и трансцендентальным, открывает трансцендентное в имманентном. Имманентной трансцендентностью показывает себя нозматически не раскрытое чистое Я, в том числе и входящее в целокупность Я «многообразие предметностей возможного опыта» [8] (природы, мира и в нём других Я). Термин «трансцендентальный» также относится к Я, и именно трансцендентальное Я коррелирует с трансцендентностью, «ирреальной включенностью в Я» [9] объективного мира, знаменуя собой источник его смыслового наполнения. У Гуссерля, таким образом, отношение трансцендентального и трансцендентного (не трансцендентного и трансцендентного) выражается через противопоставление реального и ирреального, а трансцендирование реализуется в конститутивных процессах сознания.

Нужно обратить внимание на то, что трансцендентальная феноменология изучает «чисто психическое», чистое (трансцендентальное) сознание, свободное от натуралистических предрассудков и наслоений. И поскольку Гуссерль утверждает абсолютность и автономность бытия сознания, а также первичность этого бытия по отношению к сфере трансцендентных вещей (прежде всего, пространственно-временного мира, который есть не более чем интенционально постигаемое сознанием бытие), постольку областью трансцендирования может быть только бытие сознания в его чистоте и абсолютности. При этом все трансценденции, конституирующиеся активностью сознания – природные, аксиологические, практические, эстетико-культурные и иные – не представляют собой некой непознаваемой реальности, не оказываются чем-то вроде кантовской «вещи в себе» [10]. Они, будучи «интенциональным коррелятом» (Гуссерль) разума, с полным на то основанием могут быть постигнуты в когитативных актах. Немецкий феноменолог здесь остается верным утвержденному им принципу самоданности, согласно которому «любое дающее из самого первоисточника созерцание есть правовой источник познания, и всё, что предлагается нам в “интуиции” из самого первоисточника... нужно принимать таким, каким оно себя дает, но и только в тех рамках, в каких оно себя дает» [11]. Феноменология, иными словами, отталкивается от непосредственного, первичного психического опыта и, по справедливому мнению американского философа образования Дж. Г. Чемберлина, «оспаривает дедуктивную процедуру» [12].

В феноменологическом контексте фундаментальным основанием трансцендирования, его базовым принципом предстает *интенциональность*. Действительно, сознание, а точнее, определенные его переживания потому изначально имеют трансцендирующую установку, что обладают «свойством быть “сознанием чего-либо”» [13]. Интенциональность, согласно создателю феноменологического метода, – это основное онтологическое свойство сознания. Она представляет собой активно-пассивную, действенно-созерцательную направленность сознания на предмет, нацеленность на смысловое конституирование являющегося индивиду в субъективном опыте. Как верно отмечает В. Е. Семёнов, «...Гуссерль описывает интенцию как феноменологический (а не психологический) процесс направления внимания на предмет и одновременной экспликации чистого смысла этого предмета» [14]. И если в трансцендентальной феноменологии Гуссерля речь идет об интенциональном трансцендировании как конституировании чистого, трансцендентального Его в пределах самого же трансцендентального Его, то в его феноменологии жизненного мира и интерсубъективности, а также в последующих вариантах развития идеи интенциональности (например, у Сартра, Мерло-Понти, Шпета, Щюца), Его помещается в мир и утрачивает свою трансцендентальность. Именно интенциональность, поэтому, позволяет понять

человека не как замкнутого в своем внутреннем мире, а как существо, желающее конституировать мир вокруг себя, существовать в мире социума и культуры.

Необходимо, кроме того, подчеркнуть, что специфика трансцендирования, взятого в трансцендентальном аспекте, может быть более полно раскрыта посредством прояснения таких понятий Гуссерлевой феноменологии, как ноэзис и ноэма, темпоральность, рефлексия, очевидность, эпохе, феноменологическая редукция, а взятого в нетрансцендентальном аспекте – с помощью понятий жизненного мира, интерсубъективности и др. Однако их рассмотрение должно базироваться на анализе некоторых более общих исходных положений чистой феноменологии, на чем мы и сосредоточим свое внимание.

В первую очередь, необходимо принять во внимание различие между имманентными и трансцендентальными интенциональными переживаниями, проводимое Гуссерлем в «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913). Имманентными по своей направленности являются те акты, интенциональные предметы которых относятся к одному и тому же потоку интенциональных переживаний (например, находятся в рамках одного и того же Я). Трансцендентальными же, напротив, признаются интенциональные акты, выводящие сознание за пределы предметностей имманентной сферы – к другим Я, вещам или иным реальностям. В соответствии с этим в имманентном восприятии создается непосредственная целостность собственно рецепции и воспринятого объекта, возникает органичная включенность второго в первое. В трансцендентном восприятии (и иных интенциональных переживаниях, основанных на взаимосвязях с трансцендентным), напротив, подобного единства не возникает, воспринятый объект не входит в структуру восприятия [15].

Трансцендентным, «инопородным» (Гуссерль), с которым могут быть связаны интенциональные переживания, показывает себя, прежде всего, материальный мир как основополагающий уровень всего природного мира. Вместе с тем, как отмечает основоположник феноменологии, материальность («вещность») и сознание связываются воедино в конкретных «живых» психофизических целостностях, и скрепляет эту нераздельность имеющаяся целокупность мира. Вещь, которая предстает в восприятии во всей полноте своей живой сущностной неделимости, при этом, есть только явление, подлинной же вещью выступает трансцендентная данному явлению «вещь физической науки» (Гуссерль) [16].

Вторым, кроме материального, кластером трансцендентного по отношению к онтологическим структурам восприятия, предстает субъективная сфера – вся совокупность явлений. В процессе восприятия вещи как «интенционального единства» (Гуссерль) все её качества не «отпечатываются» с неизменностью в сознании, а *являются* в непрерывающемся потоке разнообразных оттенков и проекций.

Есть и еще одна трансцендентность – это дающаяся в конституции целостность индивидуального измерения человеческого сознания, укорененная в телесности. Иными словами, оставаясь абсолютным, сознание, в то же время, оказывается частью трансцендентности материального мира, присоединяясь к ней путем *трансцендирующей апперцепции*. С помощью последней сознание и постигает свою спаянность с телом, а телесность становится слоем сознания.

Наконец, в числе элиминируемых с помощью феноменологической установки и последовательно проводимой феноменологической редукции трансцендентностей объективных (мир неживой и живой природы, люди) и субъективных (всеобъемлющий мир духовной культуры) оказывается и трансцендентность иного рода – чистое «я». Оно всегда включено в поток переживаний, сопутствует всем полаганиям сознания, но, в то же время, выказывает свою обязательность и неизменность, т. е. не изъясняет себя как элемент меняющихся *cogitationes*. Именно в этом качестве чистое «я» предстает как «трансценденция в пределах имманентности» (Гуссерль), причем как трансценденция, не подлежащая исключению.

Принципиальное значение для понимания трансцендирования имеет утверждение Гуссерля о том, что трансцендентность вещи не означает полной изолированности вещи от сознания и его. Трансценденция, напротив, предполагает связь с последними, возможность быть доступной опыту, т. е. выступает частью пока не актуализированного горизонта действительного и действующего «я». Соответственно, трансцендирование предстает как актуализация, определение данного горизонта, и, в этом качестве, как преодоление трансцендентных моментов вещиности.

Так, в трансцендентном восприятии, в котором вещь никогда не презентуется во всей своей полноте (как это происходит в имманентном восприятии), «ядро *“действительно репрезентируемого”* окружено... *горизонтом не собственно данной “соприданности”* и более или менее туманной *неопределенности*» [17]. Именно эти «соприданность» и «неопределенность» актуализируются и проясняются в ходе образующих единое русло множества перманентных восприятий, переходят в состояние действительности и отчетливости [18]. При этом важно отметить, что ход

такой актуализации хотя и свободный, но не беспорядочный, так как реализуется согласно предуготовленным самой сущностью непроясненных компонентов путям. Немаловажно также и то, что до конца превзойти все трансцендентные аспекты вещи оказывается невозможным, так как по мере трансформации имеющегося горизонта в нечто ясно воспринимаемое возникает горизонт новых неопределенностей.

Механизм подобного трансцендирования дополнительно конкретизируется, на наш взгляд, в описании Гуссерлем способа доступа к восприятию вещи. Суть этого способа сводится к следующему: от локализованного в точке «здесь» восприятия, окруженного фоном вещного, возможного для рецепции, исходят *«мотивируемые континуумом взаимосогласной непрерывности»* [19] последовательности всё новых и новых восприятий и их фоновых полей. Это движение результируется в формировании таких взаимосогласований в рецепции, с помощью которых вещь обретает явленность и схватывание [20]. Весьма существенно при этом, что описанный способ действует как в отношении отдельного «я», так и в отношении целой множественности «я», в силу чего, и при условии взаимопонимания, возможно трансцендирование в *социальном аспекте*, способствующее приумножению опыта «его».

Развитие рассматриваемой темы мы находим в размышлении пятом гуссерлевских «Картезианских размышлений». В нём выделяется два рода трансцендентности: имманентная трансцендентность (трансцендентность первого порядка) и трансцендентность объективного мира (трансцендентность второго порядка), при этом трансцендентностью как таковой выступает *отсутствие конституции предметности*, её нозматическая не явленность. К первопорядковой трансцендентности относятся чистое Я (его чувственные данные и хабитуальности) и *«трансцендентные»* предметы, например предметы *внешней чувственности*, единства, принадлежащие многообразиям чувственных способов явлений...» [21]. Аподиктическое (хотя бы по форме) толкование трансцендентности Я, таким образом, предполагает конституирующее трансцендирование, происходящее в потоке интенциональных переживаний. При этом, как совершенно правильно пишет по этому поводу отечественный исследователь в области феноменологии и философской герменевтики Е. В. Борисов, «...каждое переживание как бы интерферирует с другими, и актуальное исполнение того или иного переживания всегда оказывается и трансцендированием сознания за рамки актуального “теперь” и актуальной данности. Коррелятивно этому и бытие всякого предмета представляет собой трансцендирование в смысле горизонтного становления, направленного к абсолютной полноте его предметного бытия» [22]. Иными словами, именно трансцендентность первого порядка – имманентная – выступает условием конститутивного по своей сути и форме трансцендирования «на нозматическом и нозматическом уровнях» (Е. В. Борисов).

Трансцендирование к *объективному* миру проходит, согласно Э. Гуссерлю, ряд этапов. Вначале конституируются другой или другие его, с помощью чего «осуществляется универсальная смысловая надстройка над моим первопорядковым миром» [23], и последний делается феноменом единственного и общего для всех его мира. Установление другого «я» как «первого другого» задает перспективу перманентной конституции сфер иного по отношению к «я» (объективных природы и мира), такой конституции, когда, в первую очередь, формируется «сообщество монад», создающих идентичный для всех членов этого сообщества мир. «Сообщество монад» как «трансцендентальное “Мы”» создает затем объективный мир, представая уже в качестве субъективности, субъективности как для конституируемого объективного мира, так и «для мира людей». И на данном этапе интерсубъективное его и область интерсубъективности *не трансцендируются* объективным миром, последний показывает себя по отношению к ним как «имманентная трансцендентность», как их «идеальный коррелят». Отсюда «конституция объективного мира существенным образом заключает в себе... гармоническую конституцию, по отдельности совершающуюся в отдельных монадах, и в соответствии с этим заключает в себе также гармонически протекающий в отдельных монадах генезис» [24].

Таким образом, необходимо отметить, во-первых, что трансцендирование, предстающее в рамках гуссерлевской трансцендентальной феноменологии, является неотъемлемым компонентом конституирования предметности, непосредственно вытекает из интенциональной природы сознания, имеет своими основными аспектами темпоральность и горизонтность. Во-вторых, анализ некоторых построений Гуссерля позволяет выделить, по крайней мере, три базовых принципа, делающих возможным трансцендирование «я» к «другому» (в том числе, например, к произведениям искусства и предметам религиозного отношения как к «другим»). Это, прежде всего, уже указанный выше принцип доступности трансцендентности для познания любому «я». Реализация его связана с функционированием второго принципа – принципа аналогии, когда «мой» мир и доступное ему нужно считать принципиально доступным миру «другого», и наоборот. Проявляется этот принцип, например, в возможности каждого «я» удостоверять себя в «другом я», через «другое я».

Он позволяет также сущностную редукцию бытия человека применять и по отношению к бытию всех иных людей, в результате чего открывается «множественность чистых “я”» (Гуссерль).

Третий принцип – принцип возможности находить взаимопонимание, наличия шанса установления эмпатии. Именно на основе взаимопонимания автономные сферы опыта могут образовывать единую intersubъективную среду, что универсальным образом раздвигает общечеловеческое пространство в аспекте бытия чистых сознаний и их полюсов «я».

Примечания

1. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М.: Прогресс, 1977. С. 237–238.
2. Там же. С. 238–249.
3. Суркова Н. А. Гносеологическая и экзистенциальная функции понятия «трансцендентальный субъект»: дис. ... д-ра филос. наук. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2003. С. 159.
4. См., например: Латышева Ж. В. Трансцендирование и его социальные аспекты в свете теоретической философии И. Канта // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 3. С. 132–135.
5. См., например: Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: пер. Д. В. Скляднева. СПб.: «Владимир Даль», 2004. С. 139–140.
6. См., например: Мотрошилова Н. В. Гуссерль и Кант: проблема «трансцендентальной философии» // Философия Канта и современность / под общ. ред. Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1974. С. 329–377.
7. Жаров С. Н. Трансцендентное в онтологических структурах философии и науки: дис. ... д-ра филос. наук. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2007. С. 222.
8. Гуссерль Э. Картезианские размышления: пер. с нем. Д. В. Скляднева; вступ. ст. Я. А. Слинина. СПб.: Наука: Ювента, 1998. С. 206.
9. Там же. С. 86.
10. Гуссерль, наряду с конститутивным способом данности трансцендентного, выделяет еще и интуитивный способ его данности (См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. первая / пер. с нем. А. В. Михайлова; вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Академ. проект, 2009. С. 157).
11. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. первая. С. 80.
12. Chamberlin J. Gordon Phenomenological Methodology and Understanding Education // Existentialism and Phenomenology in education. Coll. essays. D. E. Denton, ed. NY.-L., Teachers college press, 1974. P. 119.
13. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. С. 112.
14. Семёнов В. Е. Доминирующие парадигмы трансцендентализма в западноевропейской философии: дис. ... д-ра филос. наук. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т (РГГУ), 2011. С. 455.
15. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. С. 116–118.
16. Там же. С. 118–121.
17. Там же. С. 132.
18. Стоит заметить, вместе с тем, что наоборот, уже имевшее определенность в восприятии, «уходит» в состояние неопределенности.
19. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. С. 138.
20. См.: Там же.
21. Гуссерль Э. Картезианские размышления. С. 205–206.
22. Борисов Е. В. Эволюция трансцендентально-феноменологических оснований онтологии в работах Э. Гуссерля и М. Хайдеггера: автореф. дис. ... канд. филос. наук. ИФ РАН. М., 1997. С. 11.
23. Гуссерль Э. Картезианские размышления. С. 210.
24. Там же. С. 212.

Notes

1. Kuhn T. Struktura nauchnyh revolyucij. S vvodnoj stat'ej i dopolnениями 1969 g. [The structure of scientific revolutions. With introductory article and additions of 1969]. M. Progress. 1977. Pp. 237–238.
2. Ibid. Pp. 238–249.
3. Surkova N.A. Gnoseologicheskaya i ehkzistencial'naya funkцii ponyatiya «transcendental'nyj sub"ekt»: dis. ... d-ra filos. Nauk [Epistemological and existential functions of the concept of "transcendental subject": dis. ... Dr. Philosophy]. Ufa. Bashkir State University. 2003. 159 p.
4. See, eg.: Latysheva Zh.V. Transcendirovanie i ego social'nye aspekty v svete teoreticheskoy filosofii I. Kanta [Transcending and social aspects in the light of theoretical philosophy of Kant] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova – Herald of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. 2014, vol. 20, № 3, pp. 132–135.
5. See, eg.: E. Husserl Krizis evropejskih nauk i transcendental'naya fenomenologiya [Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]: transl. D.V. Sklyadnev. SPb. "Vladimir Dal '. 2004. Pp. 139–140.
6. See, eg: Motroshilova N.V. Gusserl' i Kant: problema «transcendental'noj filosofii» [Husserl and Kant: the problem of "transcendental philosophy"] // Filosofiya Kanta i sovremennost' – Philosophy of Kant and modernity / under total. ed. T.I. Oizerman. M. Mysl. 1974. Pp. 329–377.

7. Zharov S.N. Transcendentnoe v ontologicheskikh strukturah filosofii i nauki: dis. ... d-ra filos. Nauk [Transcendent in the ontological structure of philosophy and science: dis. ... Dr. Philosophy]. Voronezh. Voronezh State University. 2007. 222 p.
8. Husserl E. Kartezianskie razmyshleniya [Cartesian thinkings: transl. from Germ. D.V. Sklyadnev; introd. art. J.A. Slinin. SPb. Nauka: Juventa. 1998. 206 p.
9. Ibid. P. 86.
10. Husserl, along with a constitutive way of transcendent givens, highlights also intuitive way of its given (See: E. Husserl *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii*. Kn. pervaya [Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book first] / transl. from Germ. A.V. Mikhailov, introd. art. V.A. Kurennyj. M. Academic Project. 2009. P. 157).
11. E. Husserl *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii*. Kn. pervaya [Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book first] P. 80.
12. Chamberlin J. Gordon Phenomenological Methodology and Understanding Education // Existentialism and Phenomenology in education. Coll. essays. D. E. Denton, ed. NY.-L., Teachers college press, 1974. P. 119.
13. E. Husserl *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii*. Kn. pervaya [Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book first]. P. 112.
14. Semenov V.E. Dominiruyushchie paradigmy transcendentalizma v zapadnoevropejskoj filosofii: dis. ... d-ra filos. nauk [Dominant paradigms in the Western philosophy of transcendentalism: dis. ... Dr. Philosophy]. M. Russ. State University of Humanities (RSUH). 2011. 455 p.
15. E. Husserl *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii*. Kniga pervaya [Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book first]. Pp. 116–118.
16. Ibid. Pp. 118–121.
17. Ibid. P. 132.
18. It should be noted, however, that on the contrary, already had certainty in perception, "leaves" in a state of uncertainty.
19. E. Husserl *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii*. Kniga pervaya [Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book first]. P. 138.
20. See Ibid.
21. Husserl E. Kartezianskie razmyshleniya [Cartesian thinking]. Pp. 205–206.
22. Borisov E.V. EHvolyuciya transcendental'no-fenomenologicheskikh osnovanij ontologii v rabotah EH. Gusserlya i M. Hajdeggera: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk [Evolution of transcendental-phenomenological ontology in the works of Husserl and Heidegger: Abstract Dis. ... Cand. Philosophy]. IF RAS. M. 1997. P. 11.
23. Husserl E. Kartezianskie razmyshleniya [Cartesian thinkings]. P. 210.
24. Ibid. P. 212.

УДК 168.522

С. В. Коровин

Проблема субъекта социально-гуманитарного познания

В статье рассматривается вопрос о статусе субъекта социально-гуманитарного познания в контексте тенденций, присущих современному научно-философскому знанию. Делается вывод, что анализ субъекта социально-гуманитарного познания невозможен без рассмотрения субъекта познания как «включенного» в социокультурное пространство, которое априорно не является беспроблемным. Попытки рассмотрения негативных проявлений современного социума через анализ так называемой «массовой культуры» продемонстрировали концептуальные трудности. Эти трудности предполагается разрешить через анализ феноменов смысловой, игровой и потребительской избыточности.

The article is devoted to a question of the status of the subject of social and humanitarian knowledge in a context of a nonclassical epistemology. The analysis of the subject of social and humanitarian knowledge is impossible without consideration of the subject of the knowledge which is in sociocultural space. Consideration of negative manifestations of modern society through the analysis of "mass culture" showed conceptual difficulties. They as it is supposed, will be solved by means of the analysis of the phenomena of semantic, games and consumer redundancy.

Ключевые слова: неклассическая теория познания, субъект познания, социокультурное пространство, массовая культура, феномен избыточности.

Keywords: nonclassical epistemology, subject of knowledge, sociocultural space, mass culture, phenomenon of redundancy.

Актуальной проблемой отечественной философской мысли является необходимость разработки современных подходов к эпистемологической проблематике и формирование понимания неклассической эпистемологии. В свою очередь возможность «преодоления» эпистемологии классической и «снятия» сформированных в ее рамках проблем трактуется сегодня различно: как необходимость замены классической эпистемологии какой-либо новой дисциплиной, как необходимость переориентации теории познания на междисциплинарность или её рассмотрения в контексте социальной философии; также выдвигается идея о необходимости формирования философии познания [1].

Обозначим некоторые существенные с нашей точки зрения черты проблематики переосмысления классической теории познания. В связи с этим укажем на необходимость отказа от абсолютизации теории отражения и рассмотрения ее в качестве рядовой познавательной концепции; признание релятивности научного познания; анализа внеаучных познавательных практик; преодоления «разрыва» между трансцендентальным субъектом «как нигде не существующим» и эмпирическим субъектом «как нигде не укорененным» – через обращение к проблематике жизни и повседневности; актуализации философской рефлексии социально-гуманитарного познания; формирования проблемного «поля», обусловленного оппозицией разум-рациональность.

В литературе выдвигается идея неравноценности и несоотнесенности разума и рациональности, при этом последняя интерпретируется как исторически изменчивая, проявляющая релятивность относительно исторической и дисциплинарной перспектив. Отмечается то, что «...разумное охватывает более широкую культурную сферу, нежели рациональное» [2]. На этом основании разум приобретает свое антропологическое понимание как родового качества человека, выступающего *в том числе* и в роли познающего субъекта.

Обозначенная тенденция «рискует» привести понимание разума исключительно в область психологического, минуя в целом научно-философский уровень осмысления человеческого познания. Подобная проблематика, проанализированная П. П. Гайденом, позволяет выявить причину тенденции к элиминированию принципа целесообразности из естествознания нового времени и дальнейшего перенесения данной тенденции «...на человеческую жизнь и деятельность, на сферу нравственности...». Это приводит к сужению понятия разума «...до так называемой научной рациональности, означавшей объяснение всех явлений с помощью установления между ними причинно-следственной связи – в смысле действующей, механической, а не целевой, конечной причины» [3].

Одним из возможных способов преодоления подобного исключения познающей личности из научной познавательной парадигмы является обращение к социально-гуманитарным областям знания и к проблеме субъекта, когда *cogito* интерпретируется не как внеисторическое, а как длящееся во времени. Именно в этом случае память, являющаяся неотъемлемой частью человеческого разума, осознающего себя в исторической и культурной перспективе, расценивается не только как психологический феномен, состояние сознания, но и как неотъемлемая бытийная характеристика человеческой субъективности, существенно отличающей ее от «непомнящей» вещи [4]. В результате проблема субъекта рассматривается в контексте не максимального приближения к трансцендентальному субъекту через гносеологическое абстрагирование, но в необходимости рассмотрения эмпирического субъекта как присутствующего в знании, «укорененного в жизни» через снижение уровня абстракции [5].

Задача анализа субъекта познания в контексте социальной реальности, «жизненной укорененности» и как включенного в социокультурную среду приводит к необходимости рассмотрения проблематики социально-гуманитарного научного познания, рефлексия которого на философском уровне фактически никогда не стремилась к элиминации повседневности и жизненного мира из своего познавательного пространства.

Становление методологии наук о духе, начавшееся в XIX в. преимущественно в рамках Баденской школы, продемонстрировало важнейшие тенденции, присущие пониманию социально-гуманитарного познания, обозначаемые в рамках бинарных оппозиций: объяснение-понимание; номотетический-идеографический методы; натура – культура; науки о духе и науки о культуре.

В настоящее время науковедческий анализ частично преодолел проблематику, выработанную Баденской школой неокантианства [6]. Так, отмечается, что «...в гуманитарных науках, пусть они основаны на понимании, весьма значительную роль играют объяснительные методы», а «...современная физика и естествознание обнаруживают в своей области ряд проблем, которые в прошлом побуждали многих сомневаться в научности гуманитарных дисциплин» [7]. Вместе с тем обозначенные обстоятельства не устраняют актуальности рассмотрения специфики социально-гуманитарного познания, а, напротив, проецируют эту актуальность из области методологии в мировоззренческую область. Это находит свое выражение в осознании того, «...что гумани-

тарное знание является парадигмой человеческого знания вообще, а естествознание – частный случай человеческого познания...» [8]. Такая позиция неминуемо приводит к анализу социально-гуманитарного научного познания в широком социо-культурном контексте. Тогда область методического знания выступает как составляющая многогранного социокультурного пространства, включающего его, но не сводящегося к нему.

Науки о человеке и обществе не могут функционировать без самого понимания человека и общества в их социокультурном контексте. Дело в том, что в социально-гуманитарном познании субъект представлен дважды: «...как познающий субъект (индивид, научное сообщество или общество) и как часть объекта познания...» [9]. Отсюда следует расширение области философской рефлексии проблем социально-гуманитарного научного познания в рамках неокантианства, философии жизни, экзистенциализма, философской герменевтики, семиотики, различных постмодернистских концепций.

Понимание субъекта познания как включенного в культуру является сложным и для анализа, и для понимания деятельности самого субъекта. Это способствовало формированию двух основных линий ее преодоления, совпадающих в тенденции к элиминации культурного и экзистенциального содержания субъекта. Первая – «картезианская линия», опирающаяся на естествознание и математическую теорию, основоположником которой можно считать О. Конта (социальная физика). Во многом именно количественные параметры в их проецировании на общество привели к исключению из предметного поля изучения собственно культуры, оставив в нем неконституируемый, не соотносительный с культурными процессами и как следствие этого отчужденный социум, который в таком рассмотрении действительно трудно считать чем-либо, кроме как массой. По словам В. М. Межуева, такой «культуре» масс «...соответствует и особый тип знания о культуре – социологический», и по отношению к ней «...важна не столько качественная характеристика образующих ее индивидов, сколько чисто количественное измерение ее численного состава и времени существования» [10]. Основоположающим здесь будет вопрос о том, является ли указанный выше подход стремлением к рассмотрению объективно сложившегося «порядка вещей», или же он сам конструирует изучаемую социальную реальность, выполняя функции социального инжиниринга, когда «...теоретическое знание об объекте, полученное исследователем, так или иначе влияет на сам объект» [11].

Вторая «постструктуралистская линия», выработанная в русле языкознания, основоположена идеями Ф. де Соссюра, согласно которым язык является формой, а не субстанцией [12]. В дальнейшем данная линия была развита в общем русле «лингвистического поворота», закрепившего «...победу структуралистской парадигмы над субстанциалистской...» [13]. Философское осмысление общегуманитарной проблематики через трактовку действительности, данной субъекту как опосредованной текстом и формируемыми им структурами и взаимосвязями, привело к известным «негативным» концептам постструктуралистского толка, фактически элиминировавшим человека из гуманитарной проблематики через дистанцирование «обозначающего» от «обозначаемого» [14]. В результате этого текстовая опосредованность восприятия реальности была заменена на структурную опосредованность самодостаточного текста.

Таким образом, стремление к «объективному» познанию общества стало противоречить самой сущности этого общества, демонстрирующего невозможность редукции к бессубстанциональной структуре или системе количественных данных.

Проблема понимания взаимодействия субъекта и текста ещё более усиливается, если рассматривать социально-гуманитарное познание в «широком» социокультурном контексте современности. С этих позиций классический линейный текст выступает как фиксированный статичный фрагмент длительного процесса формирования, взаимовлияния, конструирования, реконструирования и деконструирования смыслов, фундаментальное положение в котором занимает формирующий смысл посредством мышления субъект. В результате чего «...реконструкция смысла и текста и жизни предполагает адекватное и эффективное мышление, включающее мыслительные построения разного характера и уровня» [15].

Текст как объективированная форма социальных смыслов демонстрирует свою неоспоримую связь с социальной реальностью, а также со способом мышления человека. Это выражается в том, что, с одной стороны, текст объективирует в себе мировоззрение, а с другой – формирует его. В отношении текст – культура первый «...только в культуре приобретает свою определенность, бытийствует в своем качестве» [16]. В результате текст если и не становится тождественен культуре вообще, то во всяком случае играет в ней значительную роль, выполняя в том числе и функции накопления и передачи смыслов [17]. В настоящее время в связи с тенденциями рассмотрения познающего субъекта как целостного и «укорененного» в жизни отмечается, что формируемое в процессе познавательной деятельности знание «...есть определенный соответствующий

щей системой когнитивный процесс, а не составление карты объективного мира в субъективных когнитивных структурах» [18]. Невозможность понимания мира с точки зрения, находящейся вне этого мира, формирует у сознания необходимость воспринимать «образы реальности как проявления его собственной организации...» и взаимодействовать «с этими образами» применительно к текущему опыту [19]. Текст представляется как объективированное выражение обозначенных выше образов реальности, взаимодействие с которыми в условиях конкретной исторической социокультурной ситуации формирует ряд значительных аспектов, актуализирующих как структуралистскую, так и субстанциалистскую проблематику текста.

Выделение в проблеме текста вопросов, касающихся его структуры и субстанционального наполнения, является важнейшей исходной позицией при ее анализе. Подобное двухуровневое рассмотрение текста прослеживается и в философских построениях М. М. Бахтина. Текст определяется наличием у него двух «полюсов»: «полюса» общепонятной системы знаков и «полюса» индивидуального и неповторимого текста [20]. Первый представляет из себя условную систему знаков и выражается в языке. Основными характеристиками языка как системы знаков выступают повторимость и воспроизводимость, обнаруживаемая вне конкретного, неповторимого текста. Второй «полюс» выражается в тексте, имеющем необходимую для его реализации диалектическую связь с системой языка, которая фактически и делает возможным существование текста, тогда как текст, существующий вне языковой системы, представляет из себя «комплекс криков и стонов, лишенных языковой (знаковой) повторяемости» [21]. Диалектичность взаимодействия текста и языка выражается посредством того, что первый, функционируя в рамках повторяемости и воспроизводимости второго, продуцирует индивидуальное, единственное и неповторимое. Фактически в тексте реализуется отрицание глобальной повторяемости языка в рамках локального текста, в результате чего система языка выступает средством для достижения цели (смысла) в тексте. Таким образом, фиксируется невозможность существования второго текстового «полюса» в автономии от его автора и в целом субъекта. Смысл, являясь результатом деятельности субъекта текста, представляет собой не самостоятельный предмет, но часть субъектного мировоззрения, поэтому «не может быть средством для каких-либо посторонних целей, в том числе и для так называемого “общего блага”» [22].

Современное состояние текста демонстрирует себя в практике гипертекста, который, по нашему мнению, является диалектически связанным с текстом, проявляя свою связь в отрицании линейности классического текста и сохранении важнейших сущностных характеристик текста, выражаемых через способность во взаимодействии с познающим субъектом продуцировать смыслы. Мы считаем, что гипертекст демонстрирует взаимодействие структурного и субстанционального компонентов языка через выражение субстанциональных характеристик текста на структурном уровне. Гипертекст структурно фиксирует субстанциональные характеристики текста, тем самым делая их доступными для чувственного восприятия и описания, возвращая субстанциональный диалог из интуитивно постигаемого в область рационального.

В ходе анализа гипертекста нами были выделены объективный гипертекст как существующий независимо от субъекта «сам для себя» и субъективный гипертекст как формирующийся в ходе активной целеполагающей деятельности субъекта, направленной на гипертекст. Эти два проявления гипертекста реализуются в пространстве избыточного, находящегося во взаимосвязи с волевой целеполагающей деятельностью субъекта, вынужденного находиться в пространстве избыточного, порождающего во взаимодействии с ним проблемы свободы через выбор и ответственности через целеполагание.

Избыточность демонстрирует себя в регулярном «преодолении» человеком и социумом вообще минимальных биологических оснований существования человека как существа природного, в том числе позволяя формулировать классическую оппозицию «культура – натура». Человеческое, понимаемое как культурное, проявляет свою избыточность относительно минимально необходимого природного. Вместе с тем феномен избыточности не тождественен восприятию субъектом культуры вообще, так как культура может быть и культурой аскетизма, в то время как избыточность является исключительно лишь одним из проявлений культуры в ее взаимодействии с субъектом.

Анализ проявлений феномена избыточности был проведен на основе идей У. Эко, Й. Хейзинга, Ж. Бодрийара, Х.-Г. Гадамера. Избыточность представляет собой «пограничную» позицию в культуре, где ее практическая реализация непосредственно зависит от субъекта, результат деятельности которого соответствует как минимум двум вариантам: а) субъект как стремящийся к свободе мышления, проявлению воли, обладающий целеполаганием, продуцирует соответственно подлинную культуру; б) субъект как «укрывающийся» в избыточности и продуцирующий так называемую культуру массовую.

Исходной позицией понимания смысловой избыточности является идея сверхизбыточного сообщения, сформированная в структурализме. То есть такого сообщения, в котором форма увеличена относительно своего содержания так, что средства, используемые для передачи информации, являются избыточными относительно самого передаваемого содержания [23]. Подобная ситуация приводит к тому, что начинает довлеть над смысловым содержанием, что приводит к преобладанию «поверхностного» над «глубинным», или содержательным. В конечном счете это приводит к тому, что именно форма начинает содержать в себе смысловую «нагрузку» сообщения, в то время как содержательная составляющая сообщения служит не для передачи смысла, но констатации бессмысленности или по крайней мере малой значимости содержательного смысла.

Избыточное сообщение, составляющее, по мнению У. Эко, основу так называемых популярных художественных произведений и прежде всего литературных произведений, находит свою связь с вопросами социального характера. Характер популярных произведений стремится к компенсации таких черт современного общества, как высокая мобильность, нестабильность, изменчивость, неопределенность, непредсказуемость, сложность в его восприятии, информационная перегруженность. В этом отношении «избыточное повествование» представляет собой полную противоположность реалиям современного социума, демонстрируя неизменчивое, малосодержательное, узнаваемое этих повествований, подлинная цель которых выражается в «отдохновении» от социальной реальности, тогда как цель декларируемая, заключающаяся в передаче определенной информации, является по сути лишь бессмысленным, но не малозначимым «фоном», обеспечивающим избыточность. Таким образом, формируется понимание ценности смысла, заключающегося в его отрицании и низведении до бессмысленности. Смысл отчуждается от произведения и, как следствие, – от социальной реальности, культурной традиции, в которой это произведение существует.

Формирование отчужденного смысла проявляет себя и в негативной игровой избыточности. В частности, Й. Хёйзинга упоминает «игру на бирже», которая является настоящей игровой деятельностью, фактически не признаваемой таковой [24]. Обесценивается сам труд из-за осознания того, что игровая деятельность также приносит благосостояние, возвышается понимание места выигрыша в обществе, фиксируемое в ожидании получения тех или иных благ. Негативная избыточность игры демонстрирует себя через идею «укрывательства» субъектом в избыточности игры, когда культурная традиция «мертва», а собственная внеисторичность субъекта тягостна для него самого.

Конец истории в своей «секуляризованной» и антиутопической форме провозглашает существование после конца не только уже наступившим, но и не «истинным» в сравнении с собственно историческим временем. Применительно к научному познанию подобное мировоззрение выражается в стремлении к «онаучиванию» через овеществление, расщепление и атомизацию социальной реальности. В этом смысле единственной и «...желаемой реальностью признается “игра в концепции”», когда играющий в них «...не знает и не желает знать ничего, кроме этой “игры”, и страшно боится, что вдруг в его руках окажутся части чего-то живого... ведь это означает конец “игры”» [25]. В этом отношении воля субъекта становится не волей к жизни через игру, какой она предстает у Й. Хёйзинга, а волей к игре через отказ от жизни.

Отчужденность субъекта в полной мере проявляет себя в негативной избыточности в области потребления, выражающейся в том числе через искаженное представление о «позитивном» и «негативном», приобретающее в рамках «массовой культуры» форму соотношения «избытка» и «нехватки», указывающего на необходимость постоянного исчезновения, уничтожения, смерти как свидетельства «позитива». В этом разрушении, как разрушении избыточного, вещи «свидетельствуют в своём исчезновении о богатстве» [26]. В этом смысле вновь созданные вещи уже в момент своего создания начинают «агонизировать», то есть бороться со смертью или даже играть, вступая в игру с умиранием, в свой агон, который Й. Хёйзинга при рассмотрении греческого агона также причисляет к сфере игры [27].

Таким образом, постоянное переживание смерти начинает формировать её «обесценивание». Смерть понимается как прекращение существования чего-то значимого, через противоречие высокой ценности и одновременного отсутствия потенций к сохранению этой ценности, когда разрушение воспринимается скорее как «вынужденное» удовольствие. Ввиду давления необходимости уничтожения, как свидетельства богатства, ценность начинает приписываться тому, что мимолетно, быстротечно. Стремление к постоянному переживанию смертей, фиксируемое в рамках «массовой культуры», можно интерпретировать как попытку «смягчения» экзистенциального страха конечного человека перед бесконечным миром. Это выражается в том, «...чтобы рассматривать культуру, как нечто всеобъемлющее, стремясь одновременно ее распространить в форме конечных предметов...» [28]. Именно из подобной закономерности, вероятно, следует выводить нежелание создавать в рамках «массовой культуры» вечное, которое «переживет» своего

создателя. Обратной является «обесценивание» жизни, когда происходит замена в понимании «...культуры как символической системы смысла игровой и комбинаторной практикой культуры как системы знаков» [29].

Попытка обращения к бесконечному практически обречена, и в этом случае «средний» человек отдает предпочтение смерти вокруг него, которая трагична, но её трагичность можно компенсировать иронией, постоянно и безуспешно «догоняющим» потреблением.

Примечания

1. На пути к неклассической эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2009. С. 7.
2. Стоцкая Т. Г. Феномен рациональности: философская традиция и современные интерпретации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 96. С. 123.
3. Гайдено П. П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 25–26.
4. См.: Микешина Л. А. Философия познания. Полемиические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 536.
5. Микешина Л. А. Размышления о субъекте неклассической эпистемологии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 7.
6. Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М.: РОССПЭН, 2010. С. 345.
7. Борсяков Ю. И. Естественные и гуманитарные науки как типы научной рациональности. Воронеж, Изд-во ВГПУ, 2005. С. 4–5.
8. Там же. С. 5.
9. Борсяков Ю. И., Коровин С. В. Философский анализ гипертекста в системе социально-гуманитарных наук // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. Сер. «Духовная жизнь общества и человека: история и современность». 2014. Вып. 3. С. 37.
10. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 39.
11. Борсяков Ю. И. Парадигмальные основания гуманитарных наук // Новые идеи в философии. 2008. Т. 2. № 17. С. 89.
12. Береснева Н. И. Язык и реальность. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2004. С. 48.
13. Кутырев В. А. Крик о небытии // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 72.
14. Маслянка Ю. В. Современное общество: кризис смысла, идентичности, «полифония смыслов» // Вестник НГУ. Сер. «Философия». 2008. Т. 6. № 3. С. 64.
15. Розин В. М. Смысл текста, смысл жизни человека, смысл современного образования // Мир психологии. 2014. № 1. С. 181.
16. Кравец А. С., Каныкин С. В. Текст и его понимание // Вестник ВГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2005. № 1. С. 300.
17. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академ. проект, 2002. С. 61.
18. Князева Е. Н. Телесно-ориентированный подход в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 23. № 1. С. 43–44.
19. Там же. С. 44.
20. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 301.
21. Там же. С. 301.
22. Борсяков Ю. И. Парадигмальные основания гуманитарных наук... С. 79.
23. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 198.
24. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 88.
25. Борсяков Ю. И. Парадигмальные основания гуманитарных наук // Новые идеи в философии... С. 80.
26. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2006. С. 72.
27. Хёйзинга Й. Указ. соч. С. 62.
28. Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 140.
29. Там же. С. 143.

Notes

1. Na puti k neklassicheskoj ehpiistemologii – On the way to the non-classical epistemology / Rus. Acad. Sciences, Institute of Philosophy; resp. ed. V.A. Lektorsky. M. IFRAS. 2009. P. 7.
2. Stotskaya T.G. Fenomen racional'nosti: filosofskaya tradiciya i sovremennye interpretacii [Phenomenon of rationality: the philosophical tradition and modern interpretations] // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena – News of the Russian State Pedagogical University named after Herzen. 2009, № 96, p. 123.
3. Gaidenko P.P. Nauchnaya racional'nost' i filosofskij razum [Scientific rationality and philosophical mind]. M. Progress-Traditsiya. 2003. Pp. 25–26.
4. See Mikeshina L.A. Filosofiya poznaniya. Polemicheskie glavy [Philosophy of knowledge. Polemical chapter]. M. Progress-Traditsiya. 2002. 536 p.
5. Mikeshina L.A. Razmyshleniya o sub"ekte neklassicheskoj ehpiistemologii [Reflections on the subject of non-classical epistemology] // estnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of the Vyatka State Humanitarian University. 2015, № 1, p. 7.

6. Neokantianstvo nemeckoe i russkoe: mezhdru teoriej poznaniya i kritikoj kul'tury – Neo-Kantianism German and Russian, between the theory of knowledge and criticism of culture / ed. I.N. Griftsova, N.A. Dmitrieva. M. ROSSPEN. 2010. P. 345.
7. Borsyakov Yu.I. Estestvennye i gumanitarnye nauki kak tipy nauchnoj racional'nosti [Natural sciences and humanities as the types of scientific rationality]. Voronezh. Publishing House of the VSPU. 2005. Pp. 4-5.
8. Ibid. P. 5.
9. Borsyakov Yu.I., Korovin S.V. Filosofskij analiz giperteksta v sisteme social'no-gumanitarnyh nauk [Philosophical analysis of hypertext in the social sciences and humanities] // *Sovremennye problemy gumanitarnyh i obshchestvennyh nauk. Ser. «Duhovnaya zhizn' obshchestva i cheloveka: istoriya i sovremennost'»* – Modern problems of humanities and social sciences. Ser. "The spiritual life of society and man: Past and Present". 2014, Vol. 3, p. 37.
10. Mezhuiev V.M. Ideya kul'tury. Ocherki po filosofii kul'tury [Idea of culture. Essays on the Philosophy of Culture]. M. Progress-Traditsiya. 2006. P. 39.
11. Borsyakov Yu.I. Paradigmal'nye osnovaniya gumanitarnyh nauk [Paradigm bases of humanities] // *Novye idei v filosofii* – New ideas in philosophy. 2008, vol. 2, № 17, p. 89.
12. Beresneva N.I. YAzyk i real'nost' [Language and reality]. Perm. Publishing house of Perm State University. 2004. P. 48.
13. Kuttyrev V.A. Krik o nebytii [Shout about nothingness] // *Voprosy filosofii* – Problems of Philosophy. 2007, № 2, p. 72.
14. Maslyanko Y.V. Sovremennoe obshchestvo: krizis smysla, identichnosti, «polifoniya smyslov» [Modern society: the crisis of meaning, identity, "polyphony of meanings"] // *Vestnik NGU. Ser. «Filosofiya»* – Vestnik NSU. Ser. "Philosophy". 2008, is. 6, № 3, p. 64.
15. Rozin V.M. Smysl teksta, smysl zhizni cheloveka, smysl sovremennogo obrazovaniya [Meaning of the text, the meaning of human life, the sense of modern education] // *Mir psikhologii* – World of Psychology. 2014, № 1, s. 181.
16. A.S. Kravets, Kanykin S.V. Tekst i ego ponimanie [Text and its understanding] // *Vestnik VGU. Ser. «Gumanitarnye nauki»* – Herald of the Voronezh State University. Ser. "Humanitarian sciences". 2005, № 1, p. 300.
17. Lotman Y.M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva [Articles on semiotics of culture and the arts]. SPb. Academ. Project. 2002. 61 p.
18. Knyazev E.N. Telesno-orientirovannyj podhod v ehpiistemologii [Body-oriented approach to epistemology] // *EHpiistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2010, vol. 23, № 1, pp. 43-44.
19. Ibid. P. 44.
20. M.M. Bakhtin Avtor i geroj. K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk [Author and protagonist. To the philosophical foundations of the humanities]. SPb. Azbuka. 2000. Pp. 301.
21. Ibid. P. 301.
22. Borsyakov Y.I. Paradigmal'nye osnovaniya gumanitarnyh nauk...[Paradigm base of humanities] P. 79.
23. Eco U. Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta [The role of the reader. Studies on the semiotics of the text]. M. Publishing House of the Russian State Humanitarian University. 2007. P. 198.
24. J. Heizinga Homo ludens. CHelovek igrayushchij [Homo ludens. Man playing]. SPb. Publishing House of Ivan Limbakh. 2011. P. 88.
25. Borsyakov Y.I. Paradigmal'nye osnovaniya gumanitarnyh nauk [Paradigm base of humanities] // *Novye idei v filosofii...* – New ideas in philosophy ... P. 80.
26. J. Baudiyard Obshchestvo potrebleniya [Consumer society]. M. Republic. 2006. 72 p.
27. J. Heizinga Op. cit. P. 62.
28. J. Baudiyard Op. cit. P. 140.
29. Ibid. P. 143.

УДК 316.48

А. А. Плотников

Анализ опыта исследований социальных конфликтов в России

В статье рассмотрены основные направления отечественной конфликтологии, ее существующие методологические модели и особенности развития этой науки в нашей стране. Проведен анализ конфликтологических школ и направлений в российских исследованиях, показаны их сильные и слабые стороны. Объяснена актуальность исследований социальных конфликтов, а также особое положение отечественной конфликтологии по сравнению с европейской и американской. Определены основные факторы, а также исторические предпосылки, повлиявшие на возникновение и развитие конфликтогенеза в современном российском обществе. Раскрыты основные сложности и проблемы исследований в данной области, а также намечены перспективы дальнейшего развития конфликтологической мысли в России.

The quite detailed analysis of the Russian research experience of social conflicts is submitted in the article. The basic directions of the domestic conflict resolution, its existing methodological models and the particular development of this field in Russia are outlined here. Has made the analysis of Russian conflictological schools and directions, shown their strengths and weaknesses. Explained the relevance of the social conflict research as well as particular position of domestic conflictology in comparison with the European and the American ones. Major factors and also historical prerequisites which influenced emergence and development of a conflict genesis in modern Russian society are defined. The main difficulties and problems of researches in the field are opened, and prospects of further development of conflictological thought in Russia are also planned.

Ключевые слова: социальный конфликт, конфликтология, российские исследования.

Keywords: social conflict, conflictology, Russian research.

Социальный конфликт – это сложный и многообразный феномен, для понимания которого недостаточно одного лишь жизненного опыта, здесь требуется системный научный подход. В отличие от Западной Европы и США первые отечественные конфликтологические исследования появились лишь к концу XX в. Чтобы говорить о конкретных концепциях, необходимо дать обоснование роли российских исследований в общей конфликтологической парадигме. Почему же изучение социальных конфликтов на территории российского пространства имеет особую ценность? Дело в том, что российское общество буквально пронизано глубинными противоречиями ввиду многонациональности нашего общества и постоянных смен государственной власти и политических режимов, которые порождали множество проблем для населения ввиду ломки традиций и устоявшихся норм быта.

Большинство современных российских исследователей придерживаются принципа плюрализма в теории конфликта. Множество трудов с применением этого принципа было написано представителями российской марксистской школы. Т. И. Ойзерман уже более полувека исследует теорию марксизма, сопоставляя ее с российскими реалиями. Являясь приверженцем диалектического материализма, Ойзерман опирается на четыре основных ценности:

1. Человек и его достойная жизнь как основная ценность.
2. Свобода жизнедеятельности человека, ограниченная лишь эквивалентной свободой других людей.
3. Наука как способ поиска наиболее рациональной жизнедеятельности человека.
4. Борьба за реализацию этих ценностей в жизни всего человечества, против угнетения любого человека, с опорой на научно обоснованные способы этой деятельности – инструментальная ценность, фундаментальная норма поведения.

Однако он обнаруживает существенные теоретические заблуждения Маркса и Энгельса, в частности в приверженности к насильственно-революционным методам и диктатуре пролетариата, упразднении частной собственности на средства производства. Данные положения скорее деструктивны для общественной системы, нежели воплощают ее прогрессивное развитие. Такие теоретические противоречия марксистской теории выражают сущность исконной материалистической диалектики, а вместе с тем подтверждают состоятельность плюралистического подхода в философии [1].

К представителям марксистской школы можно также отнести А. А. Калганова, М. Н. Руткевича и В. И. Старовойтова. Они заострили внимание на условиях конфликтогенности социальной структуры российского общества, рассматриваемой в ракурсе первенства социальных групп. Признавая тот факт, что обмен товарами, культурными ценностями, миграция, вложение капитала, информация и другие формы современного взаимодействия способствуют модернизации, они отмечают противоречивый характер этого взаимодействия. Эксплуатация менее развитых стран, войны, нищета огромных масс населения, распад государств, террор, социальные болезни приводятся в качестве доказательств этих противоречий. Полемизируя с представителями психологического направления исследования социальных конфликтов, они считают ошибочными попытки положить в основу понимания социальных систем структуру самой личности. Ведь для того чтобы перейти от структуры личности к структуре общества в более широком аспекте, необходимо выяснить некоторые общие черты в установках личности, т. е. обратиться к господствующим социальным нормам [2].

В. Н. Иванов занимался исследованиями причин возникновения и путей развития социальных конфликтов, а также методами их диагностики и анализа в рамках поведенческой модели. Он считал главной задачей социолога разрешение противоречий. В качестве регулятивной методики он отдает предпочтение механизму медиации, выраженному в разрешении конфликтов с

помощью посредника или медиатора. Наряду с теоретизированием ученый активно участвовал в работе первого в России Петербургского центра разрешения конфликтов [3].

Наиболее общий обзор теории конфликта попытался сделать А. Я. Анцупов, разработав системно-ситуационный метод исследования, применимый к конфликтам любого уровня. Анцупов под конфликтом понимает наиболее острый способ разрешения значимых противоречий на основе противодействий субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями [4]. Основные типы конфликтов, на которые автор делает акцент, – внутриличностные и социальные, а также на их взаимозависимость. Анцупов выделяет также три глобальные задачи конфликтологической деятельности:

- исследование всех конфликтов, выступающих объектом науки, интенсивное развитие конфликтологической теории;
- создание системы конфликтологического образования в стране, пропаганда конфликтологических знаний в обществе;
- организация в России системы практической работы конфликтологов по прогнозированию, предупреждению и урегулированию конфликтов.

Представитель психологической школы исследования конфликтов Н. В. Гришина в своей книге «Психология конфликта» провела достаточно глубокий анализ существующих теоретических подходов к изучению межличностных и социальных конфликтов и практик, используемых для управления ими. Выводя определение конфликта, автор отмечает его обязательные качества – биполярность, субъективность и наличие активных осознанных антагонистических действий. Биполярность свидетельствует об изначальных противоречиях конфликтных сторон. Под субъектом в данном случае подразумевается человек, то есть конфликтом можно назвать только такие противоречия, которые имеют активную форму и возникают между двумя и более людьми или же в разуме одного индивида (борьба с самим собой). Представленные рамки существенно сужают область исследований, делая человека ядром конфликтной системы, а следовательно, психологические методы исследования – более релевантными [5].

Глубокий методологический анализ проблематики трудовых конфликтов провел В. Н. Шаленко. Он выделяет актуальность исследования данного конфликтогенеза российского общества ввиду того что общественная жизнь нашей страны в последние годы характеризуется значительным усилением политической и социальной напряженности, обострением противоречий, взрывающихся острыми конфликтами на всех уровнях социальной структуры. Он ссылается на глубокую имущественную дифференциацию, общую нищету среди квалифицированных рабочих кадров, возникшую вследствие либерализации экономики и приватизации государственных предприятий. Результатом этого является деформация важнейших социально-профессиональных групп, вплоть до исчезновения некоторых из них; девальвация ценности труда в материальном производстве, смена представлений о «престижных» и «непрестижных» профессиях; поляризация интересов частных собственников и директората предприятий, с одной стороны, и наемных работников совместно с профсоюзными структурами – с другой.

Он указывает на социальную напряженность, усиливающуюся с ростом социальной стратификации, утратой понятий «законность» и «справедливость», ослабление зависимости между трудом и доходом.

В качестве методологического инструмента для решения проблем, связанных с управлением трудовыми конфликтами, Шаленко использует субъектно-деятельностный подход. Он заключается в представлении трудового конфликта как диалектически противоречивого процесса отношений между субъектами, что позволяет типизировать конфликты в экономической сфере общества, значимые с точки зрения реализации конкретных управленческих технологий (ценности, мотивации, тактики поведения конфликтующих субъектов). Трудовые конфликты представлены не только как разрешаемое социальное противоречие, но и в то же время как необходимая конфликтная деятельность участников борьбы, имеющая своей целью удовлетворение работниками собственных интересов и потребностей [6].

Автором одной из наиболее фундаментальных отечественных монографий по проблеме социологии конфликта является А. Г. Здравомыслов. С выходом его издания «Социология конфликтов» (1996) начинается этап систематизированного изложения проблемы конфликта в отечественной социологии. В трактовке автора социальный конфликт – это «важнейшая сторона взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточка социального бытия. Это форма отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями. Существенная сторона социального конфликта состоит в том, что эти субъекты действуют в рамках некоторой более широкой системы связей, которая модифицируется (укрепляется или разрушается) под воздействием конфликта» [7].

Говоря о возникновении теории конфликта в России, Здравомыслов подчёркивает влияние общественной религиозности и церковной власти на ее (теорию коонфликтов) запоздалое развитие. Личность составляла единую целостность с народом, институтом церкви, религии и государством, а конфликт мог рассматриваться как ересь, аномальное отклонение от православия, соответственно, должен был преследоваться и наказываться. Позже, с приходом большевиков к власти, эта проблема также умалчивалась, но уже под давлением марксизма [8].

А. К. Зайцев под социальным конфликтом понимает структурированный особым образом процесс развития действий сторон на пути поиска средств стабилизации и развития отношений. Как любой многосложный процесс, социально-трудовой конфликт имеет свои стадии: зарождения, расцвета, пика, стабилизации и угасания. Анализируя данные стадии, Зайцев попытался сформировать детальную методологию работы с социально-трудовыми конфликтами. Глубокий разбор элементов социального конфликта и частый переход на конкретику в виде опыта проведенных исследований позволяют использовать «Социальный конфликт» как эффективное пособие по управлению и регулированию социальных конфликтов [9].

В целом можно сказать, что развитие конфликтологии в России имело свои особенности. На ее запоздалое развитие однозначно повлияла господствующая идеология советского времени, отрицавшая явление конфликта как такового. Вследствие этого после «снятия табу» на исследования в данной области (90-е гг.) социальный конфликт все еще рассматривался в рамках концепции марксизма и во многом опирался на его принципы. С анализом зарубежного опыта и проведения междисциплинарных исследований в России формируется первая теоретическая конфликтологическая база и отрывается Центр разрешения конфликтов в 1993 г. Современная же российская конфликтология имеет уклон в область практической деятельности и в основном представлена как совокупность различных гуманитарных дисциплин (психология, социология, политология, экономика).

Подводя итог, нужно сказать, что появившаяся к концу XX в. парадигма нового институционализма и научного плюрализма безусловно оказала влияние на развитие отечественной теории конфликта. Конфликтология в России прогрессирует стремительными темпами, все глубже проникая в смежные научные дисциплины и сферы общественной жизни. Тем не менее существует серьезный недостаток конфликтологических знаний на уровне бытовых знаний, на уровне общественного сознания. Ведь в нашу эру информационных технологий социальные конфликты стали еще более распространены и при этом не утратили свой разрушительный потенциал. Во время, когда в мире ведется специальная деятельность по созданию так называемых информационных атак, население России как никогда нуждается в защите. В защите, представленной в виде систематизированных научных знаний, а это, на наш взгляд, как раз и должно быть основным стимулом и вектором развития отечественной конфликтологии.

Примечания

1. Ойзерман Т. И. Диалектический материализм и история философии: (Историко-филос. очерки). М.: Мысль, 1979; Ойзерман Т. И. Марксизм и утопизм. М.: Прогресс-Традиция, 2003; Ойзерман Т. И. Возникновение марксизма. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2010.
2. Дмитриев А. В. Современная конфликтология в контексте культуры мира. М., 2001. С. 18–24.
3. Иванов М. В., Смолянский В. Г. Конфликты и конфликтология. М., 1994.
4. Анцупов А. Я., Шпилев А. И. Конфликтология. М.: Юнити, 2000.
5. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008.
6. Шаленко В. Н. Управление трудовыми конфликтами на российских предприятиях в условиях становления социального партнерства: дис. ... д-ра социолог. наук. М., 2001; Шаленко В. Н. Трудовые конфликты: методология, теория и управление // Социологические исследования. 2009. № 5.
7. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 94.
8. Здравомыслов А. Г. Социология российского кризиса. М.: Наука, 1999.
9. Зайцев А. К. Социальный конфликт. Изд. 2-е. М.: Академия, 2001.

Notes

1. Oizerman T.I. Dialekticheskij materializm i istoriya filosofii: (Istoriko-filos. ocherki) [Dialectical materialism and the history of philosophy (History and Philosophy. Essays)]. M. Mysl. 1979; Oizerman T.I. Marksizm i utopizm [Marxism and utopianism]. M.:Progress-Traditsiya. 2003; Oizerman T.I. Vozniknovenie marksizma [Emergence of Marxism]. M. Kanon + ROOI "Rehabilitation". 2010.
2. Dmitriev A.V. Sovremennaya konfliktologiya v kontekste kul'tury mira [Modern conflict study in the context of a culture of peace]. M. 2001. Pp. 18–24.
3. Ivanov M.V., Smolyanskii V.G. Konfliktki i konfliktologiya [Conflicts and conflict studies]. M. 1994.
4. Antsupov A.Y., Shpilov A.I. Konfliktologiya [Conflict study]. M. Unity. 2000.
5. Grishina N.V. Psihologiya konflikta [Psychology of conflict]. 2nd ed. SPb. Piter. 2008.

6. Shalenko V.N. Upravlenie trudovymi konfliktami na rossijskikh predpriyatiyah v usloviyah stanovleniya social'nogo partnerstva: dis. ... d-ra sociolog. nauk [Managing labor conflicts at the Russian enterprises in the conditions of social partnership: dis. ... Dr. Sociology]. M. 2001; Shalenko V.N. Trudovye konflikty: metodologiya, teoriya i upravlenie [Labour conflicts: methodology, theory and management] // Sociologicheskie issledovaniya – Sociological researches. 2009, № 5.
7. Zdravomyslov A.G. Sociologiya konflikta [Sociology of conflict]. M. Aspect Press. 1996. P. 94.
8. Zdravomyslov A.G. Sociologiya rossijskogo krizisa [Sociology of the Russian crisis]. M. Nauka. 1999.
9. A.K. Zaitsev Social'nyj konflikt [Social conflict]. 2nd. ed. M. Academiya. 2001.

УДК 1(091)(470)

М. А. Маслин, Л. Р. Авдеева

Университетская философия в России

26 мая 2015 г. на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова состоялась научная конференция «Университетская философия в России (к 260-летию Московского университета)», в которой приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Иванова, Екатеринбурга:

Михаил Александрович Маслин – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ.

Александра Юрьевна Бердникова – аспирант кафедры истории русской философии философского факультета МГУ.

Василий Викторович Ванчугов – доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ.

Александр Александрович Ермичев – доктор философских наук, профессор Русской христианской гуманитарной академии, Санкт-Петербург.

Борис Владимирович Емельянов – доктор философских наук, профессор УрФУ, Екатеринбург.

Александр Николаевич Ерыгин – доктор философских наук, профессор ЮФУ, Ростов-на-Дону.

Вячеслав Николаевич Жуков – доктор философских наук, профессор МГУ.

Ольга Борисовна Ионайтис – доктор философских наук, профессор УрФУ, Екатеринбург.

Таймураз Муссаевич Кареев – доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ.

Вячеслав Иванович Коцюба – кандидат философских наук, доцент МФТИ.

Михаил Викторович Максимов – доктор философских наук, профессор, ИГЭУ, Иваново.

Юлия Биляловна Мелих – доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ.

Алексей Терентьевич Павлов – доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ.

Василий Николаевич Пономарев – кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ.

Нина Михайловна Северикова – кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры истории русской философии философского факультета МГУ.

Елена Владимировна Сердюкова – кандидат философских наук, доцент ЮФУ, Ростов-на-Дону.

Лев Евгеньевич Шапошников – доктор философских наук, профессор, президент НГПУ им. Козьмы Минина, Нижний Новгород.

Философия профессионально преподается и изучается в России на протяжении более чем 300 лет, а в рамках университетского образования – 260 лет, со времени основания Московского университета. Университетское сообщество связано с существованием блестящей плеяды профессоров и преподавателей, исследовавших и развивавших философскую культуру. Они сформулировали свои оригинальные концепции и внесли значительный вклад в развитие мировой философии. История преподавания философии в высших учебных заведениях России – это и история взаимосвязей и взаимообогащения культур разных народов, становления основных европейских направлений и школ. Общение и взаимовлияние представителей профессионального сообщества в России и за рубежом, драматические жизненные коллизии выдающихся мыслителей России, сложные социально-политические условия, в которых ученые жили и творили, – все это стало предметом обсуждения на конференции.

Philosophy professionally was taught and studied in Russia for more than 300 years, and as part of university education – 260 years since the founding of the Moscow University. The university community is due to the existence of a brilliant galaxy of professors and teachers, research and develop philosophical culture. They formulated original concepts and have made a significant contribution to world philosophy. The history of philosophy teaching

in educational institutions of Russia – this is the history of relationships and mutual enrichment of cultures of different nations, becoming the main European trends and schools. Communication and interaction of representatives of the professional community in Russia and abroad, dramatic life collisions outstanding thinkers of Russia, the complex socio-political environment in which scientists lived and worked – all this has become a subject of discussion at the conference.

Ключевые слова: русская философия, университетская и академическая философия, христианство.

Keywords: Russian philosophy, university academic philosophy, Christianity.

С приветственным словом на конференции выступил чл.-корр. РАН, доктор философских наук, профессор **Владимир Васильевич Миронов**. Он подчеркнул, что философия в университете всегда являлась основополагающей дисциплиной, и вопрос о том, как в разные исторические периоды философия существовала в системе университетского образования, требует исследования. И. Кант выделял два уровня преподавания философии – «школярская», в рамках гимназического образования, предназначение которой состояло лишь в первоначальном ознакомлении с проблематикой и именами великих мыслителей, и философия в мировом значении, выясняющая цели человеческого разума. Сегодня философия является общеобязательной дисциплиной, но в настоящее время необходимо обратить особое внимание на ее преподавание на других факультетах университета. Мы должны понимать, насколько философия воспринимается представителями естественнонаучного знания, готовить специалистов в области философии науки, которые сейчас наиболее востребованы.

Ермичев А. А. Петербургский архив Н. Я. Грота

Открывший выступления А. А. Ермичев рассказал о материалах архива Н. Я. Грота – руководителя Московского Психологического общества, руководителя и основателя журнала «Вопросы философии и психологии». В Петербургском отделении Архива РАН и Российской Национальной библиотеке хранятся рукописи как уже известных работ философа, так и оставшихся неопубликованными. Среди них были названы «О значении термина философия», «К вопросу о новом мирозерцании», речь на диспуте при защите Л. М. Лопатиным диссертации «Положительные задачи философии» и другие. Совершенно исключительным назвал докладчик собрание огромного количества газетных и журнальных вырезок со статьями и заметками как самого Н. Я. Грота, так и других, повествующих о каких-то событиях его жизни.

Особенную ценность представляет переписка философа с отцом – знаменитым филологом К. Я. Гротом – академиком и воспитателем царя Александра III, его письма к университетскому приятелю и исследователю творчества Гоголя В. И. Шенроку.

Подлинным сокровищем для историка русской философии являются письма к Н. Я. Гроту его знаменитых и известных коллег-современников – А. А. Козлова (более ста писем), Н. Н. Стрехова (около тридцати), Я. Н. Колубовского, а также Ю. И. Айхенвальда, Александра И. Введенского, епископа Никанора, отдельные письма Э. Л. Радлова, С. Н. и Е. Н. Трубецких, Г. И. Челпанова, Б. Н. Чичерина.

Исследователь встретит здесь поучительные характеристики лиц и событий философской и общественно-политической жизни России последних десятилетий XIX в. Например, очень интересны некоторые сюжеты писем А. А. Козлова, когда разбитый инсультом мыслитель, откликаясь на житейские и цензурные трудности Грота, предлагает ему основать совместное философское издательство или учредить первый философский журнал.

Докладчик завершил свое выступление высокой оценкой деятельности Н. Я. Грота. Если кому из русских философов и должен стоять памятник в Москве, то им должен стать памятник Н. Я. Гроту, который своими трудами сумел организовать, «институализировать» отечественную философию и возвысить ее до статуса общественно значимого фактора русской жизни уже в начале XX в., в годы знаменитого культурного ренессанса.

Маслин М. А. «Московское Психологическое общество в истории русской философии»

М. А. Маслин в своем докладе подчеркнул, что первое в России научное философское общество при Императорском Московском университете (1885–1922) олицетворяет высшие достижения профессиональной университетской философии в России. С самого начала своего существования общество стало интегральным центром российской науки, среди членов-учредителей общества – «цвет» университетской науки того времени: профессор антропологии Д. Н. Анучин, профессора зоологии А. П. Богданов и С. А. Усов, профессор математики Н. В. Бугаев (один из основателей Московской философско-математической школы), профессор философии права

Н. А. Зверев, профессор истории права М. М. Ковалевский, профессор психиатрии А. Я. Кожевников, профессор уголовного права Г. Е. Колоколов, профессор судебной медицины В. А. Легонин, профессора сравнительного языкознания В. Ф. Миллер и Ф. Ф. Фортунатов, профессор римского права С. А. Муромцев, профессор истории всеобщей литературы Н. И. Стороженко, профессор философии М. М. Троицкий, профессор политэкономии и статистики А. И. Чупров, профессор физиологии Ф. П. Шереметевский.

Журнал «Вопросы философии и психологии», выпускавшийся обществом, был одним из самых тиражных философских журналов Европы. Общество осуществляло обширную издательскую деятельность, публиковало научные издания переводов классических философских текстов, впервые в истории России начало осуществлять публикацию текстов русских философов и о русской философии. Деятельность общества имела широкий международный резонанс, среди его иностранных членов были Т. Г. Масарик, В. Виндельбанд, В. Вундт, Г. Гельмгольц, Г. Гефдинг, У. Джемс, Х. Зигварт, Т. Рибо, Ш. Рише, Г. Спенсер, Э. Целлер и др. Анализ деятельности общества является актуальной задачей отечественной историко-философской науки, ибо позволяет составить целостное представление об общем состоянии отечественной философской мысли в период ее наивысшего развития и общественного влияния.

Павлов А. Т. «Университетское философское образование в России второй половины XIX века»

В докладе рассмотрен период, когда во второй половине XIX в. после десятилетнего запрета на преподавание философии было принято решение о его восстановлении. Обеспокоенное распространением либеральных настроений в обществе, ростом интереса к материалистическим и позитивистским идеям, Министерство народного просвещения обратилось к императору, который в 1860 г. повелел возобновить преподавание. Однако, поскольку философские факультеты были расформированы, найти преподавателей, способных читать курсы лекций по логике, психологии и истории философии, во всех университетах России удалось только к началу 1870-х гг.

Последние три десятилетия XIX в. в российских университетах уже шли полноценные философские занятия на историко-филологических факультетах, а по университетскому уставу 1863 г. на юридических факультетах были введены курсы по истории философии права. Таким образом, на двух факультетах студенты получали философские знания. Эти студенты к началу XX в. создали в России слой выпускников университетов, знакомых с философскими проблемами, интересующихся философской литературой, что стимулировало философские исследования. В 1885 г. в Московском университете было создано Психологическое общество, фактически обсуждавшее философские проблемы. При Психологическом обществе с 1889 г. стал выходить журнал «Вопросы философии и психологии», наиболее влиятельное философское издание в России XIX в. И можно с полным основанием сказать, что университетское философское образование, сложившееся к концу XIX в., создало условия для расцвета философской мысли в России в начале XX столетия.

Максимов М. В. «Журнал “Соловьевские исследования” в контексте научных связей российских и зарубежных исследователей наследия В. С. Соловьева»

Творчество В. С. Соловьева еще при жизни становится широко известным в европейских странах, и интерес к нему сохраняется на протяжении всего XX и начавшегося XXI вв. Это обстоятельство стало решающим при определении редакционной политики основанного в 2001 г. журнала «Соловьевские исследования». В настоящее время в ее состав входят авторитетные специалисты из таких стран, как Болгария (проф. Нина Димитрова), Германия (проф. Райнер Гольдт), Нидерланды (проф. Ван дер Зверде), Польша (проф. Ян Красицки), Украина (проф. Г. Е. Аляев), Франция (д-р Бернар Маршадье). На протяжении нескольких лет (до трагической гибели) членом редколлегии был д-р Оливер Смит (Великобритания).

Открытость журнала европейским авторам определяется и тем обстоятельством, что редакция принимает к рассмотрению и публикации статьи на английском, немецком, русском и французском языках.

Журнал возник как печатный орган Соловьевского семинара – Российского научно-образовательного центра исследований наследия В. С. Соловьева, учрежденного в 1999 г. в Ивановском государственном энергетическом университете. В настоящее время на журнал приходится более трети всех публикуемых в России исследований творчества В. С. Соловьева. Полнотекстовые версии журнала представлены на порталах Научной электронной библиотеки – <http://elibrary.ru>, Электронного журнала «Эрго.Ру» – <http://www.ergojournal.ru/?p=685>, «Родон» – <http://www.rodon.org/other/si.htm>, портале ИГЭУ – <http://ispu.ru/node/6623>. Журнал успешно развивает научные связи с МГУ им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургским государственным

университетом, Институтом философии РАН, ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, Институтом русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева».

За период с 1999 по 2014 г. проведены 69 научных мероприятий – конференций, семинаров, «круглых столов» международного, российского и регионального уровней. Постепенно расширяющиеся научные коммуникации включали разнообразные формы этого сотрудничества: участие зарубежных специалистов в научных мероприятиях Соловьевского семинара, публикации результатов исследований в журнале «Соловьевские исследования». Презентации «Соловьевских исследований» состоялись на международных конференциях в Болгарии, Германии, Италии, Украине, Франции.

В 2011 г. журнал принял участие в мероприятиях перекрестного Года итальянской культуры в России и русской культуры в Италии. В одном из выпусков журнала в рубрике «Российская философия на рубеже XX и XXI веков: взгляд из Италии» были опубликованы статьи, подготовленные итальянскими и российскими авторами на основе докладов, представленных на Международной конференции «Другой взгляд на современность. Русская философия сегодня» (г. Генуя, Италия, 19 мая 2011 г.).

Реализуются издательские проекты, направленные на ознакомление российских читателей с исследованиями наследия В. С. Соловьева и русской философии в целом в европейских странах – Болгарии (17 публикаций), Италии (10 публикаций), Польше (23 публикации), Украине (27 публикаций). В настоящее время ведется подготовка специальных выпусков журнала, посвященных рецепции наследия В. С. Соловьева во Франции и в Германии.

Достигнутый журналом «Соловьевские исследования» уровень международного сотрудничества позволяет вести успешный профессиональный диалог в интересах общеевропейской культурной интеграции.

Емельянов Б. В., Ионайтис О. Б. «Цензурная судьба философии в России»

В докладе было подчеркнуто, что философские произведения, не соответствующие идеологии властей и церкви, запрещались всегда. До середины XVIII в. в России запретительные меры носили эпизодический характер. При Екатерине II начали появляться правительственные цензурные предписания, которые в начале XIX в. были оформлены в несколько законов о светской и духовной цензуре. В каждом из них большое место отводилось запретительным мерам по отношению к философской литературе материалистического, атеистического и социалистического содержания. Историко-философские изыскания говорят о сотнях запрещенных книг и статей отечественных и зарубежных философов. К сожалению, их перечень не собран и не опубликован, а история цензурной судьбы русской философии не написана.

В XX в. большевики, хотя и утверждали в Программе РСДРП неограниченную свободу слова, совести и печати, уже в первом своем «Декрете о печати» 9 ноября 1917 г. вводили запретительные меры по отношению к произведениям, направленным против революции и решений партии. Через год в структуре Реввоенсовета был образован цензурный отдел, а официальный орган правительства Госиздат получил право контролировать издательскую деятельность в стране. 6 июня 1922 г. указом Совнаркома был образован Главлит – орган, осуществлявший цензурную политику партии и правительства на протяжении 70 лет. Он предписывал цензорам запрещать «всякого рода печатные произведения, через которые проводится враждебная нам идеология в основных вопросах (общественности, религии, экономики, в национальном вопросе, в области искусства и т. д.)». Главлит осуществлял «надзор за лекциями», составлял списки «запрещенных к изданию и распространению произведений». В этих списках, периодически обновляемых, большое место занимают десятки, а иногда и сотни произведений отечественных мыслителей.

С 1923 г. Главполитпросвет – орган наркомата Просвещения – начал «чистку» библиотек. В списках книг, которые надлежало изъять, были имена Платона, Канта, Декарта, Маха, Спенсера, Соловьева, Бердяева, Булгакова, Лосского. Эта «чистка» чаще всего была бесконтрольной, что приводило к тому, что изъятию подлежало до 50–70% всего фонда библиотек, а среди изъятых книг встречались произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина (!).

Изъятые при «чистке» библиотек книги уничтожались, а небольшая их часть переводилась в фонды специального хранения (спецхраны) и для служебного пользования. Эти фонды были образованы вначале в больших государственных библиотеках, а затем – в областных и университетских. Они содержали тысячи (!) наименований книг и журналов, в которых солидную долю составляли произведения отечественных и зарубежных философов, чьи произведения были для читателей недоступны.

Эти обстоятельства политической судьбы отечественной философии вырастают в солидную исследовательскую проблему, которую историкам русской философии предстоит решать.

Шапошников Л. Е. «История философии как учебный предмет и научное направление в Нижегородском государственном университете им. К. Минина»

Профессор Л. Е. Шапошников дал всесторонний анализ становления и развития нижегородской школы историков философии и религиоведов. Кафедра философии Нижегородского педагогического университета учреждалась дважды – в 1930 и в 1949 гг. В 1935–1937 гг. четверо сотрудников из шести были арестованы, обвинены в участии в «троцкистско-зиновьевском террористическом центре» и расстреляны. Философские дисциплины были переданы кафедре марксизма-ленинизма и преподавались на историческом факультете в объеме 180 часов. На гуманитарных факультетах читался факультативный курс по истории философии в объеме 60 часов с общей установкой «разоблачения буржуазной идеологии и поповщины».

В 1949 г. воссоздается кафедра философии, ее первым заведующим и первым доктором философских наук в Горьком становится Ф. Ф. Кальсин, начинает действовать аспирантура. С 1962 по 1980 г. кафедрой возглавляет проф. В. П. Киселев, начинают создаваться методические пособия для студентов. В 70-е гг. начинается изучаться диалектика Гегеля, домарксистский материализм, основные формы агностицизма (Юм, Кант).

В 80-х гг. прослеживается тенденция к увеличению историко-философской проблематики, появляются темы «Борьба материализма и идеализма в античной философии», «Русские революционные демократы о путях развития общества», с 1989 г. на историческом факультете читается семестровый курс по истории философии (32 ч), что повышает философскую культуру и преподавателей, и студентов. Публикации В. П. Киселева, Е. А. Карповского, Д. М. Луканова вносят серьезный вклад в развитие историко-философских исследований.

В 90-е гг. на кафедре философии НГПУ начинает складываться научная школа по истории русской философии и православного богословия. В 1990 г. кафедра совместно с Нижегородской епархией проводит Рождественские православно-философские чтения, издает 17 сборников научных работ. В 1998 г. на базе НГПУ был проведен V Российский симпозиум историков русской философии, по материалам которого был издан сборник «Отечественная история: русская, российская, всемирная». В 1999 г. открывается диссертационный совет по истории философии и философии религии, в 2004 г. он преобразован в докторский совет. За последние 20 лет аспирантами НГПУ защищены более 30 кандидатских диссертаций по истории философии, а С. Н. Пушкин, А. А. Федоров, Е. В. Мочалов и И. А. Треушников стали докторами наук, опубликовано более 20 монографий и два учебных пособия. С 2003 г. вуз аккредитован по специальности «Философия», с 2004 г. – по специальности «Теология». Сейчас на философско-теологическом отделении обучаются около 200 студентов, причем 30 из них специализируются по истории философии и православного богословия, заведует кафедрой философии проф. В. К. Мишин.

Сердюкова Е. В. «Санкт-Петербургский и зарубежные университеты в жизни и творчестве Н. О. Лосского»

Н. О. Лосский (1870–1965 гг.) – один из ярких русских религиозных философов XX в., «патриарх русской философии», как назвал его С. А. Левицкий. Вся жизнь Лосского была неразрывно связана с преподавательской и научной деятельностью в университетах России, Европы и США. После высылки из России 20 лет жизни философа (1922–1942) связаны с Прагой и преподаванием в чешских учебных заведениях. Как отмечает Левицкий, научные круги недооценили Лосского как ученого, профессор Карлова университета Козак даже дал отрицательный отзыв на работу «Свобода воли», не рекомендуя ее к печати. Только в 1937 г. Н. О. Лосский получил кафедру истории русской философии в Карловом университете. В 1940–1941 гг. он читает цикл публичных лекций о Достоевском, которые позже легли в основу его книги «Достоевский и его христианское миропонимание».

В 1942 г. он с семьей переезжает в Братиславу, где знакомится с выдающимся профессором Йозефом Диешкой и обретает круг единомышленников.

Следующий период жизни Лосского связан с Парижем (1945–1947 гг.) и преподавательской деятельностью в Свято-Сергиевском православном богословском институте. В 1947 г. он переезжает в Нью-Йорк, где становится профессором Свято-Владимирской духовной академии.

В 1955 г. в США по инициативе бывшего ректора М. Новикова отмечается 200-летие Московского университета. Лосский пишет статью о его профессорах, называя Л. М. Лопатина, С. Н. и Е. Н. Трубецких, Н. Я. Грота и М. М. Троицкого самыми значительными представителями профессуры. Подчеркнуто, что философская культура, благодаря Московскому Психологическому обществу, журналу «Вопросы философии и психологии», а также «благодаря деятельности не только перечисленных профессоров, но многих приват-доцентов, а также частных ученых, стояла в Москве до большевистской революции очень высоко» [1].

Идея всепроникающего мирового единства стала для Лосского руководящей мыслью и привела мыслителя в гносеологии к интуитивизму, в метафизике – к органическому мировоззрению. По мнению В. В. Зеньковского, Лосский – «едва ли не единственный русский философ, построивший систему философии в самом точном смысле слова» [2].

Коцюба В. И. «Университетская и духовно-академическая философия в России»

Докладчик подробно остановился на вопросе идейной эволюции Вл. С. Соловьева, который закончил Московский университет, а с осени 1873 г. по лето 1874 г. был вольнослушателем Московской духовной академии. Под влиянием П. А. Флоренского появилось мнение, что из МДА молодой Соловьев вынес идею Софии, воспринятую от профессора философии Ф. А. Голубинского. Однако трактовки образа мира в уме Бога в наследии Ф. А. Голубинского носят традиционный для христианского богословия характер. Соловьев же предполагает в совершенном и актуально бесконечном Боге некое потенциальное, а значит еще требующее своего осуществления бытие в виде противопоставляемого Богу божественного содержания-сущности, трактуемого как множество. Естественная актуализация этой сущности вначале осуществляется в самоутверждении Абсолюта и появлении триединства, а затем в появлении Софии и мира. По Голубинскому же, поступательно проявлять свои скрытые потенциальные возможности свойственно лишь тварным существам.

Более перспективным, отметил докладчик, представляется обратить внимание на университетского учителя Соловьева П. Д. Юркевича, общение с которым могло вызвать его интерес к софиологии. Лосев также полагал, что МДА, «по-видимому, не оказала никакого серьезного влияния на Вл. Соловьева» [3], а вот влияние П. Д. Юркевича несомненно, и его следует изучить более основательно.

Пономарев В. Н. «Преподавание философии в Московском университете во второй половине XVIII века: профессор философии Д. С. Аничков»

Д. С. Аничков – один из самых видных и ярких представителей русского Просвещения второй половины XVIII в. Сын подьячего Троице-Сергиевой Лавры, он был учеником А. А. Барсова и С. Е. Десницкого. В мае 1755 г. в числе лучших семинаристов Троицкой семинарии Д. С. Аничков был направлен в новооткрытый Московский университет. С 1765 г. он занял кафедру философии и стал читать курс по логике и философии. Одновременно он читал курс по математике в университете и в гимназиях и в последующие 20 лет создал руководства по всем разделам математики. В августе 1769 г. Д. С. Аничкову была предоставлена возможность защитить докторскую диссертацию. Это была первая оригинальная работа по философии религии, подготовленная профессиональным русским философом. Процесс защиты диссертации Д. С. Аничковым – это наглядный пример того, насколько трудно шла секуляризация в России. Утверждение М. М. Снегирева о сожжении диссертации Д. С. Аничкова более достоверно, нежели доводы Н. А. Пенчко о том, что данный факт «не доказан». От неминуемого наказания за «соблазнительное и вредное сочинение против христианства» Д. С. Аничкова уберег обер-прокурор Св. Синода П. П. Чебышев.

Лишь в 1777 г. Д. С. Аничкову было присуждено звание ординарного профессора логики, метафизики и математики. Его несомненной заслугой является попытка перевода психической деятельности человека в разряд явлений, основывающихся на естественных закономерностях и причинных связях, доступных научному познанию.

Докладчик подчеркнул, что, учитывая вклад Д. С. Аничкова в развитие философского знания и традиций университетского преподавания философии, целесообразно включить информацию о его деятельности в учебники по философии, рекомендованные студентам российских вузов.

Жуков В. Н. «Университетская философия права в России»

Доклад был посвящен одной из старейших дисциплин, прочно вошедшей в систему юридического образования и науки. Философия права как самостоятельная отрасль знания формируется в XVII–XVIII вв. в рамках естественно-правовой школы. Благодаря учениям Г. Гроция, Т. Гоббса, С. Пуфендорфа, Х. Вольфа, И. Канта идеи естественного права, противопоставляемого праву позитивному, пронизывают всю юриспруденцию.

С начала XIX в. сначала Шеллинг, затем Гегель, Краузе и Гербарт ставят себе задачу «понять положительное право в его исторических формах», выявить его основы. В России была примерно такая же картина: во второй половине XVIII – первой трети XIX в. философия права существовала в форме естественного права (В. Дильтей, Ф.-Г. Баузе, К.-Г. Лангер, А. П. Куницын), а в 30–40-е гг. – уже в форме гегельянства (П. Г. Редкин, Б. Н. Чичерин). В XIX – начале XX в. в России философия права разрабатывалась в основном юристами, хотя сама дисциплина и не была предусмотрена университетскими уставами и как отдельный и самостоятельный курс вообще не преподавалась.

Академическая философия права в России второй половины XIX – начала XX в. разбивается на два основных направления: метафизическое – в форме гегельянства (П. Г. Редкин, Б. Н. Чичерин), кантианства (П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой), феноменологии (Н. Н. Алексеев) и религиозной метафизики (И. А. Ильин) – и позитивистское (Н. М. Коркунов, Г. Ф. Шершеневич и др.).

Позитивисты, следуя идеям О. Конта, определяют философию как метод систематизации и теоретического обобщения данных специальных наук. Для метафизиков права философия – тоже наука, но понятая в духе западноевропейского рационализма XVII–XVIII вв. Согласно Б. Н. Чичерину законодатель не может черпать руководящие начала из самого положительного права, ибо это именно то, что требуется оценить и изменить; для этого нужны иные, высшие, соображения. Философия права, с точки зрения идеалистов, становилась ядром фундаментальной юридической науки с самостоятельным статусом в силу того факта, что только она могла разрешать коренные, мировоззренческие вопросы бытия права и государства.

Бердникова А. Ю. «Профессор Бугаев как университетский наставник о. Павла Флоренского»

В докладе было отмечено, что, говоря об истории университетской философии в России, невозможно обойти вниманием тему различных научных обществ и кружков. Расцвет их пришелся на вторую половину XIX в., после принятия в 1863 г. нового Устава, вернувшего университетам автономию. К числу таких обществ можно отнести Московскую философско-математическую школу, возникшую в 1870-х гг. на базе Московского математического общества (основанного в 1864 г. Н. Д. Брашманом) [4]. Во главе ее стоял Н. В. Бугаев.

Докладчик анализирует личные взаимоотношения Н. В. Бугаева и П. Флоренского и влияние теоретических идей наставника на воззрения ученика. Находя для себя интересными лекции Н. В. Бугаева по аналитической геометрии и С. Н. Трубецкого по древней философии, о чем свидетельствуют его письма к родителям, Флоренский дружит и с сыном Н. В. Бугаева Борисом, более известным под псевдонимом Андрей Белый.

Теорию прерывных величин, или аритмологию, Н. В. Бугаев начал разрабатывать в качестве альтернативы господствующему в математике анализу в 1863–1865 гг. Флоренский развил это учение, объединив его положения с никому еще в России на тот момент не известной теорией множеств Г. Кантора. Переосмысление учения Лейбница о монадах было следующим шагом в разработке Бугаевым теории прерывных величин, развитием данной темы, но уже не в математическом, а в метафизическом плане. Основным отличием от теории Лейбница было отрицание принципа предустановленной гармонии, согласно которому монады «вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти» [5]. В концепции Бугаева монады – это «живые единицы», способные объединяться в более сложные организмы первого, второго, третьего и далее порядков. Движущей силой является «стремление стать вне мира или над миром, сделавшись предварительно миром или через мир» [6], т. е. стать Богом. Флоренский определяет Софию, четвертую ипостась Бога, как монаду, начало, объединяющее всех людей в единую Церковь, способное закрыть и преодолеть в едином акте божественного синтеза аритмологически-прерывные трещины земного бытия.

Идеи Бугаева и Флоренского (вместе с идеями Л. М. Лопатина, Е. А. Боброва, А. А. Козлова, С. А. Алексеева (Аскольдова), П. Е. Астафьева, Н. О. Лосского) органично вписываются в круг так называемого «университетского персонализма», или неолейбницеанства, рубежа XIX–XX вв.

Караев Т. М. «Роль университетского образования в России в формировании ориенталистики и кавказоведения»

В докладе показывается, что философия в России как самостоятельная область знания активно стала развиваться в университетах. Принятое в середине XIX в. правительством России «Положение об образовании уроженцев Кавказа» стало судьбоносным фактором для культуры кавказских народов. Согласно этому документу ежегодно более семисот представителей разных народов Кавказа направлялись на учебу в высшие учебные заведения России. Среди этой молодежи можно выделить К. Хетагурова, Ш. Ногмова, впоследствии оказавшего огромную помощь в филологических изысканиях на Кавказе. М. Казембек стал одним из выдающихся ориенталистов России. Он возглавил кафедру восточных языков сначала в Казанском, а затем в Санкт-Петербургском университете. Его труды по истории восточных движений, филологии и философии истории представляют интерес и в наше время.

Восхитительным примером итогов университетского образования, включая философское, является пример грузинских «тергдалеули» (побывавшие за Тереком). Это грузинская молодежь во главе с И. Чавчавадзе, которая получала образование в Московском и Санкт-Петербургском

университетах, а затем возвращалась в Грузию. Нет ни одной проблемы в философии XIX в., над которой не размышляли бы представители этой школы, выдвигая на первый план проблему философского обоснования социального идеала. Поражает обилие газет и журналов, в том числе на русском и грузинском языках, которые выходили в Тифлисе и которые распространялись в самых дальних уголках.

Выпускник Московского университета М. Налбандян написал трактат «Земледелие как верный путь», являющийся обобщенным произведением по социальной философии того времени. Его перу принадлежат и другие произведения: «Гегель и его время», «Речь об армянской словесности». Он одним из первых кавказских мыслителей XIX в. поставил вопрос о теоретическом истолковании проблемы национального и философского аспекта этого понятия. По кругу научных интересов Г. Зардаби можно реконструировать обучающие программы университета. Материалы организованной им в Баку первой азербайджанской газеты «Экинчи» охватывали такие отрасли знания, как астрономия, биология, медицина, педагогика, философия, экономика.

Докладчик подчеркнул, что философствующие мыслители разных народов Кавказа появились во многом благодаря российской университетской науке, в том числе и философской. Онтология и границы познания, прогресс и субъект истории, этика и гуманизм, этносоциальное развитие, вера и светская наука, образование и педагогика, история философии и философия истории – все эти вопросы разрабатываются мыслителями, получившими образование в Москве и Санкт-Петербурге.

Северикова Н. М. «Воинствующий философ (теория познания Ф. И. Хасхачиха)»

Доклад посвящен анализу воззрений профессора МГУ первой трети XX в. Ф. И. Хасхачиха. Его книги «О познаваемости мира» и «Материя и сознание», переведенные на 28 языков мира, известный эстонский академик Я. К. Ребане назвал «крупнейшими философскими работами» того времени. Разрабатывая вопрос источников знаний, Хасхачих «примиряет» эмпирическое и рациональное – как необходимые и дополняющие друг друга моменты человеческого познания. Он доказывает, что ощущения субъективны по форме, ибо существуют в нашем сознании, но объективны по своему источнику, и таким образом представляют собой единство субъективного и объективного. Хасхачих критикует мыслителей, вносящих элементы агностицизма в теорию познания: Г. Гельмгольца с его «теорией символов», Г. Плеханова – за «теорию иероглифов».

Хасхачих утверждает: для раскрытия закономерностей внешнего мира недостаточно только чувственного познания (его он определяет как единичное): здесь необходимо всеобщее – логическое – познание. Он обосновывает непосредственную связь между деятельностью нервной системы, работой мозга и сознанием, в развитии которого особая роль принадлежит труду. Умственные способности человека – это продукт общественно-исторического развития; характерная черта человека «общественного» – его социальность. В отличие от других существ, воспринимающих окружающий мир в процессе биологического приспособления к нему, человек воспринимает действительность в процессе практического воздействия на нее.

Практика – это и критерий истины, и основа всего процесса познания, но это не означает умаления роли теории. Ф. В. Константинов отметил творческое отношение Хасхачиха к научно-теоретической деятельности еще в то далекое время, когда молодого ученого уже называли «воинствующим философом».

Мелих Ю. Б. «Университетское неокантианство»

В докладе было отмечено, что в исследованиях по русской философии до сих пор существуют два фундаментальных предубеждения по отношению к неокантианству: 1) что это было направление, представленное небольшим числом университетских профессоров: А. И. Введенским, И. И. Лапшиным, Г. И. Челпановым, С. И. Гессеном, В. Э. Сеземаном; 2) что оно не имело распространения и влияния в России и противостояло религиозной философии.

Они основаны в основном на идеях Г. Г. Шпета, высказанных им в «Очерке развития русской философии». Определяя утилитаризм как основной принцип философии в России, он ссылался на то, что в «штукатурку старого Московского университета вклеена в кудряшках эпиграмма: «Дело науки – служить людям», интерпретируя ее таким образом, что ««хорошие» люди хотели командовать *умными*» [7]. «Умные» – это сторонники «философии как знания, не как морали, не как проповеди, не как мировоззрения» [8], представители философии И. Канта. «Хорошие» – панморалисты-славянофилы и их последователи.

Здесь упущен из вида тот факт, что Кант отдает приоритет практическому разуму, что объединяет два, казалось бы, противоположных направления. В неокантианстве их единит еще и расширительное толкование философии Канта. Неокантианцы отстаивают чистоту и научность

философии, неославянофилы ищут единства разума, морали, религии с реальностью и находят его в софиологии, которая, в свою очередь, сопоставима с идеей народной души Виндельбанда. Русские академические неокантианцы, преподавая логику и психологию, не чужды онтологии и мистике, а неославянофилы не отказываются от гносеологических исследований с «сильной рационалистической струей». Введенский пишет диссертацию «Опыт построения теории материи на принципах критической философии», Лапшин в качестве приложения к работе «Законы мышления и формы познания» публикует статью «Мистическое познание и „вселенское чувство“», в которой положительно отзывается о творчестве Вл. Соловьева. В то же время Е. Н. Трубецкой в «Мирозерцании Вл. С. Соловьева» обосновывает перспективы познавательной активности индивидуального субъекта и форм мышления.

При более внимательном взгляде выясняется, что в России начала прошлого столетия «неокантианство... было все. Виндельбанд в Гейдельберге считался главным авторитетом» [9]. Представитель академической философии П. Флоренский читает в МДА в 1916–1917 гг. лекции «Об историческом познании», где ссылается на Виндельбанда. Карсавин в «Основах средневековой религиозности», критикуя, вслед за Виндельбандом, «генетизм», применяет риккертowski термин «типичный» для теоретизации исторической реальности.

Различение наук о природе и наук о духе, ценностно-культурологический подход становятся доминирующей методологией как у неокантианцев, так и у неославянофилов. Если же не ограничиваться представителями академической философии, то примеры сосуществования, взаимообусловленности и взаимопреодоления позиций неокантианцев и неославянофилов можно было бы преумножать очень долго.

Ерыгин А. Н. «Ростовский университет в философской судьбе М. К. Петрова»

Вклад М. К. Петрова (1923 –1987 гг.) в философию высоко оценивается в отечественной литературе (В. С. Библер, И. Т. Касавин, В. А. Лекторский, Э. М. Мирский, Н. В. Мотрошилова, С. С. Неретина, А. П. Огурцов, В. С. Степин). Вместе с тем еще нет концептуально оформленного представления о творческой эволюции философа и специфике его общих и историко-философских достижений и новаций. Особое место в этом контексте занимает тот период жизни М. К. Петрова, когда он преподавал студентам-философам историю домарксистской философии и занимался исследовательской деятельностью в 1965–1970 гг. в Ростовском государственном университете. Основные историко-философские идеи были сформулированы М. К. Петровым, исключенным накануне из КПСС, а в итоге и из РГУ, именно в это время. Следует отметить характерный для философа синтез критического и проблемного подхода.

Суть теоретико-методологических открытий М. К. Петрова, как историка философии, сводится прежде всего к следующим пунктам: 1) опыт создания своеобразной *науки о философии*; 2) рассмотрение античной, средневековой и новой философии в качестве трех форм *европейского способа мысли*. Особенно значимым в судьбах философии и конкретно-научного познания был категориальный потенциал древнегреческого и английского языков; 3) выдвижение «сумасшедшей» гипотезы о роли пиратов Эгейского моря в становлении «катастрофического» варианта европейской формы социальности, нашедшего свое продолжение в античном полисе и в культуре с мыслительной основой в виде философии.

Ванчугов В. В. «Первый историк русской философии: Архимандрит Гавриил и его время»

Доклад В. В. Ванчугова был посвящен архимандриту Гавриилу (В. Н. Воскресенскому), ученому монаху, который оставил о себе память прежде всего как автор первой истории русской философии, опубликованной в Казани в 1840 г., и о которой до сих пор как отечественные, так и зарубежные специалисты мало знали.

Благодаря проведенному исследованию подготовлена книга, из которой можно узнать о трактате архимандрита Гавриила, который, несмотря на свое несовершенство в силу своего пионерства, представил оригинальный взгляд на русскую философию как органическую часть всеобщей истории философии и как «более или менее наукообразное» (слова Гавриила) отображение внутренней истории русского самосознания, выраженное в философских идеях как светской, так и религиозной направленности.

Представление истории русской философии в виде небольшой по объему книжечки, опубликованной в Казани в 1840 г., останется событием уникальным. Конечно, для философского общества сам архим. Гавриил был, в какой-то мере, «случайностью», тем, кто на волне патриотизма «сочинил» еще и историю русской философии. Однако именно он дал начало тому, что в основе своей – не случайно и рано или поздно должно было произойти.

В докладе был представлен постоянный фон жизненного пути и формирования мировоззрения архим. Гавриила, куда вплетаются и Пушкин, и Чаадаев, и декабристы, и юный Лев Толстой, поступивший в Казанский университет и слушавший лекции архим. Гавриила, и многие другие деятели эпохи.

На конференции состоялось обсуждение представленных докладов. Было отмечено, что тема весьма обширна и далеко не исчерпана, философские проблемы ставились и обсуждались в университетах России не только преподавателями гуманитарных дисциплин, но и учеными-естествоиспытателями. Подчеркивался тот факт, что, хотя и в XIX, и в XX вв. студенты, а в значительной мере и преподаватели на целые десятилетия были лишены права приобщения к мировой философской культуре, интерес к ней никогда не исчезал. «Эзопов язык», перемещение обсуждения философской и социально-политической проблематики на страницы публицистических изданий и художественных произведений, на театральные подмостки, а также – при первой возможности – возвращение философии в академическую сферу, возрождение институциональных форм ее существования, восстановление прерванных традиций и создание условий для будущего культурного ренессанса – таковы реалии бытования философии в России.

Многие поставленные докладчиками вопросы еще ждут своего вдумчивого и профессионального исследователя. Жизнь выдающихся российских ученых, судьба философии – не как учебной дисциплины, а как специфической формы ментальности – что может быть более захватывающим для историка философии?

Примечания

1. Лосский Н. О. Профессора философии Московского университета // Двухсотлетие Московского университета: Празднование в Америке. 1755–1955. N. Y., 1956. С. 71.
2. Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. II. Ч. 1. С. 205.
3. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев. М., 2009. С. 24–25.
4. Демидов С. С., Тихомиров В. М., Токарева Т. А. История Московского математического общества // Московское математическое общество. URL: <http://mms.mathnet.ru/history.php>
5. Лейбниц Г. В. Монадология // Лейбниц Г. В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 412–413.
6. Бугаев Н. В. Основы эволюционной монадологии. М., 1893. С. 13.
7. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 254.
8. Там же. С. 218.
9. Биbihин В. В. Алексей Федорович Лосев. М., 2006. С. 241.

Notes

1. Lossky N. O. Professors of philosophy at Moscow University // Moscow University Bicentenary: Celebration in America. 1755–1955. New York. 1956. P. 71.
2. Zenkovsky V. V. The history of Russian philosophy. L., 1991. T. II. CH. 1. P. 205.
3. Losev A. F. Vladimir Solovyov. P. 24–25.
4. Demidov S. S., Tikhomirov V. M., Tokarev T. A. The history of the Moscow Mathematical Society // Moscow Mathematical Society: official website: <http://mms.mathnet.ru/history.php>
5. Leibniz G. V. Monadology // Leibniz G. V. Coll. Op. 4 vols. M., 1982. Vol. 1. P. 412–413.
6. Bugaev N. V. Basics of Evolutionary monadology. M., 1893. P. 13.
7. Shpet G. G. Essay on the development of Russian philosophy // Vvedensky A. I., Losev A. F., Radlov E. L., Shpet G. G. Essays on the history of Russian philosophy. Sverdlovsk, 1991. P. 254.
8. Ibid. P. 218.
9. Bibikhin V. V. Aleksei Fedorovich Losev. M., 2006. P. 241.

УДК 94(4)«1939/1945»

А. М. Ермаков

Образ Великобритании в пропаганде Йозефа Геббельса (1939–1945)

В статье исследуется образ Великобритании, формировавшийся нацистским министром пропаганды Йозефом Геббельсом в годы Второй мировой войны. Выделены этапы конструирования представлений об Англии и англичанах как о врагах, показана специфика каждого этапа. Выявлены и проанализированы константы официального образа Великобритании, сохранявшиеся в пропаганде Третьего рейха в течение всей войны. Изучены аргументы Геббельса, призванные доказать немцам, что Англия виновна в развязывании войны и целенаправленно уничтожает мирное население Германии, что британская правящая элита состоит из евреев, масонов и плутократов, а английскому народу присущи трусость и тупоумие.

The article examines the image of Great Britain that was formed by Josef Goebbels, Nazi Minister of Propaganda, during World War II. The author points out the phases of creating images of England and the English people as the enemies and shows the specificity of each phase. The constants of the official image of Great Britain, which stayed in the Third Reich propaganda all through the war, are deduced and analyzed. Special attention is paid to Goebbels' arguments, destined to prove to the German people that it is England who is guilty in the initiation of war and purposeful obliteration of the peaceful population, British ruling elite is shown as consisting of the Jews, masons and plutocrats, while cowardice and hebetude are posed as features inherent in the English people.

Ключевые слова: Геббельс, нацистская пропаганда, Вторая мировая война, антисемитизм, плутократия, масонство, демонизация, образ врага.

Keywords: Goebbels, Nazi propaganda, World War II, anti-Semitism, plutocracy, masonry, demonization, image of enemy.

В исследовательской литературе высказывается мнение о том, что со времени основания империи Гогенцоллернов отношение немцев к Великобритании определялось комплексом «ненависть – любовь». Утвердившееся в Германии представление об Англии как образцовой стране было унаследовано национал-социалистами. Гитлер открыто восхищался Великобританией, призывал своих сторонников учиться у нее и «до самой смерти сохранял расположенность к англичанам» [1], а министр пропаганды Йозеф Геббельс даже во время войны предпочитал английские фильмы немецким [2]. В 1933–1939 гг. официальный образ Англии соответствовал действительным взглядам нацистского вождя и его окружения, но после начала Второй мировой войны гитлеровскому правительству потребовалось сформировать образ англичанина как врага немецкого народа и Рейха. Организатором антибританской кампании и неутомимым творцом пропагандистской продукции стал Геббельс, написавший целый ряд статей для еженедельника “Das Reich” и нескольких ежедневных газет, много раз выступавший на митингах и по радио. В настоящей статье предпринята попытка деконструкции образа Великобритании, создававшегося Геббельсом в военные годы.

Как показывает анализ доминирующих пропагандистских лозунгов, конструирование образа британского противника в Германии прошло три этапа. Летом 1939 г. официальный Берлин упрекал Англию в «окружении» Германии и подстрекательстве к войне, а после начала вооруженного конфликта обвинил англичан в преступных способах ведения войны. Второй этап можно датировать летними месяцами 1940 г., когда после капитуляции Франции Великобритания превратилась в главного врага Рейха и немецкая пропаганда стала уделять особое внимание бомбардировкам немецких городов, осуществлявшихся британской авиацией. Третий этап наступил летом 1941 г. и характеризовался акцентом на сотрудничество Англии с Советским Союзом и ее ответственности за проникновение большевизма в Европу. На фоне этой динамики в официальном нацистском образе Великобритании прослеживаются несколько констант, сохра-

нявшихся в течение всей войны, – заявления о господстве в Англии плутократии и еврейства, об антагонизме между британским правящим классом и трудящимися, об исконной враждебности Великобритании к Германии и немецкому народу, о скверном национальном характере англичан.

Геббельс обвинял «английских поджигателей войны» и «еврейско-плутократический господствующий слой» Великобритании **в развязывании нового мирового конфликта**. Эта мысль содержалась в некоторых статьях министра пропаганды, написанных летом 1939 г., а 3 сентября ее повторил Гитлер в своих обращениях к народу, партии и военнослужащим вермахта [3]. Уже 20 сентября американский корреспондент в Берлине У. Ширер записал в своем дневнике, что немецкий народ «в бешеном количестве» напичкан пропагандой, «утверждающей, что Англия – единственный виновник войны» [4]. Несомненно, широкое тиражирование этого убеждения было заслугой Геббельса, сразу же провозгласившего Великобританию «самым опасным и хитрым противником» Рейха, «нашим наиглавнейшим врагом». На митинге в Мюнстере 28 февраля 1940 г. напомнил немцам о Первой мировой войне, Версальском мире и обвинил британских «плутократов» в том, что в 1939 г. они «так запланировали нападение на Германию, чтобы быстро свергнуть национал-социалистический режим посредством внутренней революции. После того как Германия будет обезглавлена, англичане рассчитывают продиктовать новый мирный договор, который окончательно лишит немцев собственной государственности» [5]. Эти же мысли прозвучали в радиовыступлении, приуроченном ко дню рождения Гитлера (19 апреля 1940 г.): истинной целью Англии при вступлении во Вторую мировую войну была не защита Польши, а «уничтожение гитлеризма», то есть Германского государства и самого немецкого народа, возвращение Германии к тому состоянию, в каком она была после Вестфальского мира 1648 г. [6]

Еще до начала войны немецкая пропаганда была сориентирована на **демонизацию** Великобритании. 14 июля 1939 г. была опубликована статья Геббельса «Ответ Англии», в которой говорилось, что английская колониальная история дает множество примеров зверств Британской империи против незащищенных народов, работорговли, бомбардировок мирных городов. В ходе англо-бурской войны в концентрационных лагерях погибли 27 000 женщин и детей, а во время Первой мировой войны англичане осуществляли голодную блокаду Германии, жертвами которой стали сотни тысяч человек [7].

Когда 3 сентября 1939 г. в Атлантическом океане был торпедирован и затонул английский лайнер «Атения», Геббельс выдвинул версию о том, что англичане сами пожертвовали «Атенией» с целью представить немцев преступниками в глазах всего мира. В инструктивных письмах нацистского министерства пропаганды утверждалось, будто «мысль потопить лайнер “Атения” пришла в голову Черчиллю, чтобы втянуть в водоворот войны и Соединенные Штаты». Германские пресса и радио на протяжении нескольких недель распространяли эту версию: «Совершенно исключено, чтобы немцы имели хотя бы косвенное отношение к гибели “Атении” по той простой причине, что фюрер категорически запретил любые нападения на пассажирские корабли» [8].

В еще большей мере для формирования образа британцев как кровожадных убийц нацистская пропаганда использовала бомбардировки немецких городов английской авиацией. Дневные и ночные налеты лишали людей покоя и душевного равновесия, отрицательно сказывались на работоспособности и настроениях населения. Жертвами английского, а с 1943 г. – англо-американского воздушного наступления пали, по разным подсчетам, от 420 тысяч 1,1 млн человек. 7,5 млн немцев остались без крова, были разрушены уникальные старинные кварталы во многих немецких городах, уничтожены замечательные памятники архитектуры. Крайне негативный образ Великобритании, который стихийно складывался у немцев под воздействием бомбовых атак, умело подстегивался усилиями Геббельса.

Германия подвергалась воздушным налетам с мая 1940 г., но сначала немецкие СМИ по личному указанию Геббельса хранили об этом молчание. Только 23 июля, после того как министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс отказался принять предложение Гитлера о заключении мира, в газетах Третьего рейха появились заголовки «Ответ Черчилля – трусливое убийство незащищенного населения!». Немцам сообщалось, что англичане ответили на мирное предложение фюрера усилением ночных бомбардировок по ни в чем не повинному гражданскому населению. Только теперь вся Германия узнала, что британские ВВС бомбят Бремен, Гамбург, Падерборн, Аахен и Бохум. От бомбардировок, согласно пропагандистской версии, пострадали одни только женщины и дети [9].

В ночь с 28 на 29 августа 1940 г. небольшое английское авиационное подразделение совершило воздушный налет на столицу Рейха, и Геббельс распорядился, чтобы пресса сообщала о «жестокости» английских летчиков, нападающих на незащищенных берлинских женщин и детей. В тот день все газеты вышли под одним заголовком: «Трусливое британское нападение». С тех пор такие статьи, как «Английские воздушные бандиты над Берлином», «Преступление британцев над Бер-

лином», «Убийство детей в Бетеле – отвратительное преступление», «Умышленное убийство – это не война, господин Уинстон Черчилль!», «Британский остров убийц ощутит последствия своих преступных бомбардировок», «Новый акт ночного пиратства» и т. д., не исчезали из газет. Геббельс ввел в пропагандистский лексикон Третьего рейха понятия «воздушный террор», «бомбовый террор», «летчик-террорист», «террористические бомбовые атаки», «террористический воздушный налет», «убийственный террор по отношению к немецкому народу», «террористические самолеты», «терроризирование гражданского населения», «бомбардировщик-террорист» [10].

Другой тезис официальной немецкой пропаганды гласил, что «Германия ведет войну чистыми средствами и по-рыцарски» – немецкие самолеты бомбят в Англии лишь военные объекты, в то время как «британские бандиты», «варвары» по личному приказу «жесточкого преступника» Черчилля «атакуют одни только невоенные цели», убивают стариков, женщин и детей. В одной из берлинских газет говорилось даже о том, будто королевские ВВС получили приказ «истребить население Берлина» [11].

Британские авианалеты использовались нацистскими пропагандистами как доказательство того, что Англия не только является непримиримым врагом «бессмертной немецкой культуры», но и «не имеет никакого отношения» к европейской культуре вообще. «Найдется ли в Англии композитор, которого можно сравнить с Бетховеном или Рихардом Вагнером?» – спрашивал Геббельс в статье «Бессмертная немецкая культура» (26 июня 1943 г.) и продолжал: «Английские самолеты уже разрушили в Германии десятки театров, но в самой Англии нет ни одного настоящего театра» [12].

В тех условиях, когда ни люфтваффе, ни ракеты «фау-1» оказались не в состоянии нанести городам Великобритании существенного урона и надежды Геббельса «воздать британским воздушным пиратам той же монетой» не сбылись, английские бомбардировки позволили ему подтолкнуть население к самочинному возмездию пилотам, сбитым над Германией. Геббельс дважды, 28 марта и 4 июня 1944 г., одобрял «народное правосудие» над «англо-американскими убийцами». Летчики бомбардировочной и штурмовой авиации, которые стреляют в безобидных людей, заявил он, «ставят себя вне признанных международным сообществом законов войны». Полиция и вермахт не будут применять силу «против немецкого народа, когда он обращается с детоубийцами так, как они того заслуживают». Если вражеских пилотов не поведут на эшафот, а совершат расправу на месте, то «мы не будем проливать крокодиловы слезы», – говорил министр пропаганды [13].

Одной из главных мишеней главного пропагандиста Третьего рейха стала **британская экономическая, политическая и культурная элита** – министры и депутаты парламента, крупные землевладельцы и промышленники, финансисты и любые «менеджеры», деятели культуры и журналисты. Кроме того, в соответствии с нацистской расовой теорией в состав правящего класса всех капиталистических стран включались евреи, представленные как банкиры-ростовщики. Гитлеровцы отрицали марксистское учение об общественных классах и избегали пользоваться термином «класс». В качестве обозначения верхушки британского общества, элиты в нацистском лексиконе использовались слова «руководящий верхний слой», «лорды», «джентльмены». Особенно часто в немецкой пропаганде применялся термин «плутократия», под которым в зависимости от контекста подразумевались и форма власти, и политический режим, и сама верхушка британского общества. Термин «плутократия» был насыщен негативными коннотациями, он связывал английских политиков, предпринимательский класс, титулованную знать с еврейством. Статьи и выступления Геббельса изобиловали словами «английские плутократы», «лондонская плутократия», «господа плутократы из Лондона», «лондонские евреи и плутократы», «плутodemократия», «господа лорды и плутократы», «плутократическая клика», «британско-плутократический господствующий слой», «ненасытная плутократия». Образ британской элиты, растиражированный немецким министром в военные годы, строился на нескольких тесно взаимосвязанных тезисах.

Во-первых, именно на «еврейско-плутократический господствующий слой» Великобритании возлагалась вина за развязывание Второй мировой войны. Английская плутократия «хотела войны, она подготавливала ее, объявила и ведет ее сегодня. Никто не заинтересован в этом, кроме нее одной. Она была нужна для сохранения безграничного господства капитала, и поэтому она началась», – писал Геббельс [14]. Национал-социалисты противопоставляли немецкий «идеализм» и английский «материализм», который преподносился потребителям пропагандистской продукции как идеология «плутократов», навязанная всему британскому обществу. Шестой отдел министерства пропаганды, отвечавший за репертуар театров, распорядился о постановке спектаклей, показывающих «вырождение» англичан, особенно пьес Бернарда Шоу, якобы подтверждавших тезис о том, что «британцы – это отъявленные лицемеры, погрязшие в плутократии» [15].

Во-вторых, в соответствии с указаниями Геббельса, разработанными в июле 1940 г., следовало вести полемическую кампанию против Великобритании, не подвергая нападкам ан-

глийский народ, противопоставляя его *подлинным интересам «эгоистическим интересам правящего слоя, взирающего на свою собственную нацию с надменным безразличием...* Все разговоры должны сводиться к разоблачению и осуждению плутократов, в то время как сам народ будет представляться в роли жертвы безудержной алчности ее правителей» [16]. С этого времени немецкие газеты постоянно писали о том, что *«английские плутократы не желают мира и разжигают войну, не принимая во внимание интересы своего несчастного народа и не советуясь с ним»* [17]. Геббельс утверждал, что представители правящего класса Англии «утопают в роскоши» и разыгрывают из себя «великих социальных реформаторов», в то время как английский народ «влачит более убогую жизнь, чем в какой-либо другой стране. Народ каждый вечер спускается в шахты метро, просиживает там по 14 часов в грязи, нужде, навозной жиже, среди эпидемий и ждет чуда, которое обещали ему эти черчилли, либо с плачем блуждает по руинам Ковентри, Бристоля, Бирмингема или Шеффилда, охваченный только одной мыслью: как бы заполучить кусок хлеба и крышу над головой» [18]. Нацистский министр упрекал Черчилля в том, что тот «устраивал пиры в роскошных лондонских ресторанах, где рекой лилось вино», в то время как «британские газеты советовали голодающему народу заменять мясо морковью и картофелем в мундире» [19].

В-третьих, полемический накал немецкой пропаганды обращался против негативных личностных качеств, которые приписывались английским «лордам», «джентльменам», «плутократам». Геббельс наделял их жестокостью, лживостью, ханжеством, лицемерием, высокомерием, бесчувственностью, цинизмом, пренебрежением к нормам приличия, уверенностью в собственной непогрешимости. Он неоднократно заявлял, что «нормальный европеец» не в силах понять их образ мышления. Представители британской элиты «являются евреями среди арийцев и принадлежат к тому сорту людей, которым надо выбить коренные зубы, прежде чем можно рассчитывать на разумный разговор с ними». В свою очередь, лондонские «плутократы» враждебно относятся к континентальной Европе, не понимают ее. «Для этого они слишком высокомерны, слишком необразованны и, пожалуй, слишком интеллектуально ленивы». Господствующий слой Великобритании, продолжал Геббельс, в течение всей своей истории общался только с колониальными народами, вся его политическая мудрость состоит только в том, «чтобы подчинять их... с помощью хитрости, коварства, лжи и насилия, завладеть их богатствами и сделать из этого, так сказать, систему политической морали». Те же мерки, утверждал нацистский министр пропаганды, британская правящая верхушка пытается применить и к европейским странам. Поэтому «мы относимся к британским плутократам с такой ненавистью и презираем их безграничное тупое высокомерие, их инертное мышление, их вызывающую раздражение флегматичность по отношению к заботам и интересам других народов, их ханжескую и двуличную мораль, их настырность в распространении лжи и клеветы, которая превращена ими в своего рода политическое искусство» [20].

Нападкам пропагандистов Третьего рейха подвергались представители «ожидовевшего британского верхнего слоя» прошлых эпох: Т. Мор, Д. Рикардо, лорд Пальмерстон, Д. Ллойд Джордж, лорд Нортклифф, С. Родс, Г. К. Честертон. Ярлыки «лицемеров, лжецов и шулеров» были наклеены современным английским политическим и общественным деятелям: Г. Никольсону, архиепископу Кентерберийскому, Л. Хор Белиша, Р. Ванситарту, Н. Чемберлену, лорду Галифаксу, Н. Гендерсону, лорду Лотиану, лорду Бивербруку, К. Эттли, С. Криппсу [21]. Первого британского министра информации Даффа Купера Геббельс не раз называл «канальей», «интеллектуально ленивым политическим снобом», «самым глупым министром в Европе» [22].

Жгучую ненависть Геббельс испытывал к выдающемуся представителю английской аристократии и политической элиты Уинстону Черчиллю. Нацистский министр клеймил Черчилля как «подлого преступника», относящегося «к тому сорту ожесточенных и огрубевших плутократов, единственным жизненным идеалом которых являются деньги, сытая жизнь и, в лучшем случае, алкоголь. Несчастье Англии в том, что она находится под его руководством. Не только Британская империя, но и все цивилизованное человечество должно дорого заплатить за этот факт, и если бы не было нас, то это стоило бы культурному миру существования» [23]. Министр пропаганды Третьего рейха объявил Черчилля «образцовым экземпляром британской плутократии», за которым стоят финансовые дельцы Сити, евреи, «банкроты и авантюристы», вложившие капиталы «в прибыльное дело войны» [24]. В своем дневнике Геббельс называл британского премьер-министра «скотиной» [25], а в газетных статьях пользовался эпитетами «друг евреев и покровитель плутократов», «выразитель интересов плутократической касты», «слон в посудной лавке», «толстый циник», «бездарность», «политический и военный дилетант», «мастер лжи», «политический шарлатан», «политический хамелеон», «легкомысленный старый грешник», «поджигатель войны».

В-четвертых, на плутократию возлагалась вина за якобы антидемократический характер политической системы Великобритании. Геббельс утверждал, что английская система правления – это «плутократия, замаскированная под демократию». Плутократы пытаются создать видимость народовластия, а в действительности в Англии «правят деньги в самом широком смысле слова: собственность, земельные магнаты, бароны-шахтовладельцы, Сити и евреи. Они крепко держат в руках страну и всю империю. Для народа с целью маскировки они используют такие демократические правила игры, как парламент, выборы, свободное высказывание мнений, свобода и прессы и т. д. Но применение этих правил определяется только ими. Речь идет о нескольких дюжинах семей, обладающих сказочными богатствами. За ними стоит несколько больший слой буржуазии, которая живет за счет кусков, брошенных со стола богачей, и широкая масса народа, существующая в неопишуемой бедности» [26].

Следствием созданного усилиями Геббельса образа британской элиты была твердая уверенность в том, что правящий класс Великобритании обречен на поражение в борьбе с гитлеровским Рейхом. На завершающем этапе войны, когда стал очевидным неизбежный крах Германии, он со злорадством предсказал упадок Англии в результате усиления США и СССР. В статье «2000 год» (25 февраля 1945 г.) Геббельс писал: «Где те времена, когда слово Великобритании было весомым и значимым в международной политике? Можно только посмеяться над тем, что британский премьер-министр наивно предполагает руководить политическим и социальным устройством рейха вплоть до 2000 года. В течение предстоящих десятилетий Англии хватит совершенно других забот... она будет отчаянно бороться за то, чтобы сохранить хотя бы толику того могущества, которым она некогда обладала на всех континентах» [27].

На официальный образ Великобритании в Третьем рейхе наложил заметный отпечаток нацистский **антисемитизм**, которым были пропитаны нацистская идеология и пропаганда. Геббельс стремился убедить немцев в том, что Великобритания является «оплотом и средоточием мирового еврейства». Особенно часто он повторял несколько положений: Черчилль действует по указке евреев, они руководят британским правительством, экономикой, прессой и являются тем материалом, который скрепляет антигитлеровскую коалицию; именно английские евреи разжигают ненависть к Германии; существует духовное родство между англичанами и евреями: «Англичане, хоть и являются арийцами, но по сути очень близки к евреям»; евреи господствуют в политических партиях, органах управления, судах, экономике, финансах, различных сферах духовной и интеллектуальной жизни Великобритании, а *английский парламент – «в действительности не что иное, как еврейская биржа»* [28].

Нацистские пропагандисты развивали мысли министра пропаганды и утверждали, что евреям в Англии покровительствуют видные представители правящего класса Д. Ллойд Джордж, О. Чемберлен, Р. Макдональд, С. Болдуин, С. Хор, Н. Чемберлен, У. Черчилль, лорд Галифакс, Э. Иден, Д. Купер. «Во всех сомнительных случаях при отсутствии доказательств противного каждого дворянина следует считать симпатизирующим евреям». Именно засильем евреев в Англии объяснялись безработица, упадок сельского хозяйства, обнищание масс и рост заболеваемости, повальная увлеченность английской бедноты игровыми автоматами, моральное разложение, распространение левого радикализма и большевизма. Наконец, немцам сообщали, что Великобритании грозит «расовое вырождение» и дегенерация вследствие смешения крови. «Ежедневно и еженедельно новые толпы иудеев устремляются в страну. Ничего не делается, чтобы воспрепятствовать смешанным бракам. Напротив, дворянство и руководящие круги являются особенно красноречивым свидетельством такого осквернения расы» [29].

На пропагандистский **образ английского народа** и национального характера англичан накладывали отпечаток как традиционные стереотипы, так и потребность руководства Третьего рейха в формировании «немецкого народного сообщества». В начале войны Геббельс внушал немцам, что английский народ политически бесправен, рядовые граждане «имеют лишь свободу и право вместе быть безработными, голодать, существовать в условиях нерегулируемого падения ценных бумаг, восхищаться богатством богачей и молча переносить бедность бедняков» [30]. В августе 1940 г. министр пропаганды приказал немецким журналистам: «Все разговоры должны сводиться к разоблачению и осуждению плутократов, в то время как сам народ будет представляться в роли жертвы неумеренной алчности ее правителей» [31].

В первые годы войны Геббельс не раз с некоторой долей симпатии высказывался о «природном упрямстве» и флегматичности британцев, их привычке «выносить удары судьбы» [32]. Одновременно он называл англичан «евреями среди арийцев», трусливыми и помешанными на своем морском владычестве. Геббельс приписывал им «веру и непоколебимое убеждение в том, что господство Великобритании над миром является выражением высшего божественного ми-

рового порядка. Тот, кто стоит на их пути при завоевании и обороне империи, безжалостно сбивается с ног. Если можно – по правилам игры, если же это не получается, то при случае – ударом ниже пояса». В конечном счете руководитель германской пропаганды пришел к убеждению: «Англичане – вовсе не такой высокоразвитый, политически зрелый народ, каким они хотели бы выглядеть в глазах континента. Только в критические моменты своей истории они демонстрировали известный инстинкт необходимого и данного, но в иных случаях не показывали даже бледного представления о тех проблемах, которые двигают миром... Прославленная английская выносливость – это смесь хладнокровного жестокого цинизма руководящего слоя господ и тупоумной неподвижности широких народных масс» [33]. В статье «Новая Европа» (4 октября 1942 г.) Геббельс вновь противопоставил британцев всем остальным европейцам, заявив: «Англичане как островной народ в принципе чужды Европе, чтобы не сказать враждебны Европе. Они относятся к нашему континенту примерно так же, как к африканскому или австралийскому» [34].

Таким образом, Геббельс и вместе с ним вся нацистская пропаганда возлагали на Великобританию вину за развязывание Второй мировой войны, приписывали ей цели мирового господства, уничтожения национального немецкого государства и самого немецкого народа. Демонизации англичан служили многочисленные примеры бесчеловечной практики британского колониального господства, напоминания о голодной блокаде Германии в годы Первой мировой войны, кампании вокруг гибели теплохода «Атения». Особенно активно для усиления негативных штрихов в официальном образе Великобритании, воспитания ненависти к ней Геббельс использовал воздушные атаки английских ВВС на немецкие города. Английское правительство и летчики преподносились как убийцы, немецкие авианалеты на Британские острова оправдывались как ответные меры, «варварские» английские методы ведения войны противопоставлялись «рыцарским» немецким, а линчевание британских пилотов превращало гражданское население в соучастника нацистских преступлений и укрепляло волю немцев сражаться до конца. Нацистская пропаганда под руководством Геббельса формировала у немцев крайне негативные представления об английской элите. Верхушка британского общества обвинялась в беззастенчивой и беспощадной эксплуатации собственного народа и народов колоний, а парламентская демократия трактовалась как форма политического господства богатого меньшинства. «Плутократы», наделяемые всеми мыслимыми отрицательными личностными качествами, отождествлялись с масонами и евреями – врагами всего человечества. В качестве противника национал-социалистической Германии выступал не только британский «верхний слой», но и весь английский народ, «тупоумный», политически незрелый, наделенный природным лицемерием и помешанный на морском могуществе своей страны. Для Геббельса Великобритания была цитаделью «мирового еврейства», которое подчинило себе всю жизнь страны, из-за кулис руководит британской политикой и целенаправленно ведет английский народ к расовому вырождению. Этот образ врага способствовал формированию новой нацистской идентичности: гитлеровский Рейх, в противоположность Британской империи, рекламировался Геббельсом как государство, основанное на принципах уважения прав и достоинства других народов, расовой чистоты, социальной справедливости и незыблемых моральных устоях, как оплот всей европейской цивилизации.

Примечания

1. Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ». СПб., 2003. С. 30.
2. Русс К. Геббельс. Адвокат дьявола. М., 2000. С. 199.
3. Der Großdeutsche Freiheitskampf. Reden Adolf Hitlers vom 1. September 1939 bis 10. März 1940. München, 1940. S. 31–39.
4. Шупер У. Берлинский дневник. М., 2012. С. 203.
5. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1939/40/41. München, 1941. S. 257.
6. Ibid. S. 282.
7. Ibid. S. 193–194.
8. Русс К. Указ. соч. С. 234–235, 239.
9. Шупер У. Указ. соч. С. 415.
10. Goebbels J. Der steile Aufstieg. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1942/43. München, 1944.
11. Шупер У. Указ. соч. С. 442.
12. Goebbels J. Der steile Aufstieg. S. 339, 342.
13. Peuschel H. Die Männer um Hitler. Düsseldorf, 1982. S. 61.
14. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 346.
15. Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р. Йозеф Геббельс – Мефистофель усмехается из прошлого. Ростов н/Д, 2000. С. 124.

16. Рущ К. Указ. соч. С. 257.
17. Брамштедте Е., Френкель Г., Манвелл Р. Указ. соч. С. 266–267.
18. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 22–23, 282, 340.
19. Ibid. S. 376.
20. Ibid. S. 301, 303–304, 346.
21. Musch-Osten E. Einkreisung. Im Schatten König Eduards VII. Herrsching bei München, 1939. S. 6, 7, 42, 46.
22. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 543.
23. Goebbels J. Das eherne Herz. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1941/42. München, 1942. S. 349.
24. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 347–348.
25. Ржевская Е. М. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 2004. С. 237.
26. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 359.
27. Рущ К. Указ. соч. С. 427.
28. Goebbels J. Der steile Aufstieg. S. 264, 301–302.
29. Aldag P. Das Judentum in England. Berlin, 1943. S. 445–449, 526.
30. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 395–396.
31. Рущ К. Указ. соч. С. 257.
32. Ржевская Е. М. Указ. соч. С. 238.
33. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 181–182, 304, 360.
34. Goebbels J. Der steile Aufstieg. S. 10.

Notes

1. Sarkisyants M. Angliyskie korni nemetskogo fashizma. Ot britanskoy k avstro-bavarskoy “rase gospod”. SPb., 2003. S. 30.
2. Riss K. Gebbels. Advokat dyavola. M., 2000. S. 199.
3. Der Großdeutsche Freiheitskampf. Reden Adolf Hitlers vom 1. September 1939 bis 10. März 1940. München, 1940. S. 31–39.
4. Shirer U. Berlinskiy dnevnik. M., 2012. S. 203.
5. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1939/40/41. München, 1941. S. 257.
6. Ibid. S. 282.
7. Ibid. S. 193–194.
8. Riss K. Ukaz. soch. S. 234 235, 239.
9. Shirer U. Ukaz. soch. S. 415.
10. Goebbels J. Der steile Aufstieg. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1942/43. München, 1944.
11. Shirer U. Ukaz. soch. S. 442.
12. Goebbels J. Der steile Aufstieg. S. 339, 342.
13. Peuschel H. Die Männer um Hitler. Düsseldorf, 1982. S. 61.
14. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 346.
15. Bramshtedte E., Frenkel G., Manvell R. Yozef Gebbels Mefistofel usmehaetsya iz proshlogo. Rostov n/D, 2000. S. 124.
16. Riss K. Ukaz. soch. S. 257.
17. Bramshtedte E., Frenkel G., Manvell R. Ukaz. soch. S. 266–267.
18. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 22–23, 282, 340.
19. Ibid. S. 376.
20. Ibid. S. 301, 303–304, 346.
21. Musch-Osten E. Einkreisung. Im Schatten König Eduards VII. Herrsching bei München, 1939. S. 6, 7, 42, 46.
22. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 543.
23. Goebbels J. Das eherne Herz. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1941/42. München, 1942. S. 349.
24. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 347–348.
25. Rzhetskaya E. M. Gebbels. Portret na fone dnevnika. M., 2004. S. 237.
26. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 359.
27. Riss K. Ukaz. soch. S. 427.
28. Goebbels J. Der steile Aufstieg. S. 264, 301–302.
29. Aldag P. Das Judentum in England. Berlin, 1943. S. 445–449, 526.
30. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 395–396.
31. Riss K. Ukaz. soch. S. 257.
32. Rzhetskaya E. M. Ukaz. soch. S. 238.
33. Goebbels J. Zeit ohne Beispiel. S. 181–182, 304, 360.
34. Goebbels J. Der steile Aufstieg. S. 10.

История межэтнических отношений в Прибалтийском крае к XIX в.

В статье на основании анализа литературы и исторических источников на русском, латинском, латышском, немецком языках представлена реконструкция основных этапов взаимоотношений различных этнических и социальных групп населения, начиная с эпохи Средневековья до XIX в. Показаны направления этнических коммуникаций в военной, политической, экономической и культурной сферах. Выявлена модель сосуществования в прекапиталистическое время.

The article based on the analysis of literature and historical sources in Russian, Latin, Latvian and German. The reconstruction presents the main stages of the relationship between different ethnic and social groups, beginning with the Middle Ages to the XIX century. The research indicates the direction of ethnic communication in military, political, economic and cultural spheres. In this article is identified the model of coexistence in precapitalistic time.

Ключевые слова: история Лифляндии до XIX в., социальные и этнические сообщества в прибалтийских городах, межэтнические отношения в аграрную эпоху.

Keywords: history of Livonia till XIX century, social and ethnic communities in the Baltic cities, inter-ethnic relations in the agrarian era.

В современный период в истории России и ее ближнего зарубежья актуализируются проблемы изучения межэтнических контактов в различные эпохи. В связи с этим показательным видится выявление закономерностей в экономическом, политическом и культурном взаимодействии этнических групп, находящихся в тех или иных исторических и демографических условиях.

Этническая история Прибалтийского края интересовала исследователей в разные исторические периоды. В XX в. в историографии вопроса выделяется несколько подпериодов: 1) до 1917 г. – в рамках развития историографии в контексте науки Российской империи; 2) с 1917 по 1940 г. – во время существования первого независимого латвийского государства; 3) с 1940 по 1991 г. – в советский период; 4) после 1991 г. и, условно, по наши дни – современный этап. Все указанные временные отрезки характеризовались господством тех или иных идеологических доктрин, что в сочетании с исследованиями из других гуманитарных наук составляет сложную картину исторической динамики этнических групп региона, с древности до современности выявляющих черты племен, народов и наций.

Исследования, посвященные отдельным этническим группам, населявшим современную территорию Латвии, начали появляться еще в XVII в. Одним из первых этнографов, описавших историю латышей, был лютеранский пастор Пауль Эйнхорн, который написал «Историю латышей» [1]. В своей работе Эйнхорн привел описание натурального хозяйства крестьян, образ жизни, их тяжелое положение и эксплуатацию помещиками.

Вопросы истории межэтнических отношений на территориях восточного побережья Балтики исследовались с XVIII в. Одной из первых работ, посвященных углубленному изучению межэтнических отношений, явилась книга немецкого врача, проживавшего в Риге, Отто Гуна [2]. Двухтомное издание в своей первой части подробно описывало все проживающие этнические группы на территории Риги. Вместе с ним в одно время работу по изучению истории Лифляндской губернии и его населения вел выдающийся историк-краевед Иоганн Бротце. За свою жизнь историк сделал около 4,5 тыс. черно-белых и цветных рисунков с подробными комментариями. Он изобразил представителей разных сословий, достопримечательности Лифляндии и Эстляндии, надгробные памятники, гербы, монеты, медали и т. п. [3] Работы этих выдающихся историков периода XVIII–XIX вв. – практически единственные своего рода, где представлены подробные описания нескольких этнических групп, населяющих Лифляндию того времени, и их взаимоотношения. Кроме того, в указанный период необходимо упомянуть работу Гарлиба Меркеля, которую он написал в самом конце XVIII в. под названием «Латыши» [4]. Но в отличие от первых двух авторов, сочинение Меркеля посвящено лишь одному этносу, населяющему Лифляндскую губернию.

И если в течение XIII–XVIII вв. в большинстве случаев шло лишь описание тех или иных событий, произошедших в Лифляндии, то на протяжении XIX столетия происходили активное собира-

ние и обработка исторического материала по теме межэтнических отношений в прибалтийских землях во времена от Средневековья до яркого проявления капитализма. В XIX в. вопросы истории межэтнических отношений начали изучаться в контексте общей истории Прибалтийского края. Все больше история Лифляндии получала характерную социализацию, т. е. определенную этническую направленность. Так, например, целенаправленное обращение к теме национальной самоидентификации латышей в Лифляндии во вторую половину XIX в. принадлежат пастору А. Биленштейну – лингвисту и этнографу (он рассматривал в качестве важнейших латышских признаков латышский язык и этнические черты), а также Э. А. Вольтеру – этнографу, исследователю балтийских и славянских культур, изучавшему, в частности, и тему этнокультурных границ.

Историю русских, населяющих Лифляндию, стали изучать несколько позднее – во второй половине XIX в. Одним из первых русских историков, обратившимся к истокам, явился публицист Е. В. Чешихин. С 1877 по 1883 г. он опубликовал «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края» в четырех томах [5]. В своих трудах Чешихин впервые выдвинул концепцию мультикультурного единства на основе сплочения немцев, латышей и русских. Кроме Е. В. Чешихина, историю ливонских русских исследовал историк Ю. Ф. Самарин. Изучая историю России, он уделил внимание также и Лифляндской губернии. В его трудах можно почерпнуть информацию и об отношениях этнических групп, в частности, в седьмом томе сочинений есть глава «Положение русских в остзейском крае» [6].

Историю немцев в Прибалтике, как отдельной этнической группы, в самом конце XIX в. описал немецкий историк Леонид Арбузов. В своей работе исследователь проследил историю немцев в Прибалтийском крае от середины XII до конца XIX в. [7]

Так, динамику межэтнических отношений в Прибалтийском крае, в разной степени фрагментарно или нет, изучали различные публицисты.

Корпус источников по данной проблематике разнообразен. Он включает и средневековые документы. Первая хроника, описывающая на латинском языке сегодняшнюю территорию Латвии, появилась примерно в 1225–1226 гг. [8] Первая частичная публикация этой хроники относится к 1740 г. Еще одна летопись событий XIII в. появилась в 1290 г. – т. н. Старшая рифмованная хроника Ливонии [9], где описываются события второй половины XIII столетия. И наконец, третий обширный источник, повествующий о событиях XII–XIV веков – Ливонская хроника Германа Вартберга, написанная в середине XIV века и опубликованная в 1864 году [10]. Однако все эти средневековые летописи описывают те или иные военные походы или сражения, происходившие в разное время. Сведения об отношениях между этническими группами можно получить лишь поверхностные – о том, кто у кого был в подчинении или кто в каком сражении получил преимущества.

Отчасти события первой трети второго тысячелетия можно почерпнуть из русских летописей. Впрочем, упоминания территории Лифляндии встречаются еще у древних греков, римлян, в скандинавских сагах и пр., но это весьма разрозненные данные и могут лишь служить подтверждением того, что в данном регионе действительно проживали те или иные племена.

Комплексное изучение и анализ опубликованных хроник, сборников документов, периодической печати и пр. и неопубликованных (архивные, музейные собрания и др.) исторических источников по теме помогает выявить особенности и закономерности развития межэтнических отношений в истории Прибалтийских земель в эпоху от XII по XIX в.

Известно, что «данный район на протяжении веков развивался как полиэтнический и поликонфессиональный. Экскурс в историю выявляет ряд закономерностей. В Балтийском регионе издавна контактировали балто-славянско-финские этнические образования. Достаточно посмотреть на археологический и этнографический материал, чтобы обнаружить параллели в орудиях труда, предметах быта, одежде, украшениях и орнаментах... Ученые выявляют сходства в языках летто-литовской группы и славян, касающиеся лексики периода родовой общины и соответствующего быта (начальные числительные, названия культурного ландшафта, солярная лексика и т. д.). ...В латышском языке термин «русский» – это «криеви», в эстонском – «вене»... Эти термины говорят о ранних контактах и восприятии местными финно-угорскими и летто-литовскими группами славян еще в период существования венедов и кривичей» [11].

В конце XII в. население Прибалтийского края состояло из балто-славянских племен, которые вели междоусобные войны и торговали с восточными русскими княжествами. Отчасти территория современной Восточной Латвии вплоть до нынешней Риги подчинялась Полоцкому княжеству, которому местные племена платили дань. К сожалению, местных письменных источников, описывающих этот период, практически нет, поскольку местные племена не имели своей письменности. Кроме того, у местных балтийских племен отсутствует фольклорный жанр эпоса [12], что также не способствовало сохранению исторического наследия.

Появление чужеземцев с запада в середине XII в. в Прибалтике стало началом новой эпохи. Новые земли к востоку от германских земель немецкие купцы обнаружили примерно в середине

XII в. Немецкие торговцы из Любека впервые прибыли в Прибалтику примерно после 1158 г. через Балтийское море, Рижский залив и далее устье Западной Двины (Даугавы). Прежде основной восточной точкой их торговли был город Висби на острове Готланд, хотя при этом они уже имели представительство Ганзы – немецкий двор в древнем Новгороде [13]. Прибыв сюда, на место будущего города Риги, мореплаватели обнаружили поселение ливов, которые здесь имели небольшой рынок и рыбацкую деревушку. Стали налаживаться торговые связи.

В XI–XII вв. начался период активных Крестовых походов против язычников. С благословения папы римского ордена Меченосцев, основанный в 1202 г. епископом Альбертом, выступил покорять балтийских язычников – ливов, куршей, латгалов и земгалов. Первыми в этой борьбе пали ливы – уже в 1207 г. [14]. Последними поработанными племенами стали земгалы в 1290 г. Впоследствии данный факт порабощения скажется на всем историческом пути развития балтийских племен. Основной причиной поражения местных племен явилось то, что они не владели технологией каменного строительства, т. е. не знали известкового раствора, способного скреплять камни между собой. Все их жилые и защитные постройки были деревянными, которые легко уничтожались огнем [15].

Важным в истории межэтнического контактирования является вопрос о появлении и функционировании городов. Они являются показателями развитых экономических связей, торговли в истории тех этносов, хозяйственное созидание которых привело к появлению и функционированию этих качественных пунктов в историческом ландшафте региона. Это вопрос – дискуссионный. Некоторые историки придерживались мнения, что латыши жили на месте Риги задолго до прихода немцев, и, тем самым, Рига основана латышами и это исконно латышский город [16]. Действительно, Рига как поселение основано ливами, которые занимались охотой, рыболовством и меновой торговлей с ближайшими соседями – славянскими и балтийскими племенами [17]. Однако здесь необходимо учитывать различия в определении «город». В русском языке это – «древнее поселение, огороженное укрепленной стеной, крепость» [18]. В латышском языке слово *pilsēta* (город) тоже объясняется как «огороженное поселение», слово *pils* в переводе с латышского означает замок [19]. Немецкий историк Фридрих Беннинховен в своем академическом труде «Появление Риги и начало ганзейской торговли» подробно описал развитие Риги в конце XII – начале XIII вв. [20] Его утверждения и составленные схемы Риги этого периода свидетельствуют о том, что первые каменные укрепления и строения появились после прихода немцев, т. е. именно они начали преобразовывать поселение в город в его типичном понятии. Так, вопрос происхождения Риги как одного из главных городов Балтики является сложным.

Хроники и летописи отчетливо говорят о разноплановом этническом составе края: в исторических событиях принимали участие балтские, славянские и финно-угорские племена. При этом латгалы, курши, земгалы и селы имели еще достаточно особенных черт и не были объединены в единое целое. Племенная раздробленность местных этнических групп и междоусобные раздоры во многом помогли завоевателям с Запада поработить местное население. Латышский этнос произошел в результате слияния различных балтских племенных групп: латгалов, куршей, земгалов, селов [21]. Кроме того, численность латышей в процессе истории немного увеличилась путем ассимиляции финно-угорского племени ливов. Так, например, в начале XIII в. численность ливов на территории Лифляндии составляла 40–60 тыс. человек [22]. В середине XIX в. их насчитывалось 2324, а в 2011 г. согласно всеобщей переписи – 167 человек [23]. Окончательное объединение балтийских племен в единый народ произошло сравнительно недавно – лишь в XX в. [24]

Происхождение русских поселений на территории современной Латвии также имеет внушительную историю. Еще в начале XIII в. здесь существовали два замка, принадлежавших славянским племенам. По свидетельствам средневековых летописцев, один из них был Куконос (Кукенойс, сегодня Кокнесе) и Царьград (Герсик, сегодня Ерсика). В латышской историографии этим городам последовательно приписывалось латышское происхождение. Например, латышский историк Я. Страубергс называет Герсик «самым большим латышским государством, которое когда-либо существовало» [25]. При этом средневековые летописи того времени однозначно называли Герсик русским городом [26].

Изначально Рига представляла собой гармоничное сообщество, соединенное единой целью – торговлей. Немцы прибыли сюда торговать с запада, русские купцы – с востока, местное население выступало в качестве и покупателей, и продавцов. Русские в Риге на постоянной основе появились с конца 1220-х гг., когда купцы основали за пределами немецкого монастыря епископа Альберта свой «гостиный двор». Спустя некоторое время в расширившийся периметр городской стены немцы включили и поселение русских купцов. У них здесь появилась своя православная церковь, освященная во имя Николая Чудотворца. Первые упоминания об этой церкви в летописях появились с 1297 г. Позднее, уже в немецком городе, появилась и улица с названием

Русская [27]. Латыши в городе находились в качестве свободных жителей. В Риге дозволялось жить любому, кто способен был приобрести там имущество в свое владение [28].

Русское население в Риге в своем большинстве были торговыми людьми. Началом появления их в Риге на постоянной основе можно считать 1229 г., когда был заключен договор Риги со Смоленском, согласно которому русские купцы могли иметь в Риге свои дворы и церковь. Так в Риге образовалось «Русское подворье», просуществовавшее до Ливонской войны. В свою очередь немецкие купцы имели в Смоленске свои дворы и церковь Св. Марии. Русские колонии в Ливонии, а особенно в Риге, окрепли и расширились в XIV и XV вв. [29]. В работе Г. Трусмана приводятся данные из рижской Denkelbok (Книга памяти), охватывающей период с 1440 по 1480 г. Здесь под 1444 г. упоминалось, что в Риге было русское кладбище, близ которого находилась русская церковь Св. Николая и богадельня при ней. Отношение господствующей в Ливонии немецкой элиты после начала Ливонской войны и вторжения русских войск заметно ухудшило отношение к проживавшим в Риге русским купцам. После захвата Риги королем Швеции Густавом Адольфом II в 1621 г. русский квартал и православную церковь в Риге ликвидировали и вынуждали русских купцов селиться в районе Ластадии, вблизи рижских укреплений. Таким образом, в Риге спустя два десятка лет, в 1642 г., появился будущий Московский форштадт [30].

Процессы этнических преобразований у немцев и русских в Прибалтийских землях выглядели специфично. Дело в том, что жившие здесь немцы являлись частями своих этнических массивов, у которых уже складывался единый товарный рынок. Доказательством этого факта может служить создание Ганзейского союза городов (с 1241 г. в Гамбурге), который впоследствии объединил около 200 городов по всей Европе с представительствами на Руси. Ганзейские купцы и компании пользовались определенными правами и привилегиями. По данным историка К. Меттига, передовыми постами в торговле Риги с Псковом были ливонские города Юрьев (Тарту), Лудзин (Лудза) и Резница (Резекне), а на двинском пути в направлении Полоцка был Двинск (Даугавпилс). Во всех этих пунктах были русские дворы [31].

После завоевания немцами балтских племен вся власть в ливонских землях была сосредоточена в руках орденских магистров и архиепископа. Еще с момента основания города Риги здесь действовала типичная немецкая структура политического управления, которая распространялась на всю Ливонию. После основания Риги в 1201 г. здесь установилась власть епископа Альберта, который и ввел характерное для немецких земель управление. Оно заключалось в формировании выборного органа – т. н. «рата», куда входили 12 горожан, они же выбирали главу «рата» – «бюргермейстера». В Риге «рат» был основан в 1226 г. [32] и просуществовал около 660 лет, когда в Российской империи повсеместно ввели новое Городовое положение.

С 1494 г. в Ливонии установилось крепостное право. Теперь все беглые крестьяне выдавались их господину. Крестьяне должны были отрабатывать барщину и платить оброк. Кроме того, была ограничена свобода их передвижения, они были прикреплены к земле подобно крестьянам в Западной Европе. Постепенно на местное туземное население накладывались все большие и большие обязанности. Даже на живших в городах латышей накладывались ограничения. Например, в 1352 г. в Риге основали Малую гильдию, куда входили местные мелкие торговцы и ремесленники, при этом гильдейские цеха могли возглавлять только немцы, «не-немцы» имели право организовывать цеха лишь непрестижных ремесел: носильщиков, грузчиков, весовщиков и др. [33]

Латыши-рижане в начале XVI в., так же как и русские, жили в отдельном квартале города и сопротивлялись введению крепостничества. Однако все их попытки сопротивления оканчивались неудачей, поскольку немецкая власть обладала хорошо обученной и достаточно мощной военной силой в лице Тевтонского рыцарства.

Практически все источники, повествующие об этнической составляющей исследуемого региона, говорят о слабой культурной, политической и экономической составляющей латышей. Например, первый балтийский историограф П. Эйнхорн так описывал положение латышей Курляндии в середине XVII в.: «Их не допускают ни к одной должности, даже самой низшей и ничтожной, на всей этой земле должности отдают только немцам, даже если какой-нибудь из местных оказывается к чему-то пригодным, его все равно не берут, а отдают должность немцу» [34]. П. Эйнхорн в уничижительном тоне рассказывал о латышском фольклоре, традициях латышей, описывал их худшие черты характера, порочность. Причиной для подобной оценки послужило то, что латыши долгое время оставались язычниками и, соответственно, их бедственное положение – мол, это божья кара за приверженность языческим традициям.

Позднее рижский врач Отто Гун оставил описание быта города конца XVIII в., в котором он так описывал латышей того периода: «...многие имеют пропитание через домашнюю прислугу, поденную работу и другие прислуги по торговле при разных званиях; многие также из них в близости города живут рыбной ловлей, скотоводством, содержанием огородов и другими разными

промыслами. Хотя все в городе и вне его живущие латыши вольные люди, однако же они обязаны городу и некоторыми повинностями: они должны чистить городскую набережную, разводить и наводить составленный из плотов мост, вколачивать сваи на городской набережной и во время осады города на валы и обратно возить пушки и т. д.» [35].

Никакого участия в управлении территориями и городами, в распределении налогов латыши не принимали, ни судебной, ни административной властью они также не обладали. В некоторой степени сословное неравенство было устранено лишь в конце XIX в., когда Российская империя стала заботиться о сохранении и развитии своих окраинных губерний. Этот период в латышской историографии называют первой «Атмодой», что означало «Пробуждение» (1850–1880 гг.). Возникшее движение младолатышей поставило своей целью обозначить свое присутствие в социальной и политической жизни Лифляндии, началось активное собирание исторического материала и на его основе продвижение в массы национального самосознания.

По имеющейся статистике XVIII в., в 1767 г. население Риги насчитывало порядка 19,5 тыс. человек [36]. К сожалению, в источнике не указан национальный состав жителей за этот год, но в середине XIX в. население резко возросло и в 1867 г. составило 102 тыс. человек. Из них 43,9 тыс. – немцы, 25,7 тыс. – русские, 24,1 тыс. – латыши и 5,2 тыс. евреи [37]. Таким образом, статистика подтверждает, что в середине XIX в. Рига была типичным провинциальным немецким городом. Однако ситуация значительно изменилась спустя 30 лет. В 1897 г., согласно всеобщей переписи населения Российской империи, в Риге проживало уже 282,2 тыс. человек. Из них 127 тыс. латышей, 67,2 тыс. немцев, 45,4 тыс. русских и 16,9 тыс. евреев [38]. Данный приток населения объясняется вынужденной индустриализацией губернской столицы, которая смогла привлечь в города свободное крестьянское население с хуторов.

В позднее Средневековье еще одна этническая группа постепенно набирала численность и влияние на территории современной Латвии. Относительно евреев можно сказать, что на территории Лифляндской губернии они появились довольно поздно, в начале XVIII в., хотя в Курляндии они жили там еще с середины XVI в. При проживании в Лифляндии на них накладывались весьма суровые ограничения – жить они могли в особых постоянных дворах за пределами городской стены. По словам исследователей истории евреев в Латвии, в XVIII в. рижская еврейская община насчитывала не более 50 человек. В Высочайшем указе от 8 февраля 1766 г. прописывались правила их пребывания и занятий: «Все евреи приезжают в Ригу ради торговли... им лишь запрещается заниматься некоторыми ремеслами и занимать некоторые должности, изготовлять некоторые изделия и их продавать... Любого еврей, ради торговли прибывающий сюда сушей или морем, имеет право свободного нахождения здесь не более шести недель...» [39]. Однако с течением времени ограничения для евреев теряли свою силу, и данная этническая группа стала полноправным участником экономического и политического сообщества.

«Время существования аграрной эпохи в этом регионе, географическое положение и климат повлияли на модель этнических общностей, с их направленностью вовнутрь (“мой дом – мой мир”). Небезынтересный сюжет связан с появлением после церковного собора 1666 г. новой волны населения из России – приверженцев “древнего благочестия”, и в том числе и в Латвии, которая входила в то время в состав Речи Посполитой и Швеции, появилась большая масса русских старообрядцев, составивших основное ядро русского населения земли латышей. Появившиеся в Прибалтике немцы и русские в “доиндустриальное время” особо не конфликтовали с коренными жителями-хуторянами; выходцы из Германии и частично из России обосновывались в городах, которые для сельского жителя оставались во многом чужими. Другая часть русских – староверы – жили обособленно и также не довели над коренным населением. Поэтому наблюдалось относительное невмешательство в дела друг друга. В этом специфика складывания межэтнических отношений на данном побережье. Хотя, конечно, нобилитет у местных народностей складывался не всегда из собственных выходцев; остзейские немцы, бароны выступали верхушкой этнического сообщества, этнической элитой тех веков, со всеми вытекающими последствиями для этнического самосознания эстонцев, латышей и отчасти литовцев» [40].

Таким образом, неоднородность и, по сути, автохтонный характер развития каждой из этнических групп в Лифляндии сказалась на построении единого политического сообщества к XIX в. Можно сказать, что на протяжении почти семи веков немцы, латыши, русские и евреи в данной территории существовали в параллельных пространствах, твердо осознавая свое положение и вытекающие из него обязанности. Немцы руководили политическими силами и управлением земель. Русские налаживали торговлю и промышленность, евреи – торговлю и финансы. Латыши, в свою очередь, занимались ремеслами, воспроизводили некий «базис», т. е. крестьянское хозяйство. Это наложило свой отпечаток как на сами сообщества, так и на общественные отношения в Лифляндии в доиндустриальное время, а позднее – и в XIX в.

Примечания

1. *Einhorn P. Historia Lettica...* 1649.
2. *Гун О.* Топографическое описание города Риги / пер. с нем. В. Джунковский. Т. 1. СПб., 1804.
3. *Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente...* Данная работа издана на латышском языке: Broce Johans Kristofs. *Zīmējumi un apraksti. / 5. sējums Rīgas skati, ļaudis un ēkas.* Rīga: Zinātne, 1992–2007.
4. *Меркель Г.* Латыши, особенно в Ливонии, в исходе философского столетия. Дополнение к народоведению и человекознанию / пер. с нем. А. Н. Шемякина // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1870.
5. *Чешихин Е. В.* Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края: в 4 т. Рига, 1877, 1879, 1880 и 1883.
6. *Самарин Ю. Ф.* Сочинения Ю. Ф. Самарина. Письма из Риги и История Риги. Т. 7. М., 1889. С. 58–105.
7. *Арбузов Л. А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. С. 10.
8. См., например, издание: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / вступ. статья, пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938.
9. См., например, издание: *Atskaņu hronika: Dīleba Alnpeķes "Rīmjuhronika" / atdzejojis Jēkabs Saiva; R. Klaustiņa ievads un piezīmes.* Rīga: Valters un Rapa, 1936.
10. *Die livländische Chronik Hermann's von Wartberge.* Aus dem Lateinichenubersetzt von Ernst Strehlke. Berlin und Reval, 1864.
11. *Трушкова И. Ю.* Современная этнокультурная ситуация в странах Балтии: исторические основания и направления развития // Вестник ВятГГУ. 2014. № 8. С. 30.
12. *Спрогис И.* Памятники латышского народного творчества. Вильна, 1868 С. VII. А также, согласно классификации Института литературы, фольклора и искусства Латвийского университета, в материалах «Собрания латышского фольклора» (*Latviešu folkloras krātuve* – <http://www.lfk.lv/zanri.html>) жанр исторической песни в латышском фольклоре не представлен. Эпос как жанр появился в XIX в., однако он не был народным, а представлен как авторское произведение (см. Пумпурс А. «Лачплесис»)
13. *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 9.
14. *Смирин Г.* Основные факты истории Латвии. Рига: Apgāds "SI", 1999. С. 15.
15. *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 79.
16. *Straubergs J. Rīgas vēsture.* Rīga: Apgādniecība "Grāmatu draugs", 1936; Данное утверждение основывается на факте того, что в 1692 г. гильдия носильщиков соли в Риге продавала свое здание и при этом носильщики утверждали, что этот дом принадлежал им 1000 лет. Историк сомневается в этой дате, но находит подтверждение тому, что латыши жили здесь еще до прихода немцев, что и дает основание считать, что именно латыши основали Ригу. *Straubergs J. Rīgas vēsture.* Rīga: Apgādniecība "Grāmatu draugs", 1936.
17. *Чешихин Е. В.* Краткая история Прибалтийского края. Рига, 1894. С. 4.
18. *Кузнецов С. А.* Современный толковый словарь русского языка. URL: http://gufo.me/content_kuznec/gorod-112883.html
19. *Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca.* 2. sēj. Rīga: Avots, 1992.
20. *Benninghoven F. Rigas Entstehung und der frühhansische Kaufmann.* Hamburg: A. F. VelmedeVerl., 1961.
21. *Смирин Г.* Основные факты истории Латвии. Рига: Apgāds "SI", 1999. С. 13.
22. *Alenius K. Viron, Latvian ja Liettuan historia.* Jyväskylä, 2000.
23. URL: http://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/documents/statistika/01.01.2015/ISVN_Latvija_pec_TTB_VPD.pdf
24. *Эгле В.* Латыши: язык и история. URL: <http://www.etnosy.ru/node/268>
25. *Straubergs J. Rīgas vēsture.* Rīga: Apgādniecība "Grāmatu draugs", 1936.
26. См., например: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / вступ. ст., пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. С. 126.
27. *Benninghoven F.* Op. cit. Karte 8.
28. *Rakstukrājums Latvijas Republikas 10. gadu pastāvēšanas atcerei.* Rīga: Rīgas pilsētas valdes izdevums, 1932.
29. *Трусман Г.* Введение христианства в Лифляндии. СПб., 1884.
30. *Пухляк О., Язев О.* Московский форштадт – Латгальское предместье Риги // Прибалтийские русские: история в памятниках культуры / под общ. ред. А. В. Гапоненко. Рига: Ин-т европ. Исследований, 2010. С. 84.
31. *Mettig C. Baltische Stadte Skizzen aus der Geschichte Liv. Est. und Kurlands.* Riga, 1905.
32. *Rīga. Senatnes un mākslas.* 3. sēj. Rīga: Pieminekļu valdes izdevums, 1936.
33. *Смирин Г.* Основные факты истории Латвии. Рига: Apgāds "SI", 1999. С. 20.
34. *Einhorn P. Historia Lettica...* 1649.
35. *Гун О.* Указ. соч. С. 70.
36. *Rīga 1860–1917.* Rīga: Zinātne. 1978.
37. Там же.
38. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Лифляндская губерния. М., 1905. С. 3.
39. *Цейтлин Ш. (Буби).* Документальная история евреев Риги. Израиль: 1989. С. 12–13.
40. *Трушкова И. Ю.* Современная этнокультурная ситуация в странах Балтии: исторические основания и направления развития // Вестник ВятГГУ. 2014. № 8. С. 32.

Notes

1. Einhorn P. *Historia Lettica ...* 1649.
2. Gun O. *opograficheskoe opisanie goroda Rigi* [Topographical description of the city of Riga] / transl. from Germ. B. Dzhunkovskiy. Vol. 1. SPb. 1804.
3. *Sammlung verschiedner Liefländischer Monumente ...* This work is published in Latvian: Broce Johans Kristofs. *Zīmējumi un apraksti. / 5. sējums Rīgas skati, laudis un ēkas. Rīga: Zinātne, 1992-2007.*
4. Merkel G. *Latyshy, osoblyvo v Livonii, v iskhode filosofskogo stoletiya. Dopolnenie k narodovedeniyu i che-lovekoznaniyu* [Letts, especially in Livonia, in the outcome of the philosophical century. Supplement to the ethnography and human study] / transl. from Germ. A.N. Shemyakin // *CHteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete – Reading the Imperial Society of History and Russian Antiquities at Moscow University. M. 1870.*
5. Cheshihin E.V. *Sbornik materialov i statej po istorii Pribaltijskogo kraja: v 4 t.* [Collection of materials and articles on the history of the Baltic region: in 4 volumes]. Riga. 1877, 1879, 1880 and 1883.
6. Y.F. Samarin *Sochineniya YU. F. Samarina. Pis'ma iz Rigi i Istoriya Rigi* [Works of Y. F. Samarin. Letters from Riga and History of Riga]. Vol. 7. M. 1889. Pp. 58-105.
7. Arbuzov L.A. *Ocherk istorii Lifyandii, EHstlyandii i Kurlyandii* [Essay on the history of Livonia, Estonia and Courland]. Spb. 1912. P. 10.
8. See., eg., the publication: Genrih Latvijskij. *Hronika Livonii* [Heinrich the Latvian. Chronicle of Livonia] / introd. art., transl. and comments S.A. Anninsky. M. Publishing House of Acad. Sciences of the USSR. 1938.
9. See., eg., the publication: *Atskaņu hronika: Dīleba Alnpeķes "Rīmjuhronika"* / atdzejojis Jēkabs Saiva; R. Klaustiņa ievads un piezīmes. Rīga: Valters un Rapa, 1936.
10. *Die livländische Chronik Hermann's von Wartberge. Aus dem Lateinichenubersetzt von Ernst Strehlike. Berlin und Reval, 1864.*
11. Trushkova I.Y. *Sovremennaya ehcnokul'turnaya situaciya v stranah Baltii: istoricheskie osnovaniya i napravleniya razvitiya* [Modern ethno-cultural situation in the Baltic countries: historical reasons and directions of development] // *Vestnik VyatGGU – Herald of VyatSHU. 2014, № 8, p. 30.*
12. Sprogis I. *Pamyatniki latyshskogo narodnogo tvorchestva* [Monuments of Latvian folklore]. Vilna. 1868 C. VII. Also, according to the classification of the Institute of Literature, Folklore and Art of the University of Latvia, in the article "Collection of the Latvian folklore» (Latviešu folkloras krātuve – <http://www.lfk.lv/zanri.html>) genre of historical songs in Latvian folklore is not represented. The epic as a genre appeared in XIX, But it was not popular, and presented as the author's work (see. Pumpurs A. "Lachplešis")
13. Arbuzov L.A. *Op. cit.* P. 9.
14. Smirin G. *Osnovnye fakty istorii Latvii* [The main facts of history of Latvia]. Riga. Apgāds "SI", 1999. P. 15.
15. Arbuzov L.A. *Op. cit.* P. 79.
16. Straubergs J. *Rīgas vēsture. Rīga: Apgādniecība "Grāmatu draugs", 1936;* This statement is based on the fact that in 1692 the guild of salt porters in Riga sold its building while porters argued that this house belonged to them for 1000 years. Historians doubt this date, but it is confirmed by the fact that Latvians lived here before the arrival of the Germans, which gives reason to believe that Latvians founded Riga. Straubergs J. *Rīgas vēsture. Rīga: Apgādniecība "Grāmatu draugs", 1936.*
17. Cheshihin E.V. *Kratkaya istoriya Pribaltijskogo kraja* [A brief history of the Baltic region]. Riga. 1894. P. 4.
18. Kuznetsov S.A. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern Dictionary of Russian language]. Available at: http://gufo.me/content_kuznec/gorod-112883.html
19. Karulis K. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca. 2. sēj.* Rīga: Avots, 1992.
20. Benninghoven F. *Rīgas Entstehung und der frühhansische Kaufmann.* Hamburg: A. F. VelmedeVerl., 1961.
21. Smirin G. *Osnovnye fakty istorii Latvii* [The main facts of history of Latvia]. Riga. Apgāds "SI". 1999. P. 13.
22. Alenius K. *Viron, Latvian ja Liettuan historia.* Jyväskylä. 2000.
23. Available at: http://www.pmlp.gov.lv/lv/assets/documents/statistika/01.01.2015/ISVN_Latvija_pec_TTB_VPD.pdf
24. Egle V. *Latyshy: yazyk i istoriya* [The Letts: language and history]. Available at: <http://www.etno-sy.ru/node/268>
25. Straubergs J. *Rīgas vēsture. Rīga: Apgādniecība "Grāmatu draugs". 1936.*
26. See., eg: Genrih Latvijskij. *Hronika Livonii* [Heinrich the Latvian. Chronicle of Livonia] / introd. art., transl. and comments S.A. Anninsky. M. Publishing House of Acad. Sciences of the USSR. 1938. P. 126.
27. Benninghoven F. *Op. cit.* Karte 8.
28. *Rakstukrājums Latvijas Republikas 10. gadu pastāvēšanas atcerei. Rīga: Rīgas pilsētas valdes izdevums, 1932.*
29. Trusman G. [Introduction of Christianity in Livonia]. Spb. 1884.
30. Pukhlyak O., Yazev O. *Moskovskij forshtadt – Latgal'skoe predmest'e Rigi* [About Moscow Suburb – Latgale suburb of Riga] // *Pribaltijskie russkie: istoriya v pamyatnikah kul'tury – The Baltic Russian history in the monuments of culture / under gen. ed. A.V. Gaponenko. Riga Institute of European Researches. 2010. P. 84.*
31. Mettig C. *Baltische Stadte Skizzen aus der Geschichte Liv. Est. und Kurlands.* Riga, 1905.
32. *Rīga. Senatnes un mākslas. 3. sēj. Rīga: Pieminēkļu valdes izdevums, 1936.*
33. Smirin G. *Osnovnye fakty istorii Latvii* [The main facts of history of Latvia]. Riga: Apgāds "SI". 1999. C. 20.
34. Einhorn P. *Historia Lettica ...* 1649.
35. Gun O. *Op. cit.* P. 70.
36. *Rīga 1860–1917. Rīga: Zinātne. 1978.*
37. *Ibid.*

38. The first general census of the Russian Empire in 1897. Livonia province. M. 1905. P. 3.
39. S. Zeitlin (Bubi). Dokumental'naya istoriya evreev Rigi [Documentary History of the Jews of Riga]. Israel. 1989. P. 12–13.
40. Trushkova I.Y. Sovremennaya etnokul'turnaya situatsiya v stranah Baltii: istoricheskie osnovaniya i napravleniya razvitiya [Modern ethno-cultural situation in the Baltic countries: historical reasons and directions of development] // Vestnik VyatGGU – Herald of VyatSHU. 2014, № 8, p. 32.

УДК 947(470.342)“19”

И. В. Чемоданов

Культурное развитие вятской деревни в 1930-е гг.

В статье освещаются тенденции и процессы, происходившие в культурной сфере жизни вятской деревни в 1930-е гг.: ликвидация неграмотности, развитие народного образования и культурно-просветительных учреждений, борьба с религиозным влиянием. Выявляются позитивные и негативные стороны в реализации культурной политики. Культурное развитие вятской деревни рассматривается в общероссийском контексте, при этом раскрывается региональная специфика.

The article is about tendencies and processes which took place in the cultural sphere of the Vyatka countryside in the 1930s: the eradication of illiteracy, the development of public education, cultural and educational institutions, the fight against religious influence. Positive and negative aspects in the implementation of cultural policy are observed. Cultural development of the Vyatka countryside is shown in Russian context together with the regional specific.

Ключевые слова: «Культурная революция», Кировская область, вятская деревня, колхозы, обучение, ликвидация неграмотности, культурно-просветительные учреждения.

Keywords: “Cultural Revolution”, Kirov region, Vyatka countryside, collective farms, schooling, eradication of illiteracy, cultural and educational institutions.

1930-е гг. в истории России связаны с осуществлением специфической, советской модели модернизации. Строительство нового общества предполагало формирование нового человека, разделяющего основные ценности социализма и лояльного по отношению к советской власти. Поэтому важной составляющей форсированного модернизационного рывка стала «культурная революция».

Несмотря на успехи в индустриальном развитии и ускоренную урбанизацию, большая часть населения страны в рассматриваемый период продолжала жить в деревне. Сказанное в полной мере относится и к Вятскому (Кировскому) региону, в котором доля городского населения, согласно переписи 1939 г., составляла лишь 15% (что было значительно меньше общесоюзных показателей). Поэтому при анализе культурных преобразований 1930-х гг. в необходимо, прежде всего, учитывать специфику их осуществления в сельской местности. Кроме того, важно показать влияние «культурной революции» на жизнь и быт колхозной деревни.

«Культурная революция» имела важное значение для вятской деревни, особенно в плане ликвидации неграмотности. По переписи в январе 1939 г. грамотность взрослого населения Кировской области достигла 89,8%. В начале 1930-х гг. вводилось всеобщее начальное, затем семилетнее (в городах) обязательное образование. Семилетний всеобщий в 1936 г. был введен только в 17 городах и рабочих поселках области. Численность учащихся начальных и средних школ выросла с 338,5 тыс. чел. в 1934 г. до 375,2 тыс. чел. в 1936/37 уч. г. [1] За четыре года второй пятилетки были построены 134 новые школы.

Руководство страны предписывало осуществить в 1935/36 уч. г. всеобщее начальное обучение. Однако региональными и местными властями это задание выполнено не было. К концу 1936/37 уч. г. в Кировской области все еще не были охвачены начальным обучением 13 640 детей школьного возраста, что составляло 5,1%. По ряду районов показатели были еще ниже. Так, по Киясовскому району охват детей всеобщим обучением составлял всего 85,2%, по Бельскому району – 88,2%, по Белохолуницкому – 91,5%, по Яранскому – 90,7%. Половина сельских школ размещалась в зданиях, плохо приспособленных для организации учебного процесса [2].

Учителей требовалось больше, чем их могли подготовить вузы и училища. Большая часть педагогов имела среднее и семилетнее образование. По результатам контрольной проверки, про-

веденной в 1937/38 уч. г., 78% учителей не получили аттестацию, почти 500 человек было освобождено от работы в школе [3].

Важной составляющей «культурной революции» являлась борьба за ликвидацию неграмотности взрослого населения. 16 января 1936 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление, обязывающее партийные, советские, профсоюзные организации и органы народного образования на местах завершить в 1936–1937 гг. ликвидацию неграмотности среди взрослого населения в возрасте от 18 до 50 лет. Росли бюджетные ассигнования на ликвидацию неграмотности. По Кировской области они составляли в 1936 г. 771 200 руб., а в 1937 г. – 2 353 900 руб. (рост в три раза). За 1938 г. в Кировской области было обучено 12 165 неграмотных и 11 989 малограмотных. К концу 1938 г. государственными комиссиями было принято по области шесть сельсоветов сплошной грамотности: Салтыковский, Суслопаровский и Злобинский Просницкого района, Смирновский сельсовет Оричевского района, Круглыжский сельсовет Свечинского района и Мокрецовский сельсовет Вожагальского района [4].

Однако, несмотря на несомненные успехи в деле ликвидации неграмотности, к началу 1938/39 уч. г. в Кировской области еще оставалось 64 642 чел. неграмотных и 87 551 чел. малограмотных. Из этого количества (по состоянию на 1 января 1939 г.) неграмотных обучалось 26 334 чел. (40,7%), а малограмотных – 31 666 чел. (36,2%). Кроме того, с 1 октября 1938 по 1 января 1939 г. успели завершить обучение 1214 чел. неграмотных и 702 чел. малограмотных. Таким образом, к 1939 г. по Кировской области все еще не были охвачены обучением 37 094 чел. неграмотных (т. е. 57,4% от общего количества учтенных) и 55 183 чел. малограмотных (или 63,0%) [5].

«Флагином» ликвидации неграмотности и малограмотности выступал Свечинский район, где из 1274 неграмотных и 1869 малограмотных к 1 января 1939 г. уже было обучено 869 неграмотных (68,2%) и 374 малограмотных (20,0%), и продолжало обучение 395 неграмотных и 1261 малограмотный. В этом районе широкое движение за завершение ликвидации неграмотности началось с Круглыжского сельсовета, где неграмотные и сельская интеллигенция, готовясь к выборам в Верховный Совет СССР, взяли на себя обязательство к выборам завершить ликвидацию неграмотности. Для выполнения этой задачи все колхозы сельсовета включились в социалистическое соревнование. Эту работу возглавили председатель сельсовета кандидат ВКП(б) Толстобров и руководитель культсекции сельсовета, учитель-комсомолец Стариков. В итоге к выборам в Верховный Совет Круглыжский сельсовет был принят как сельсовет сплошной грамотности. Актив сельсовета и бывшие неграмотные выступили в районной газете «Колхозный клич» с призывом к остальным сельсоветам последовать их примеру.

Вся работа по завершению ликвидации неграмотности в Свечинском районе осуществлялась методами социалистического соревнования под руководством райкома ВКП(б) (его возглавлял секретарь Степанов), вопрос о ликвидации неграмотности неоднократно обсуждался на бюро райкома, собраниях районного партийного актива и райпартсобрании. Помощь в деле завершения ликвидации неграмотности оказывала вся районная парторганизация, 20 коммунистов было прикреплено к сельсоветам для проведения массово-политической работы с неграмотными.

Обучение неграмотных в Свечинском районе проходило как в индивидуальном порядке, так и по малым группам, колхозам и бригадам, к этому процессу была привлечена вся сельская интеллигенция, в первую очередь – школьные учителя и политпросветработники. Все 225 учителей Свечинского района участвовали в работе по ликвидации неграмотности, оказывая методическое руководство культармейцам и непосредственно сами обучая неграмотных. Особенно выделялись среди них такие энтузиасты, как учитель Киселевской НСШ С. М. Караулов, учительница Свечинской средней школы Т. Н. Ончурова, учитель Юмской НСШ В. Г. Шашмулин, учитель Ковалевской начальной школы Глушков и др.

Помощь в ликвидации неграмотности оказывала районная газета «Колхозный клич», систематически помещая на своих страницах заметки, освещающие опыт работы, письма бывших неграмотных и указывая на недостатки колхозов и сельсоветов, которые отставали в ликвидации неграмотности [6].

Ширилась сеть культурно-просветительных учреждений, росло их финансирование. Так, в 1935 г. только по бюджету облоно на культурно-просветительные нужды (не считая кино и театров) было израсходовано 2572,3 тыс. руб. В 1936 г. эти расходы увеличились до 5,3 млн руб. (т. е. в два раза). С 1 января 1935 по 1 января 1937 г. в 42 районах области были созданы районные дома культуры [7]. Если в 1935 г. в Кировской области было всего четыре звуковых кинотеатра, то к началу 1937 г. их стало 23, а также действовало 15 звуковых передвижек. Число киноустановок с 189 в 1935 г. увеличилось к началу 1937 г. до 259 (т. е. на 37%). Однако для Кировской области этого было далеко не достаточно, так как одна киноустановка в среднем приходилась почти на 50 колхозов [8]. В целом, за четыре года второй пятилетки в Кировской области было открыто

667 колхозных и рабочих клубов, 50 домов культуры. Число киноустановок выросло до 284, в том числе 89 были звуковыми, остальные показывали немое кино. В Слободском и Уржуме были созданы колхозные театры. В Кирове начали работать театры юного зрителя и кукольный [9].

Что касается собственно сельской местности, то за два года (с 1 января 1935 по 1 января 1937 г.) количество колхозных клубов увеличилось с 70 до 175 (т. е. в 2,5 раза). Сеть клубов росла за счет реорганизации изб-читален, строительства новых зданий, а также приспособления под клубы старых жилых и хозяйственных помещений. Количество библиотек в деревне за это же время выросло с 108 до 167 (т. е. в полтора раза). Было организовано 4079 библиотек-передвижек [10]. Увеличивалось число периодических изданий. К началу 1937 г. в области выходили три областные, 54 районные и 22 многотиражные газеты. Все же, однако, спрос на книги и газеты обгонял их выпуск в стране и регионе. Сельские клубы и избы-читальни вели преимущественно политпросветработу. Размещались они, как правило, в непригодных обветшалых зданиях, руководили ими часто случайные люди. На 1 октября 1938 г. в Кировской области действовало 945 изб-читален, 66 сельских домов культуры (СДК), 551 колхозный клуб, 1599 красных уголков [11]. Разумеется, деятельностью культурно-просветительных учреждений, как и в предшествующие десятилетия, сельское население было охвачено в гораздо меньшей степени, нежели городское. Так, в 1938 г. в Кировской области насчитывалось 10 847 колхозов [12]. Следовательно, лишь 5% всех колхозов области к этому времени имели свои клубы.

Продолжалась радиофикация региона. Если на 1 января 1935 г. по Кировской области насчитывалось около 13,5 тыс. радиоточек, то к началу 1937 г. количество их увеличилось до 25,5 тыс. (т. е. почти в два раза). За два года в плане радиофикации было сделано больше, чем за предыдущие 10 лет. Однако рост радиосети происходил, в основном, за счет городов и рабочих поселков, в деревню же радио продвигалось относительно слабо [13]. В 1937 г. по области действовало более 28 тыс. радиоточек. Общая аудитория радиослушателей составляла пока только 120 тыс. чел. К октябрю 1938 г. число радиоточек по области возросло до 32 164, а эфирных радиоприемников – до 2887. Сельская местность по уровню радиофикации значительно отставала от города: из 32 164 радиоточек Кировской области на селе было лишь 15 039 (т. е. менее половины), и если на 1000 горожан приходилось 75,3 радиоточки, то на 1000 жителей села приходилось всего 7,2 радиоточки. Особенно неблагоприятно обстояло дело с эфирной радиофикацией. В Белохолуницком районе не работало больше половины радиоустановок, в Сунском районе из 48 колхозных радиоустановок работали лишь четыре. Многие радиоустановки не работали в Уржумском, Нолинском, Куменском районах [14].

В контексте «культурной революции» велась борьба с религией (впрочем, далеко не везде и далеко не всегда последовательная). Продолжалось закрытие культовых учреждений. За действующими устанавливался жесткий контроль. В 1936 г. в Кировской области оставалось 17 приходов Русской православной церкви и один старообрядческий приход. Ячейки Союза воинствующих безбожников (СВБ) в 1936 г. были созданы в 27 из 54 районов. Однако эффект от работы организаций СВБ был невелик. В лучшем случае они проводили антипасхальные и антирождественские дни.

На фоне слабой антирелигиозной работы организаций СВБ среди населения Кировской области в 1936–1937 гг. имело место усиление клерикальных тенденций (что было связано с последствиями засухи и неурожая 1936 г.). Вопреки политическому курсу высшего партийно-государственного руководства, направленному на ограничение влияния религии и церкви, кое-где при весьма благосклонном отношении местных властей происходило открытие старых церквей и даже строительство новых. К 1938 г. в Кировской области действовало 221 культовое учреждение, в том числе 211 церквей (174 тихоновско-сергиевских, 28 обновленческих и 9 старообрядческих) и 10 мечетей. Имелось также три молитвенных дома, принадлежащих евангелистам (в Кирове, Зуевке и Нолинске), а в Мурашах действовала община «странствующих евангелистов». Всего по Кировской области на тот момент насчитывалось 275 служителей культа [15]. Для сравнения: в 1927 г. на территории Вятской епархии действовало 67 церквей (56 из них находились в селах). Священнослужителей насчитывалось 1521 чел., в том числе 31 мулла [16]. Приведенные данные показывают, что на протяжении 1930-х гг. имело место возобновление деятельности многих, ранее закрытых церквей, тогда как восполнение духовенством своего кадрового состава осуществлялось не столь успешно. Заметим также, что до революции сеть культовых учреждений была гораздо более плотной: в 1916 г. на территории Вятской губернии действовало 912 православных церквей [17]. Антирелигиозная политика властей все же приносила определенные результаты.

Нужно заметить, что действующие культовые учреждения располагались на территории области неравномерно. 98 церквей и мечетей (т. е. 44% от общего их количества) находились в девяти районах: Кировском, Санчурском, Вятскополянском, Халтуринском, Кикнурском, Мал-

мыжском, Слободском, Зуевском и Оричевском. В то же время в 11 районах действующих церквей не было вовсе, однако проповедническую деятельность среди местного населения там вели странствующие священнослужители («попы-передвижки», как уничижительно их именовали партработники и члены СВБ) [18].

Жизненные невзгоды, связанные с природными катаклизмами и издержками процесса коллективизации, а также отсутствие видимых перспектив их успешного преодоления способствовали росту религиозных настроений среди сельского населения, чем активно пользовались в своих интересах служители культа. Имел место рост числа отправок религиозных обрядов. В начале второй половины 1936 г. число крещений в Кирове увеличилось на 11%, в Шабалино – на 24%. В одной из церквей Просницкого района с 1936 по 1937 г. число крещений детей возросло с 267 до 390 (т. е. на 46%), а отпеваний умерших – с 222 до 263 (т. е. на 18,5%) [19]. Жители колхоза «Безбожник» (Оричевский район), несмотря на столь обязывающее название, не захотели создавать первичную организацию СВБ, заявив, что в их колхозе «все верующие вместе с председателем, а такое название колхоза нам не мешает». В Чудновском сельсовете Халтуринского района председателем колхоза избрали дьякона [20]. В Оричевском районе летом 1937 года, после двух пожаров, председатели колхозов «Молот» и «Золотой дождь» организовали сбор с колхозников (по 50 коп. с каждого двора) и на собранные деньги заказали молебен о сохранении колхозов от пожара.

Представители антисоветски настроенного духовенства и верующих не брезговали и откровенными мистификациями. В разных уголках Вятского края распространялись слухи о различных «чудесах». В Кикнурском районе 1 мая 1937 г. священник Ефремов пустил слух о самозажжении свечи в церкви. В с. Цепели Халтуринского района священник Домрачев объявил о «чудесном» обновлении иконы Иерусалимской Божьей Матери. В Даровском районе одна женщина решила стать святой. Для «сотворения чуда» она уговорила фельдшерицу, чтобы та выдала ей справку о смерти. Фельдшерица ее просьбу выполнила, а через некоторое время «святая» «чудесным образом воскресла» [21]. В Яранском районе представители духовенства предприняли попытку открыть «мощи» бывшего иеромонаха Матвея. На могиле была установлена неугасимая лампада, применялось врачевание землей с могилы, к месту погребения новоявленного «святого» даже организовывалось паломничество [22]. В Слудском и Сушинском сельсоветах (Нолинский район) священнослужители «агитировали и писали письма якобы с неба о том, чтобы верующие не ходили голосовать за антихристов».

Поистине трагикомический случай произошел в Голодаевском сельсовете (Даровской район). Там у местного счетовода «бабка» Гущина лечила ребенка методом парения в бане вместе с собакой. «Врачевательница» попеременно ударяла веником то по ребенку, то по собаке. Результатом такого «лечения» стала смерть ребенка.

Для усиления влияния на паству сельские батюшки использовали и достижения научно-технического прогресса. В Кабинском сельсовете (Нолинский район) священник у себя в квартире поставил радио, благодаря чему получил широкую аудиторию для агитации и пропаганды. Заметим, что само руководство сельсовета не озаботилось оборудованием радиоточки. В Просницком районе священник около церкви устроил детскую площадку, купил мяч, гостинцев, чем привлек детей. После того как дети наигрались, он раздавал гостинцы, приглашал в церковь, а заодно просил передать родителям, чтобы те «не ходили на работу в церковные праздники» [23].

В Бутылинском сельсовете (Немский район) активизировали свою деятельность сектанты. В колхозе им. Кирова они занимались лечением больных. В качестве непременного условия успешного исцеления ставился выход больных из колхоза. В Зыковском сельсовете (тот же район) по заданию священнослужителя один единоличник изготавливал крестики, которые затем, под видом огородных семян, продавал на рынке [24]. Группа духовенства, действовавшая на территории Шарангского, Санчурского и Кикнурского районов, внушала крестьянам, что пребывание в колхозе является грехом: «Придет страшный суд, и будут на сковороде жарить». В селе Путь Унинского района священник Зубарев перед Ильиным днем послал 20 своих «пропагандистов» с заданием добиться того, чтобы в этот день колхозники не вышли на работу. Тем самым предполагалось сорвать уборочную. У Зубарева при аресте нашли 11 тыс. рублей ассигнациями, а также около пуда серебряной советской монеты и винтовку [25]. О том, откуда у простого сельского батюшки могли появиться подобного рода предметы, можно только строить догадки.

Проповедническая активность духовенства давала особо ощутимые результаты среди детей. Этому благоприятствовали как особенности более податливой детской психики, так и то обстоятельство, что духовенство имело значительное влияние на школу, ибо многие сельские учителя происходили из семей священнослужителей и сохраняли довольно-таки прочные связи с соответствующей средой. В селе Ухтым Богородского района жена бухгалтера МТС организовала из верующих кружок по изучению Библии, но поскольку грамотного чтеца среди слушателей не

оказалось, то они заставили читать Библию пионерку – ученицу НСШ. В Заозерской школе Санчурского района в 1937 г. 30% всех учащихся носили на шее крестики, ходили говеть в церковь и, проходя мимо храма, обязательно крестились. В Унинской школе восемь учеников жили на квартире у священника, а 10 учеников – у монашки, которая читала им по вечерам Библию и воспитывала в религиозном духе (предписывала носить кресты, молиться утром и вечером и т. д.) [26].

На 1 января 1937 г. оргбюро районных советов СВБ были созданы лишь в 16 из 54 районов Кировской области, тогда как членов СВБ к тому времени насчитывалось 16 305 чел. Однако, благодаря активизации и упорядочению работы Кировского областного оргбюро СВБ, спустя год районные организации СВБ существовали уже во всех районах области, а количество членов СВБ возросло до 48 615 чел. (т. е. почти в три раза). 15–17 февраля 1938 г. прошла первая областная конференция СВБ, на которой присутствовало свыше 100 делегатов [27].

Местные организации СВБ не всегда располагали достаточно подготовленными кадрами, умеющими найти подход к верующим. Грубая, осуществляемая «топорными» методами антирелигиозная пропаганда вызывала лишь отторжение, дискредитировала носителей «научного мировоззрения» в глазах верующих и, соответственно, еще более укрепляла их религиозные убеждения. Так, в Верхошижемском районе в одном колхозе комсомольцу было поручено провести беседу на антирелигиозную тему. Не подготовившись как следует, он, естественно, ничего не смог толково рассказать слушателям. А когда колхозники стали ему возражать, этот комсомолец, видя, что он не может их переубедить, в бессильной злобе набросился на одного старика и избил его [28].

Как видим, процесс реализации антирелигиозной политики в провинции, особенно в сельской глубинке, отнюдь не следует представлять как некое сплошное «триумфальное шествие». На какое-то время религии удавалось брать реванш над атеизмом. В целом, однако, несмотря на определенные отступления и временные компромиссы, региональными и местными властями выдерживалась линия на формирование у граждан основ научного мировоззрения, секулярной культуры и светской этики, на дальнейшее искоренение религиозных предрассудков.

Позитивные тенденции в плане реализации культурной политики получили свое дальнейшее развитие в годы третьей пятилетки. За два года (1938 и 1939-й) в Кировской области было обучено около 50 тыс. неграмотных и малограмотных, 68 сельсоветов стали сельсоветами сплошной грамотности. К началу 1940 г. в области насчитывалось 811 изб-читален, 224 сельских и 45 районных домов культуры и клубов, 13 музеев, шесть театров. Количество библиотек выросло с 203 до 274 (т. е. на 35%). Книжные фонды составляли около 2 млн экземпляров. С 379 до 442 единиц увеличилась киносеть. Большое развитие получила художественная самодеятельность. В 1939 г. на районных и областных смотрах выступало более 20 тыс. участников самодеятельности. За первые два года третьей пятилетки почти вдвое увеличилось число радиоточек и более чем в три раза – число эфирных радиоустановок.

В качестве показательного примера культурного развития колхозной деревни можно привести колхоз «Красный Октябрь» Вожгальского района. Если к началу коллективизации село Вожгалы ничем не отличалось от других многочисленных сел области, то к 1940 г. колхоз имел свою электростанцию, мельницу, две столовые, две общественные бани, пекарню, водопровод, ясли, дом отдыха. Денежный доход колхоза в 1938 г. составил 775 тыс. рублей, а в 1940 г. он стал миллионером. В колхозе выписывалось более чем на 5 тыс. рублей газет и журналов, и каждое хозяйство имело домашнюю библиотечку. 131 чел. детей колхозников училось в средних школах, 18 чел. – в вузах. Выходцы из колхоза пополняли кадровый потенциал станы и региона: из числа колхозников было подготовлено 17 учителей, пять агрономов, несколько зоотехников и других специалистов [29]. В целом, однако, несмотря на несомненные позитивные сдвиги, уровень социально-культурного и бытового обслуживания сельского населения Кировского региона к концу 1930-х гг. оставался невысоким.

Тем не менее «культурная революция» в вятской деревне приносила свои плоды. Несмотря на объективные трудности (недостаток финансирования, нехватка компетентных кадров, отсутствие необходимой помощи со стороны местных властей и т. д.), общий культурный уровень колхозного крестьянства повысился. На протяжении 1930-х гг. были сделаны серьезные шаги в плане ликвидации неграмотности и малограмотности, развивалось народное образование, множилась сеть культурно-просветительных учреждений, появлялось больше форм проведения досуга.

Примечания

1. Культурное строительство в Кировской области (1917–1987): документы и материалы. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, Кировское отд., 1987. С. 122.

2. Там же. С. 122, 124.

3. Загвоздкин Г. Г. Триумф и трагедия 30-х годов // Памяти Геннадия Григорьевича Загвоздкина – ученого, историка, человека... СПб.: Нестор, 2008. С. 130.

4. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 248. Л. 29.

5. Там же. Д. 247. Л. 204.
6. Там же. Л. 204–206.
7. Культурное строительство в Кировской области... С. 126.
8. Там же. С. 127.
9. Загвоздкин Г. Г. Триумф и трагедия 30-х годов... С. 131.
10. Культурное строительство в Кировской области... С. 126.
11. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 238. Л. 84–85.
12. Успехи социалистического строительства Кировской области. Материалы для агитаторов и беседчиков. Киров: Киров. обл. изд-во, 1939. С. 25.
13. Культурное строительство в Кировской области... С. 126.
14. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 239. Л. 140.
15. Там же. Д. 166. Л. 15.
16. Загвоздкин Г. Г. Под знаком серпа и молота // Памяти Геннадия Григорьевича Загвоздкина – ученого, историка, человека... СПб.: Нестор, 2008. С. 120.
17. Религии народов Вятского края / отв. ред. А. Г. Поляков. Киров, 2009. С. 75.
18. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 166. Л. 29.
19. Там же. Л. 25.
20. Загвоздкин Г. Г. Триумф и трагедия 30-х годов... С. 132.
21. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 166. Л. 25–26.
22. Там же. Л. 10.
23. Там же. Л. 11.
24. Там же. Л. 12.
25. Там же. Л. 23–24.
26. Там же. Л. 27.
27. Там же. Л. 9, 32.
28. Там же. Л. 22.
29. Культурное строительство в Кировской области... С. 133–134.

Notes

1. Cultural construction in the Kirov region (1917–1987): documents and materials. Kirov: Volga-Vyatka book publishing house, Kirov Dep., 1987. 122 pp. (in Russ.)
2. Ibid. Pp. 122, 124.
3. Zagvozdkin G.G. Triumf i tragediya 30-h godov [Triumph and Tragedy of the 30s] // Pamyati Gennadiya Grigor'evicha Zagvozdkiina – uchenogo, istorika, cheloveka... – To the memory of Gennady Zagvozdkin – scientists, historians, person ... SPb. Nestor. 2008. P. 130.
4. The State Archive of Socio-Political History of the Kirov region (Gaspi KO). F. P-1290. Sh. 2. File 248. Sh. 29.
5. Ibid. File 247. Sh. 204.
6. Ibid. Sh. 204–206.
7. Cultural construction in the Kirov region ... P. 126.
8. Ibid. P. 127.
9. Zagvozdkin G.G. Triumf i tragediya 30-h godov... [Triumph and tragedy of the 30s ...] P. 131.
10. Cultural construction in the Kirov region ... P. 126.
11. Gaspi KO. F. P-1290. Sh. 2. File 238. Sh. 84–85.
12. The successes of the socialist construction in the Kirov region. Materials for agitators and chatters. Kirov: Kirov. region. Publishing House. 1939. P. 25. (in Russ.)
13. The cultural construction in the Kirov region ... P. 126.
14. Gaspi KO. F. P-1290. Sh. 2. File 239. Sh. 140.
15. Ibid. File 166. Sh. 15.
16. Zagvozdkin G.G. Pod znakom serpa i molota [Under the sign of the hammer and sickle] // Pamyati Gennadiya Grigor'evicha Zagvozdkiina – uchenogo, istorika, cheloveka... – To the memory of Gennady Zagvozdkin – scientists, historians, person ... SPb. Nestor. 2008. P. 120.
17. Religii narodov Vyatskogo kraia – Religions of the peoples of Vyatka edge / resp. ed. A.G. Polyakov. Kirov. 2009. P. 75.
18. Gaspi KO. F. P-1290. Sh. 2. File 166. Sh. 29.
19. Ibid. Sh. 25.
20. Zagvozdkin G.G. Triumf i tragediya 30-h godov... [Triumph and tragedy of the 30s ...] P. 132.
21. Gaspi KO. F. P-1290. Sh. 2. File 166. Sh. 25–26.
22. Ibid. Sh. 10.
23. Ibid. Sh. 11.
24. Ibid. Sh. 12.
25. Ibid. Sh. 23–24.
26. Ibid. Sh. 27.
27. Ibid. Sh. 9, 32.
28. Ibid. Sh. 22.
29. The cultural construction in the Kirov region ... P. 133–134.

УДК 811.161.1'23

С. В. Чернова

Студенчество: смысловая доминанта*

В моей жизни было одно десятилетие, наполненное необычайно бурными и страстными событиями философской мысли.

Это был конец гимназических лет, университетские годы и первые годы после окончания университета < >

Что за бурное и что за страстное было это десятилетие в моей жизни и как в нем зародилось все то, чем я живу еще и теперь, правда, часто с коренными изменениями.

А. Ф. Лосев. *Страсть к диалектике*. М., 1990. С. 14–17

В статье рассматривается лексическая единица *студенчество* как обозначающая одну из подгрупп широкой социально-демографической группы *молодежь*. Автор анализирует семантику слова *студенчество*, демонстрирует его способность выступать не только как собирательное, но и как отвлеченное существительное, в контексте часто приобретающее также признаки конкретного имени. Автор показывает, что, хотя на первое место в словарях выдвигается собирательное значение данного существительного (*собр. студенчество* = студенты), его смысловой доминантой является отвлеченное значение (*студенчество* = пребывание в высшем учебном заведении, студенческая жизнь). Именно с временным, процессуальным значением этого слова связаны многочисленные воспоминания бывших студентов, представления о студенческой жизни как времени молодости, осмыслении мира, времени надежд, ожиданий и возможностей, времени веселья и радости, получившие отражение в стихах, песнях, художественных произведениях о студентах.

The article deals with *the students* as a lexical unit denoting one of the subgroups of the general socio-demographic group of young people. The author analyzes the semantics of the lexical unit *the students*, demonstrating its ability to act not only as a collective, but an abstract noun, in the context of often purchased as signs of a concrete name. The author shows that, although the first place in dictionaries extends collective meaning of a noun (*The students* = students), it is an abstract sense dominant value (= students stay in higher education, student life). It is the procedural meaning of the word that is associated with numerous memories of former students, presentation of student life as a time of youth, understanding of the world, the time of hopes, expectations and opportunities, the time of joy and fun, as reflected in poems, songs, art works of the students.

Ключевые слова: студенчество, социальная группа, лексико-грамматические разряды существительных, смысловая доминанта, студенческая жизнь, функциональный аспект.

Keywords: the students, social groups, lexical and grammatical level of nouns, semantic dominant, student life, the functional aspect.

В новейшем исследовании «Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал», представляющем собой итоги серии научных проектов 2013–2014 гг., реализованных по единой методике научными центрами и вузами в 21 субъекте Российской Федерации, подчеркивается: «Студенческая молодежь обладает значительным инновационным потенциалом, который можно эффективно направить на гармонизацию коммуникации между различными социальными стратами. Весьма важным поэтому видится пристальное научное внимание к студенчеству, представляющему собой определенный авангард современной российской молодежи. Изучение ценностных установок, особенностей общественного сознания и жизнедеятельности студенческой молодежи является актуальным направлением для научного исследования целого ряда наук и имеет высокую практическую значимость» [1].

* Научное исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Кировской области в рамках проекта № 15-14-43001.

Молодежь – это «социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, – до 35 и более лет, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники)» [2].

Основной лексической единицей, обозначающей данную социальную группу, является слово **студенчество**. В словаре русского языка оно толкуется следующим образом. Ср.: **Студенчество** – ...1. Собр. Студенты. 2. Пребывание в высшем учебном заведении в качестве студента. Годы студенчества [3].

Будучи собирательным существительным, слово **студенчество** обозначает совокупность лиц как единое целое. Во втором значении («пребывание в высшем учебном заведении в качестве студента») это слово акцентирует внимание на времени, в течение которого длится период обучения.

Предметом нашей характеристики является слово **студенчество** во втором значении. Цель настоящей статьи – показать, что является той смысловой доминантой, которая определяет функционирование слова **студенчество** в речи в его временном, процессуальном значении, порождающем самые различные ассоциации при упоминании о студенческих годах человека.

Студенческим годам посвящено множество воспоминаний. Приведем для примера некоторые из них, выделив графически ключевые моменты и не пытаясь представить эти воспоминания сколько-нибудь системно, но лишь для того, чтобы они дали представление о впечатлениях от студенческих лет.

М. В. Добужинский, русский художник, критик, мемуарист, начинал свою студенческую жизнь с юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Об этом он пишет в своей книге «Воспоминания». Ср.: **«Я выбрал юридический факультет, вовсе не мечтая в будущем посвятить себя юридической деятельности, но знал, что он был более “общеобразователен”, меньше других факультетов готовил к узкой специальности и будто бы давал много свободного времени... Когда я вступил в этот “храм науки”, мне все показалось импозантным и серьезным, но в то же время меня сразу окатило холодом: и этот бесконечный коридор, тянувшийся вдоль всего здания, и громадный колонный актовый зал, и аудитории, многие из которых мне, увы, напоминали наши классы, – все было буднично и казенно. Среди студенческой толпы, безуданно сновавшей по коридору, я себя чувствовал неуютно – у меня не было ни души знакомых, а из одноклассников почему-то никто не поступил на мой факультет ... Начало моей студенческой жизни я всегда вспоминаю с неприятным чувством – весь первый год прошел в сомнениях, в большом безволии и в очень подавленном настроении. Университет и моя самостоятельная жизнь вовсе не оказались тем “раем свободы”, о котором я мечтал, скоро наступила проза и большие разочарования... Первый год я заглядывал на лекции и других факультетов, чтобы по совету отца сориентироваться в университете, но, увы, кроме сумбура, ничего не получалось. В моих колебаниях проходило время, и я по инерции так и остался на юридическом факультете»** [4].

И. Ф. Гинзбург, выпускник МГУ, вспоминает о физфаке МГУ. Ср.: **«Поступая в МГУ, мы не понимали, что после разгрома школы Л. И. Мандельштама на физфаке МГУ почти не осталось настоящих ученых. Многие курсы были архаичны. Единственный достойный учебник по механике (в курсе общей физики) того времени – курс С. Э. Хайкина – был фактически запрещен. Нам активно не нравились начальные курсы механики и молекулярной физики. Большой курс термодинамики не оставил значимых следов у большинства слушателей. Годичный курс механики на втором и третьем курсах нам начал читать А. М. Лаврентьев (отец “деда”), который почти ничего не добавлял к тому, что мы узнали на первом курсе. Следы такого подхода до сих пор сохраняются в университетских программах, “спускаемых” Министерством образования большинству вузов. Нам нравился общий курс физики электромагнитных явлений, читавшийся С. Г. Калашниковым, и только приехав в Новосибирск и познакомившись с соответствующим курсом Г. И. Будкера в НГУ, я понял, что и читавшийся нам курс не устарел»** [5].

Из воспоминаний выпускницы 50-х гг. филологического факультета Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена Н. А. Сухотиной о госэкзаменах. Ср.: **«Мы лежали в общежитиях на кроватях, а рядом штабелями лежали учебники, словари, древняя, современная, русская, зарубежная литература. Вечером мы уносили сумки с книгами в библиотеку, брали там сумки очередных книг. Экзаменационный стол госкомиссии казался нам бесконечно длинным. Мы начинали отвечать по билету на одном конце стола (церковнославянский, древняя литература), потом пересаживались на соседний стул, где нас ожидал очередной экзаменатор (средние века, языкознание) – и так до конца стола, до современного русского языка или современной русской литературы. Прохождение через этот конвейер занимало**

около 30–40 минут. На экзамене по русскому языку, пока я прошла **от древнего до современного языка, через всякие виды грамматического разбора**, моя память взбунтовалась или вошла в состояние шока, потому что Николаю Павловичу Каноникину я очень подробно, на большом подъеме, рассказывала о причастии, начисто забыв, как оно называется (хотя в билете это название значилось)... **Получила “отлично”**» [6].

Обратимся к сегодняшнему дню и приведем развернутую оценку студенческой жизни современным выпускником одного из вузов города Кирова. Ср.: **«Большая часть предметов преподаётся людьми, которым уже давно за сорок. Это в лучшем случае. Никто уже не удивляется, когда во время знакомства со студентами новый преподаватель говорит, что последний раз занимался, скажем, юриспруденцией где-нибудь двадцать лет назад. И тем не менее он готовит студентов к работе в современных реалиях. Вернее, пытается.**

Каждый год люди, обучающиеся в университетах, должны написать курсовую работу. Курсач, проще говоря. Зачем и почему – никому неизвестно... А в конце обучения студенты сталкиваются с ним. С дипломом... Диплом не нужен никому... Зато его толщина, кажется, специально подобрана так, чтобы идеально подпирать ножку шатающегося стола. Каждое утро толпы студентов идут в университет, препираются с гардеробщицей, которая примет одежду без петельки только по приказу декана, кучкуются у кабинета, ждут преподавателя, опаздывающего на десять минут, заходят в кабинет, где из десяти положенных компьютеров имеются три, а остальные конвертированы в новый внедорожник ректора, достают тетрадки, ведь преподаватель категорически не поддерживает девайсы прогрессивнее калькулятора, слушают, как пожилая женщина рассказывает им о том, как обстояли дела в юриспруденции Южной Америки XIX века, с трудом разлепляют глаза после звонка и отправляются на следующую пару...» [7].

Как видим, воспоминания о студенчестве различаются у разных авторов. В. М. Добужинский пишет о сомнениях и разочарованиях, постигших его после первого года обучения. И. Ф. Гинзбург отмечает, что он понял, «что и читавшийся нам курс не устарел». Н. А. Сухотина, вспоминая о государственном экзамене, позволяет увидеть, каким основательным было образование, которое она получила в вузе. Мнение о студенческих годах А. Слободчикова весьма критическое, проникнутое иронией и бескомпромиссное. Различия в оценках естественны. У каждого поколения свой опыт, у каждого выпускника вуза свое собственное мнение о студенческой жизни, преподавателях. Каждый получил в студенчестве то, на что оказался способным.

Различные аспекты студенческой жизни характеризуются не только участниками процесса обучения как таковыми, то есть нынешними и бывшими студентами. Они осмысливаются и анализируются в целом ряде научных исследований [8].

Образ студента и особенности студенческой жизни описываются в художественных произведениях (ср., напр.: А. П. Чехов «Студент», Б. Пастернак «Охранная грамота», И. Грекова «Кафедра», В. Чарцев «Студенческая жизнь», А. Варламов «Лох», М. Быкова «Удача любит рыжих»). У студенчества есть свой гимн – «Gaudeamus». О студентах и студенческой жизни написано много стихов (ср., напр.: А. Пушкин «Пирующие студенты», Э. Асадов «Студенты», Т. Смертина «Студенческое»). Всем знакомы песни о студентах (ср., напр.: М. Леонидов «Песенка студента», Д. Маликов «Студент», А. Зацепин «После экзаменов»). Существует праздник студентов под названием «Татьянин день».

В художественной форме наиболее глубоко, на наш взгляд, осмысление сути студенчества во временном значении представлено в рассказе А. П. Чехова «Студент» [9]. В изученной нами литературе, посвященной анализу данного рассказа, мы не нашли рассуждений о том, почему А. П. Чехов назвал свой рассказ «Студент» [10]. Нас же интересует именно этот вопрос. Кратко изложим содержание рассказа.

Герой рассказа – Иван Великопольский, студент духовной академии, сын дьячка, возвращался с тяги домой. Дул холодный пронизывающий ветер. Кругом было пустынно и мрачно. Ему мучительно хотелось есть. Он размышлял о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре и что при них была точно такая же лютая бедность, голод, что все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше. По дороге он встретил у костра вдову Василису и ее дочь Лукерью. Вспомнил, что в такую же холодную ночь грелся у костра апостол Петр. Говорил с Василисой и Лукерьей о том, как Петр трижды отрекся от Христа у Первосвященника. Вспомнил евангельские слова о Петре: «И исшед вон, плакаясь горько». Василиса, услышав евангельскую историю, заплакала, а у Лукерьи стало такое лицо, будто она сдерживала сильную боль.

Далее приведем фрагмент текста дословно: «Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра.

И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой.

А когда он переправлялся на пароме через реку и потом, поднимаясь на гору, глядел на свою родную деревню и на запад, где узкою полосой светилась холодная багровая заря, то думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы, – ему было только 22 года, – и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла».

В явной форме в тексте не содержится ответа на вопрос, почему рассказ назван «Студент». Ответ выражен имплицитно. Герой А. П. Чехова – бедный, голодный студент духовной академии, у него тяжелая жизнь, но он находится на стадии ученичества, осмысления окружающего мира и его ценностей. У ночного костра, прочувствовав вместе с Василисой и Лукерьей, как *«истомился душой»*, как *«исшед вон, плакася горько»* трижды отрекшийся от Христа евангельский Петр, он понял, что такое непреходящие духовные ценности, что **«правда и красота, направлявшие человеческую жизнь... всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле»**. А. П. Чехов подчеркивает молодость студента (**ему было только 22 года**).

«Да здравствует молодость! Да здравствует преддверие настоящей жизни!» – написал русский писатель М. А. Осоргин в своем автобиографическом повествовании «Времена» [11], очень точно определив молодость как преддверие настоящей жизни.

Герой А. П. Чехова молод, полон сил и поэтому **«невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла»**.

Назвав свой рассказ «Студент», А. П. Чехов в художественной форме показал, что **студенчество** – это время молодости, познания и осмысления окружающего мира, непрерывности жизни, ее красоты и истинных ценностей, что это период надежд, ожиданий, когда все еще впереди и все возможно, даже несмотря на мрачное и, казалось бы, беспросветное настоящее.

Студенчество – в значении 2. «Пребывание в высшем учебном заведении в качестве студента» – дается в словарной статье данного слова на втором месте после значения 1. *«соби́р. Студенты»* без указания на принадлежность его к одному из лексико-грамматических разрядов существительных. Однако во втором (временном, процессуальном) значении слово **студенчество** выступает как отвлеченное существительное, которое может быть поставлено в один ряд со словами типа *младенчество, детство, отрочество, юность, зрелость, супружество*, обозначающими различные временные периоды в жизни человека. Слово **студенчество** синонимично в таких случаях словосочетаниям **студенческие годы, время студенчества**. В контексте оно может конкретизироваться, если используется применительно к периоду жизни отдельного человека. Ср., напр.: **Студенчество Петра протекало в послевоенные годы**.

Наш вывод подтверждают наблюдения Л. В. Калининой. Ср.: «Вопрос о соотношении в существительном сем отвлеченности и собирательности является довольно сложным. Особенно ярко это обнаруживается при анализе существительных, оформленных с помощью одного и того же суффикса, но выражающих различное лексико-грамматическое значение. Например, существительные на *-(ств)о* – *рыцарство, студенчество, товарищество, мещанство, руководство* и другие – могут иметь как отвлеченный, так и собирательный смысл. Ситуация осложняется тем, что и в собирательном, и в отвлеченном значении такие слова могут конкретизироваться... Исторически первичным является именно абстрактный смысл» [12].

Используя для указания на смысловую доминанту слова **студенчество** и выражаемого им понятия художественную дефиницию (*студенчество – время молодости, ученичества, осмысления жизни; время надежд, ожиданий, возможностей*), мы тем самым дали качественную характеристику определенного периода в жизни человека, то есть времени его пребывания в высшем учебном заведении в качестве студента. Данная художественная дефиниция и является, как мы полагаем, смысловой доминантой дискурсивного образования **студенчество** как целостного образования. Все прочие содержательные компоненты данного феномена, отражающиеся в воспоминаниях, стихах, песнях, художественных текстах, являются частным, необыкновенно разнообразным, пестрым, порой противоречивым, наполненным личностным смыслом, но всегда сводимым к целому, именуемому словом **студенчество** в его временном, процессуальном значении.

Примечания

1. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / ред. В. А. Тишков, Р. Э. Бараш, В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2014.
2. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 года» от 29 ноября 2014 года № 2403-р. URL: <http://m.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>.
3. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М., 2005.
4. Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987.
5. Гинзбург И. Ф. Воспоминания о физфаке МГУ, НГУ, ФМШ и олимпиадах. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/elibrary/2007mgu/028-036.ssi>
6. Лихолетова И. В. Золотой юбилей студенчества (Из воспоминаний герценовских выпускников 1950-х годов) // Universum: Вестник Герценовского университета. 2011. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zolotoy-yubiley-studenchestva-iz-vozpominaniy-gertsenovskih-vypusknikov-1950-h-godov> (дата обращения: 14.08.2015).
7. Слободчиков А. Разные специальности: студент // Новая строка. 2014. № 4.
8. Абдулгалимов Г. Л., Сухобокова И. П. Информационная культура студента гуманитарного вуза // Стандарты и мониторинг в образовании. 2012. № 4. С. 52–53; Агранат Ю. В., Хен Джун Ким. Поликультурная компетенция студента как условие успешной реализации программ академической мобильности вуза // Высшее образование сегодня. 2012. № 10. С. 10–15; Кошарная Г. Б., Рожкова Л. В. Модернизация ценностей современной студенческой молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 6. С. 91–103; Кравчук П. Ф. Особенности формирования инновационного потенциала студента // Ректор вуза. 2012. № 8. С. 34–39; Ольховская Т. А. Критическое мышление как основа развития информационно-познавательной самостоятельности студентов // Высшее образование сегодня. 2013. № 9. С. 46–51; Райкова И. Н. «От сессии до сессии живут студенты весело» (студенческий фольклор в современных записях) // Вестник Московского городского педагогического университета. 2004. № 2. Филологический выпуск. С. 45–55; Розанов К. А. Студенческая жизнь в новейшей российской интернет-литературе: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010; Цаплина О. В. Позитивность образа мира и образа «Я» современной молодежи // Молодежь и общество. 2014. С. 85–96.
9. Чехов А. П. Студент // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения. Т. 8. М.: Наука, 1986. URL: <http://ilibrary.ru/text/979/p.1/index.html>
10. Джексон Р. Л. «Человек живет для ушедших и грядущих»: О рассказе А. П. Чехова «Студент» // Вопросы литературы. 1991. № 8. С. 125–130; Дунаев М. М. Православие и русская литература. Ч. IV. М., 1998. (разбор «Студента». С. 598–599); Катаев В. Б. А. П. Чехов // Русская литература XIX–XX веков: в 2 т. Т. I. М., 2008 (разбор «Студента». С. 498–501); Злочевская А. В. Рассказ А. П. Чехова «Студент» // Русская словесность. 2001. № 8. С. 24–29; Матюшенко А. Г. К вопросу о духовном содержании рассказа А. П. Чехова «Студент»: 14 сент. 2009. URL: <http://www.pravmir.ru/k-voprosu-o-duhovnom-soderzhanii-rasskaza-a-p-chexova-student>.
11. Осоргин М. А. Времена. Автобиографическое повествование. Времена: романы и автобиографическое повествование. Екатеринбург, 1992. С. 540.
12. Калинина Л. В. Лексико-грамматические разряды существительных как пересекающиеся классы слов: монография. Киров, 2009. С. 186–187.

Notes

1. Rossijskoe studenchestvo: identichnost', zhiznennyye strategii i grazhdanskiy potencial – Russian students: identity, life strategies and civilian capabilities / Ed. V.A. Tishkov, R.E. Barash, V.V. Stepanov. M. IEA RAS. 2014.
2. Fundamentals of State Youth Policy of the Russian Federation up to 2025 dated November 29, 2014 № 2403-p. Available at: <http://m.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>. (in Russ.)
3. Lopatin V.V., Lopatina L.E. Russkij tolkovyj slovar' [Russian Dictionary]. M. 2005.
4. Dobuzhinsky M.V. Vospominaniya [Memories]. M. 1987.
5. Ginzburg I.F. Vospominaniya o fizfakе MGU, NGU, FMSH i olimpiadah [Memories of the Physics Department of Moscow State University, NSU, PMS and competitions]. Available at: <http://www.prometeus.nsc.ru/elibrary/2007mgu/028-036.ssi>
6. Liholetova I.V. Zolotoy yubiley studenchestva (Iz vospominaniy gercenovskih vypusknikov 1950-h godov) [Golden anniversary of students (From the memoirs of Herzen graduates 1950)] // Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta – Universum: Herald of the Herzen University. 2011, № 4. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/zolotoy-yubiley-studenchestva-iz-vozpominaniy-gertsenovskih-vypusknikov-1950-h-godov> (the date of access: 08.14.2015).
7. Slobodchikov A. Raznye special'nosti: student [Different specialities: a student] // Novaya stroka – New line. 2014, № 4.
8. Abdulgaliyev G.L., Suhobokova I.P. Informacionnaya kul'tura studenta humanitarnogo vuza [Information culture of students of humanitarian high school] // Standarty i monitoring v obrazovanii – Humanitarian standards and monitoring in education. 2012, № 4, pp. 52–53; Agranat Yu.V., Hen Joo Kim. Polikul'turnaya kompetenciya studenta kak uslovie uspeshnoj realizacii programm akademicheskoy mobil'nosti vuza [Multicultural competence of students as a condition for the successful implementation of the programs of academic mobility of university] // ysshee obrazovanie segodnya – Higher education today. 2012, № 10, pp. 10–15; Kosharnaya G.B., Rozhkova L.V. Modernizaciya cennostej sovremennoj studencheskoj molodezhi [Modernization values of modern students] // Social'no-gumanitarnyye znaniya – Social-humanitarian knowledge. 2011, № 6, pp. 91–103; Kravchuk P.F. Osobennosti formirovaniya innovacionnogo potenciala studenta [Peculiarities of the innovative capacity of

students] // Rektor vuza – Rector of the university. 2012, № 8, pp. 34–39; Olkhovskaya T.A. Kriticheskoe myshlenie kak osnova razvitiya informacionno-poznavatel'noj samostoyatel'nosti studentov [Critical thinking as a basis for development of information and informative independence of students] // Vysshee obrazovanie segodnya – Higher education today. 2013, № 9, pp. 46–51; Raikova I.N. «Ot sessii do sessii zhivut studenty veselo» (studentcheskij fol'klor v sovremennyh zapisyakh) ["From session to session, students live with fun" (student in modern folklore records)] // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Moscow City Pedagogical University. 2004, № 2. Philological issue. Pp. 45–55; Rozanov K.A. Studencheskaya zhizn' v novejshej rossijskoj internet-literature: dis. ... kand. filol. nauk [Student life in modern Russian literature online: dis. ... Cand. Philology]. Saratov. 2010; Tsaplina O.V. Pozitivnost' obraza mira i obraza «YA» sovremennoj molodezhi [Positive image of the world and the image of the "I" of modern youth] // Molodezh' i obshchestvo – Youth and Society. 2014, pp. 85–96.

9. Chekhov A.P. Student [Student] // Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t – Complete works and letters: 30 vols. Works. Vol. 8 M. Science. 1986. Available at: <http://ilibrary.ru/text/979/p.1/index.html>

10. R.L. Jackson «CHElovek zhivet dlya ushedshih i gryadushchih»: O rasskaze A. P. CHEkhova «Student» ["Man lives for the future and the gone": About the story of Anton Chekhov's "Student" // Voprosy literatury – Questions of literature. 1991, № 8, pp. 125–130; Dunayev M.M. [Orthodoxy and Russian literature]. Part IV. M. 1998. (analysis of the "student", pp. 598–599); Kataev V.B. Chekhov [Chekhov] // Russkaya literatura XIX–XX vekov – Russian literature of XIX–XX centuries: in 2 vol. Vol. I. M. 2008 (analysis of the "student", pp. 498–501); Zlochevskaya A.V. Rasskaz A. P. CHEkhova «Student» [The story of Anton Chekhov's "Student"] // Russkaya slovesnost' – Russian literature. 2001, № 8, pp. 24–29; Matiushenko A.G. K voprosu o duhovnom soderzhanii rasskaza A. P. CHEkhova «Student»: 14 sent. 2009 [To the question of the spiritual content of the story of Anton Chekhov's "Student": 14 September. 2009]. Available at <http://www.pravmir.ru/k-voprosu-o-duhovnom-soderzhanii-rasskaza-ap-chekhova-student>

11. Osorgin M.A. Vremena. Avtobiograficheskoe povestvovanie. Vremena: romany i avtobiograficheskoe povestvovanie [Times. Autobiographical account. Times: novels and autobiographical narrative]. Ekaterinburg. 1992. 540 p.

12. Kalinin L.V. Leksiko-grammaticheskie razryady sushchestvitel'nyh kak peresekeyushchiesya klassy slov: monografiya [Lexical and grammatical level of nouns as the overlapping classes of words: a monograph]. Kirov. 2009. Pp. 186–187.

УДК 811.161.1'271(470.342)

Н. Г. Наумова

Языковая репрезентация картины мира вятского студенчества (по данным ассоциативного эксперимента)*

Статья посвящена характеристике языковой репрезентации картины мира студентов г. Кирова. Источником анализа послужили данные ассоциативного эксперимента, проведенного с более чем 600 студентами разных факультетов и курсов Вятского государственного гуманитарного университета. Было получено более 3500 реакций. Основными методиками обработки полученных реакций стали описание категориальной структуры концепта (описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков); описание полевой организации выявленных когнитивных признаков (выявление признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта). В статье представлены краткие выводы о результатах анализа таких концептов, как «Любовь», «Счастье», «Жизнь», «Россия», «Америка», «Работа», «Отдых», «Студент». Показывается, что мировосприятие студентов отличается общим позитивным настроением, оптимизмом, жизнелюбием, доброжелательностью, активной позицией, целеустремленностью, установкой на успех и высокие достижения, эгоцентричностью.

Article is devoted to a problem of the description of an image of the person by means of language, namely to the description of a fragment of a picture of the world of students of Kirov. Data of the associative experiment made with more than 600 students of different faculties and courses of Vyatka State University of Humanities were a source of the analysis. More than 3500 reactions were received. The main techniques of processing of the received reactions became the description of the categorial structure of a concept (the description of a concept as a hierarchy of cognitive classification signs); the description of the field organization of the revealed cognitive signs (identification of the signs which are the center, the near, distant and extreme periphery of a concept). In the article short conclusions about the results of the analysis of such concepts, as "Love", "Happiness", "Life", "Russia", "America", "Work", "Rest", "Student" are given. As a result attitude of students differs in the general positive spirit, optimism, cheerfulness, goodwill, an active position, commitment, aspiration to success and high achievements, egocentricity.

* Научное исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Кировской области в рамках проекта № 15-14-43001

Ключевые слова: образ человека, языковая картина мира, студенчество, концепт, ассоциативный эксперимент, вятское студенчество, реакция.

Keywords: image of the person, language picture of the world, students, concept, associative experiment, Vyatka students, reaction.

Настоящая статья представляет собой результаты научного исследования, посвященного разработке проблемы реконструкции образа человека посредством языка, в частности отражения картины мира человека через его речь. Реконструкция образа человека посредством языка является одним из приоритетных направлений лингвистических исследований конца XX – нач. XXI в. Существует целый ряд лингвистических концепций построения образа (модели) человека по данным языка: описывается *образ человека* [1], *языковая (коммуникативная) личность* [2], *концепт Человек* [3], *языковая модель поведения человека* [4] и т. д.

Проблемным является вопрос выбора термина для обозначения реконструированного по данным языка образа человека, определения универсальной схемы описания образа человека, выделения составляющих его компонентов. Различия существующих концепций описания данного феномена связаны с различием лежащих в их основе подходов к его рассмотрению, принципов анализа.

Актуальной является задача соединения методов анализа различных наук, изучающих человека, при сохранении лингвистического взгляда на предмет, т. е. осуществление междисциплинарного подхода к описанию образа человека, что отвечает требованиям современной мировой науки.

В рамках исследования образа человека активно ведется разработка проблемы картины мира человека. Выделяется теоретический и практический аспект данного анализа. Теоретический аспект связан с задачей определения и уточнения понятия «картина мира» в его сопоставлении с понятиями «наивная картина мира», «научная», «языковая», «речевая», «национальная», «культурная», «когнитивная», «концептуальная», «художественная», «картина мира текста» и т. д.; изучается структура картины мира человека, составляющие ее единицы, среди которых называются фрагменты, концепты, фреймы, поля и т. д. Исследуемое понятие определяется как «создаваемый человеком субъективный образ объективной реальности» [5]. В трактовке данного понятия лингвисты подчеркивают такие компоненты картины мира, как систему ценностей (ср., напр.: «Основными составляющими картины мира является Человек и его ценностная ориентация в объективной деятельности...» [6]); систему связей и отношений между предметами и явлениями (ср., напр.: картина мира – «идеальное представление всей взаимосвязанности объективных предметов и процессов, соответственно существующих в такой же сложной сети взаимосвязей в мире понятий» [7]); систему правил и норм, определяющих поведение человека (ср., напр.: «Человек обращается с вещами в соответствии со своей картиной мира, которая формирует систему запретов на его поведение в мире» [8]) и т. д.

Проблема изучения картины мира теоретически обоснована в трудах признанных отечественных ученых: Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. А. Зализняк, В. В. Колесова, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, Е. С. Кубряковой, Д. С. Лихачева, И. А. Стернина, З. Д. Поповой, В. И. Постоваловой, Б. А. Серебренникова, Е. В. Урысон, М. В. Пименовой, М. П. Одинцовой, А. П. Бабушкина, А. Д. Шмелева, В. И. Убийко и др. Также данная проблематика активно разрабатывается исследователями из Воронежа, Н. Новгорода, Омска, Екатеринбурга, Магнитогорска и других городов России.

Практический аспект анализа реализуется в исследовании конкретных картин мира (чаще их фрагментов) того или иного народа (в отдельности или в сопоставлении), социальной группы, конкретного человека (чаще писателя или поэта); изучении изменчивости картины мира в диахронии, сопоставлении картин мира представителей различных эпох в рамках определенной культуры. Лингвистами предлагаются различные пути выявления картины мира: «анализ рефлексов человеческой подсознательной деятельности» [9], анализ «отношения человека к окружающей действительности, обнаруживающегося в его настроениях, чувствах, действиях» [10] и т. д.

Наше исследование продолжает ряд работ в рамках изучения конкретных картин мира. Цель нашего исследования – описать фрагмент языковой картины мира студентов г. Кирова. Исследование дает представление о предпочтениях и оценках, целях и желаниях, общем настрое и культурном уровне студенчества как одного из самых социально активных слоев общества. Понимание особенностей мировосприятия современной молодежи позволит более грамотно выстраивать молодежную политику, что поможет избежать отрицательных явлений в среде молодежи и создаст условия для формирования здорового (во всех смыслах) поколения как фундамента будущей здоровой нации.

В данной статье представлены результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с более чем 600 студентами разных факультетов и курсов ВятГГУ. Было получено более

3500 реакций. Основными методиками обработки полученных реакций стали описание категориальной структуры концепта (описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков); описание полевой организации выявленных когнитивных признаков (выявление признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта). Были исследованы такие концепты, как «Семья», «Любовь», «Счастье», «Свобода», «Жизнь», «Дом», «Деньги», «Судьба», «Россия», «Америка», «Работа», «Отдых», «Интересное», «Студент», «Преподаватель», «Учеба». Далее представим выводы относительно существующих в языковом сознании студентов представлений и взглядов на мир, к которым мы пришли после анализа ряда концептов.

Представление о любви. Основное качество любви с позиций студентов – *взаимность* (31). Любовь основывается на самопожертвовании, доверии, ответственности и терпении, что свидетельствует о нравственном воздействии этого чувства на человека, готового отказаться от лично-важного, эгоистического во имя любимого (*самопожертвование 10, доверие 8, ответственность 6, откровение 3, доверять друг другу 2, терпение 2, терпеть друг друга, потому что идеальных не бывает, переступить через собственный эгоизм*). Любовь чаще связывается с семейными отношениями (*семья 23, родители 6, дети 6, семейная пара*), чем с отношениями между противоположными полами (*мужчина 12, женщина 3*). Любовь представляется как что-то очень ценное, яркое, обновляющее, возвышающее, кратковременное и в то же время вечное (*полет 5, вспышка 5, новая жизнь 3, вечная 3; то, ради чего стоит жить, одно из самых ярких чувств в жизни человека*). Любовь приносит как положительные состояния (*счастье 15, гармония 7*), так и отрицательные (*безумна 5, разочарование 5, безрассудство 3, страдание 3, одурманенность 2, глупость 2*).

Представление о работе. «Работа» в представлении молодых людей г. Кирова выступает прежде всего как средство получения материальных благ (*деньги 30, заработная плата 10, доход 3, достаток 3, заработок 3, стабильность 3* и т. д.) и средство самореализации (*карьера 9, развитие 6, самореализация 5, карьерный рост 2, возможности 2, перспектива, самосовершенствование, найти себя, путь к саморазвитию* и т. д.), она чаще связывается с трудностями и отрицательными состояниями (*усталость 15, рутинность 4, раб 2, однообразие 2, тяжело 2, стресс 2, забота 2, недосыпание 2, плохо, тяжелая, нудная, ненависть, нервы, напряжение, безысходность, печаль, скудность, лень, изнеможение, нежелание, озлобление* и т. д.), хотя может быть и любимым, интересным делом, делом всей жизни и приносить радость, счастье и удовлетворение (*удовольствие 8, интересная 6, интерес 5, хорошо 2, любимая 3, захватывающая, хорошая, счастье, смысл жизни, дело жизни, любимое занятие, любимое дело, сила, радость* и т. д.). Под работой часто подразумевается *труд, занятость*, связанные с определенной профессиональной сферой (*шахтер 3, начальник 3, директор 2, профессия, юрист, официант, event-менеджер, строитель, секретарша, босс, начальство, строитель, учитель* и т. д.). Иногда отмечают качества человека, которыми он должен обладать для выполнения работы (*трудолюбие 2, ответственность 2, усердие 2, умение 2, ум 2, опыт 2, старание, профессионализм, быть незаменимым, образование, серьезность*), подчеркивается время работы – большая часть жизни, ее периодичность (*постоянная 2, каждый день 2, часть жизни, занимает большую часть жизни, без выходных, 52 часа в неделю* и т. д.), коллектив и отношения на работе. Последнее менее всего интересует студентов в работе. Основное внимание обращается на результат труда (получение денег) и состояние, в котором человек находится во время выполнения работы.

Представление об отдыхе. «Отдых» в представлении студентов чаще всего связывается с активностью, поездками в другие места (*море 28, путешествие 11, спорт 7, активный 6, горы 4, поездка 3, баскетбол 2* и т. д.).

Юноши гораздо чаще, чем девушки, связывают отдых также и с пассивностью, отсутствием деятельности (*сон 18, кровать 3, ничего не делать, пассивный, полежать, постель*).

Для юношей отдых часто – это занятие любимыми делами (*рыбалка 3, музыка 2, хобби 2, DOTA 2 (игра) 2, занятие любимым делом, краеведение, любимые дела, охота, кино, телевизор, фильмы, компьютер*). Для девушек отдых чаще ассоциируется с местом, где он осуществляется (чаще на природе: *природа 6, солнце 5, пляж 5, дом 5, свежий воздух 2, веранда, деревня, дача, лагерь, лес, сауна, парк, вода, пикник, звёздное небо*), а также с состоянием, в котором они пребывают во время отдыха (*тишина 5, спокойствие 3, радость 2, веселье 2, приятно, комфорт, расслабленность, релаксация, нирвана, покой, успокаивает, уют, счастье* и т. д.).

Представление о России. Россия прежде всего предстает как положительно оцениваемое явление, родное, близкое и важное для молодого человека, его дом и семья (*Родина 80, дом 15, Россия наш большой дом, наш отчий дом, Родина-мать 2, мама 4, мать 5, Россия-матушка 4, родители, семья 5, отечество 4, отчизна 3* и т. д.). Отмечается ее величие (*великая 8, великая держава 8, великая страна 4, величие 6, слава 5* и т. д.), богатство и сила (*богатая 4, богатство 2, сила 8, могучая 7, могущество 3, мощь 9, сильное государство, сильная страна*), единство, красота, не-

зависимость (свобода), самобытность, что вызывает чувство гордости и любви (*гордость 7, любовь 7, сердце, любимая, радость 2, счастье, уважение* и т. д.). Очень редко указывается на отрицательные качества России, которые связываются с неустроенностью, неразвитостью страны, несправедливостью, вызывающими чувства безысходности и недовольства. Россия связывается с огромной территорией, обладающей природными богатствами, но отличающейся суровым климатом (*березы 35, лес(а) 26, медведь 21, поля 11, просторы 18, большая 12, зима 10, огромная 6* и т. д.). Россия характеризуется определенным государственным устройством, централизованной властью (*Путин 33, Москва 15, флаг 7, государство 4* и т. д.), имеет богатую историю (*история 6, история богатейшая, великая история, страшная история, империя 4, монархия 2, Иван IV, крестьяне, Петр I, Великая отечественная война 4, война 3, победа 8, Сталин, ГУЛАГ, ГРУ, КГБ 2, День Победы, космос, КПСС, Ленин 2, коммунизм, СССР 3* и т. д.), культуру (прежде всего литературу и язык) и разнообразные народные традиции. Россия имеет и ряд общественных проблем (*плохие дороги, затем взяточничество и бюрократизм, алкоголизм и преступность, бедность и отсталость*). Отмечается доброта, открытость и дружелюбие, щедрость, сила духа, духовность, талантливость русского человека (*гуманизм, доброта, добрая, добрая душа, добрые люди, добрые и душевные люди, гостеприимность, дружелюбие, друзья, открытость, открытость души, щедрая душа, щедрость, щедрота души, широкая душа, самопожертвование; достоинство, выдержка, патриотизм 7, патриоты, справедливость 2, честь, честность, особенное чувство юмора; богатыри 2, подвиги, великий народ, сильный дух, сила духа, сильные духом люди, суровость, мужество, отвага 2; глубокие люди, русский дух 3, великий дух 2, духовность 2, душа 4; изобретательность, креативность, находчивость, неординарность, талант, сила ума* и т. д.).

Представление об Америке. «Америку» молодые люди представляют как достаточно привлекательный и интересный культурный объект, предоставляющий разнообразную продукцию развлекательного характера. При этом представление студентов о культуре Америки весьма стереотипно, оно включает в себя культурные символы и достопримечательности (*статуя свободы 14, небоскребы 6, американские горки, Диснейленд, аллея звезд, фастфуд 10, гамбургер 3, хот-дог, бейсбол, реп* и т. д.). Чаше упоминаются американская еда (*фастфуд 10, гамбургер 3, конфеты, стейк, виски, жвачка, американские блинчики, хот-дог*), киноискусство (*кино 8, глупые комедии 3, сериалы 2, боевики 2, известные актеры 2, Арнольд Шварценеггер, Стэн Ли*), реже спорт и музыка. Вообще не упоминаются явления «настоящей культуры»: серьезной литературы, музыки, изобразительного искусства и т. д. Достаточно часто Америка ассоциируется у молодых людей с определенными политическими отношениями, которые характеризуются как насильственные, подавляющие, агрессивные (*война 10, власть 2, вмешательство 2, провокация 2, империализм, разбой*). В связи с этим упоминаются места военных конфликтов, инициатором которых была Америка (*Ирак 3, Вьетнам, Сирия, Косово, Ливия*), современные события с отрицательной оценкой (*Майдан 3, 11 сентября 2, теракты*), а также далеко не мирные явления прошлого, связанные с этой страной (*испанские конкистадоры 2, рабы 2, ядерная война, цветная революция, геноцид индейцев, гражданская война, «холодная война»*). Значительно меньше реакций указывают на другие стороны политической жизни страны: строй, президентов, население. Также Америка ассоциируется с государством, упоминаются наиболее известные города и штаты (*Голливуд 11, Нью-Йорк 8, Лас-Вегас 2, Вашингтон, Лос-Анджелес, Флорида, Аризона, Аляска*), а также с частью света, континентом и характерными для нее видами (*океан 2, Гранд Каньон, пустыни, закат*). В представлении молодежи США часто связываются с деньгами, бизнесом, крупными всемирно известными компаниями (*доллар 12, деньги 8, корпорации, бизнес, торговля, McDonalds 5, General Motors, Harley-Davidson, Reebok, Apple, Starbucks, Coca-Cola, Microsoft* и др.). Отмечается высокий уровень жизни американцев, а также свойственный нации дух свободы (*свобода 7, отдых 2, независимость*).

Представление о студенте. «Студент» – это прежде всего тот, кто занимается учебной деятельностью, которая наиболее сильно проявляется во время сессий (*учёба 36, учиться 9, обучение 2, сессия 33, экзамен 15, зачёт 13, диплом 11, зачётка 10, университет 17, лекции 8, пара 8* и т. д.); это человек, который постоянно не высыпается (*сон 18, бессонница 7, не выспавшийся 7, сонный 6, бессонные ночи 3, нездоровый сон, отсутствие сна, без сна; недосып 4, спать 3, спит, спящий, любит поспать, проспал, мало спит* и т. д.) и думает о еде (*голодный 10, голод 3, еда 7, кофе 3, батон с майонезом, гастрит, горячая вода* и т. д.), но, несмотря на это, находится в веселом расположении (*весёлый 22, веселье 7, весёлое время 2, весёлая жизнь, веселиться; беззаботность 2, беззаботный 2; радость 2, жизнерадостный, счастливчик 2, любовь 3, лёгкость, счастье, интерес 2*), в состоянии некой личной независимости (*самостоятельность 2, свобода 2, свободный, вольность*); человек, ведущий активный образ жизни (*активный 8, деятельность 3, занятой 2, активист, активная жизнь, бегать, все успевающее существо, постоянно торопится, труд, хлопоты, энтузиазм*), успевающий помимо учебы и отдохнуть (погулять), и поработать, и пообщать-

ся с друзьями; человек старательный, трудолюбивый, упорный и вообще хороший, хотя иногда склонный к лени и хитрости, но при этом разносторонне развитый и умный; человек молодой и бедный. Стоит отметить, что такой стереотип студента существует достаточно давно в рамках европейской цивилизации.

Представление о счастье. «Счастье» связывается с теплыми семейными отношениями (семья 119, дети 41, близкие 7, родные 6, родители 10, мама 10, дом 13, здоровая семья 4 и т. д.), основанными на любви, доброте, взаимопонимании и уважении (любовь 76, друзья 22, доброта 5, милосердие, понимание 2, взаимоуважение, забота, теплое отношение к людям, задушевная беседа, верность), с наличием близких и любимых людей, детей; с состоянием легкости и радости (радость 37, улыбка 7, хорошее настроение 4, жить и радоваться жизни, хочется летать, лёгкость 2, смех, не хочется злиться, блеск в глазах 2, внутренняя радость), спокойствием и гармонией (спокойствие 8, равновесие 2, мир, гармония 7, душевное спокойствие, стабильность), здоровьем, с состоянием свободы от проблем и забот, с независимостью (независимость 3, беззаботность 2, свобода, освобождение, безмятежность, хочется прыгать, безоблачное, независимость, отсутствие проблем). Молодые люди счастливы от того, что занимаются какой-то деятельностью (жить 5, любимое дело 5, работа 3, активность 2, процесс, цели), часто духовно-интеллектуальной (стремление 2, вера в Бога, смысл жизни, философия, нирвана, саморазвитие 5, думать, учёба 3, хорошо учиться, чтение, книга 3, книги 2,) или творческой (рисунок, творить 2, мечтать 3, вдохновение, созидательная деятельность, хор), и добиваются в ней успехов (успехи 6, достижения, процветание, успех, полезность, самореализация 3, ощущать себя лучшим). Небольшой части молодежи счастье приносит обладание материальными благами, деньгами. Редко счастливыми молодежь делает природа и еда.

Представление о жизни. «Жизнь» в представлении студентов – это нечто положительное, прекрасное и светлое (прекрасная 6, прекрасна, светлая 3, свет, гармоничная, позитивная), радостное и счастливое (счастье 26, счастливая 7, радость 13, любовь 12, любить 4, веселая 5, смех и т. д.), вдохновляющее, дающее удовольствие (вдохновение, вдохновляться, оптимизм, приносит удовольствие, наслаждения) и поэтому очень ценное (бесценная, ценность, величайшая драгоценность, самое главное, дорожить, любимая, одна). Жизнь делает такой ее содержательность, наполненность яркими интересными событиями (яркая 2, радуга, интересная 4, интерес 3, насыщенная 2, события, наполненная событиями, полна разнообразия и ярких моментов, каждый день не похож на предыдущий, неповторимость, разнообразная, запоминающаяся), теплые отношения между людьми (взаимопомощь, поддержка, помощь другим, желание помогать ближним, давать, добро, любить и радоваться, прощать) (семейные и дружеские: семья 15, дети 11, дом 6, родители 2, иметь рядом близких и родных, родственники; друзья 4, дружба 3, много друзей); возможность действовать и проявлять себя (в учебе, на работе, в творчестве: учеба 5, диплом, университет, работа 4, карьера, активная 3, труд 2, борьба, заниматься любимым занятием, активность, великолепная возможность реализовать свои идеи и планы, самореализация, самостоятельность), достигать целей и добиваться успеха (добиваться целей, достижение своих целей, общение, творчество, успехи, удача, взлеты и падения, возможности), возможность духовно развиваться (мечты, мечтать, чувствовать 2, эмоции, видеть красоту, духовная, поиск себя, познание). Жизнь – это активность и движение (путешествие, путь, свой путь, движение), процесс, растянутый во времени. Отрицательные характеристики жизни практически не встречаются, что говорит о достаточно позитивном отношении молодых людей к жизни.

Таким образом, мы представили общие выводы о некоторых особенностях языковой картины мира учащейся молодежи г. Кирова, полученные нами на основании анализа ряда концептов по данным ассоциативного эксперимента.

Примечания

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1; Чернова С. В. Художественный образ: к определению понятия // Вестник ВятГГУ. 2014. № 6; Калинина Л. В. Образ человека рубежа XX–XXI веков в зеркале языковых и социальных процессов: монография. Киров, 2013.

2. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: АДД. Л., 1984; Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М., 1993; Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72; Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 1996; Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987; Кацнельсон С. Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. № 4; Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. Воронеж, 2000; Кубрякова Е. С. Введение // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991; Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2001; Стернин И. А.

Понятие коммуникативного поведения и проблема его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж, 2000. С. 4–20; Сухих С. А., Зеленская В. В. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций. Краснодар, 1997; Тарасов Е. Ф. Введение // Речевое общение: проблемы и перспективы. М., 1983.

3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999; Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 40; Убийко В. И. Типология концептов и методика когнитивного анализа // Теория поля в современном языкознании: материалы науч.-теор. семинара. Уфа, 1999. Ч. 5. С. 42–47.

4. Чернова С. В. Деятельность: лингвистический анализ. Киров, 2008.

5. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 44.

6. Торсуева И. Р. Интонация и картина мира художественного текста // Текст как отражение картины мира. М., 1989. С. 5.

7. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990. С. 18.

8. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 26.

9. Там же. С. 46.

10. Там же. С. 24.

Notes

1. Apresyan Y.D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya [Image of a man according to language data: an attempt of system description] // Voprosy yazykoznaniiya – Problems of Linguistics. 1995, № 1; Chernova S.V. Hudozhestvennyy obraz: k opredeleniyu ponyatiya [Artistic image: to the definition of concept] // Vestnik VyatGGU – Herald of VyatSHU. 2014, № 6; Kalinina L.V. Obraz cheloveka rubezha XX–XXI vekov v zerkale yazykovykh i social'nykh processov: monografiya [Image of a man of abroad in XX–XXI centuries in the mirror of language and social processes: a monograph]. Kirov. 2013.

2. Bogin G.I. Model' yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov: ADD [Model of language personality in its relation to the species text: ADD]. L. 1984; Winokur T.G. Govoryashchij i slushayushchij: varianty rechevogo povedeniya [Speaker and listener: speech behavior options]. M. 1993; Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Cultural linguistics, language personality, concept: becoming of anthropocentric paradigm in linguistics] // Filologicheskie nauki – Philology. 2001, № 1, pp 64–72; Karasik V.I. YAzykovoy krug: lichnost', koncepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. M. 1996; Karaulov Y.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic identity]. M. 1987; Katznelson S.D. Rechemyslitel'nye processy [Speech and thinking processes] // Voprosy yazykoznaniiya – Questions of linguistics. 1984, № 4; Kashkin V.B. Vvedenie v teoriyu kommunikacii: ucheb. Posobie [Introduction to communication: tutorial]. Voronezh. 2000; Kubryakova E.S. Vvedenie [Introduction] // Chelovecheskij faktor v yazyke: yazyk i porozhdenie rechi – The human factor in language: the language and speech production. M. 1991; Maslova V.A. Lingvokul'turologiya [Cultural linguistics]. M. 2001; Sternin I.A. Ponyatie kommunikativnogo povedeniya i problema ego issledovaniya [The concept of communicative behavior and the problem of his research] // Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie – Russian and Finnish communicative behavior. Voronezh. 2000. Pp. 4–20; Sukhikh S.A., Zelenskaya V.V. Reprezentativnaya sushchnost' lichnosti v kommunikativnom aspekte realizacii [Representative essence of the person in the communicative aspects of implementations]. Krasnodar. 1997; Tarasov E.F. Vvedenie [Introduction] // Rechevoe obshchenie: problemy i perspektivy – Speech dialogue: challenges and prospects. M. 1983.

3. Arutyunova N.D. YAzyk i mir cheloveka [The language and the world of man]. M. 1999; Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya [Constants: Dictionary of Russian culture. Experience of studies]. M. 1997. P. 40; Ubiyko V.I. Tipologiya konceptov i metodika kognitivnogo analiza [Typology of concepts and methods of cognitive analysis] // Teoriya polya v sovremennom yazykoznanii: materialy nauch.-teor. Seminara – Field theory in modern linguistics: Proceedings scientific-theoretical. workshop. Ufa. 1999. Pt. 5. Pp. 42–47.

4. Chernova S.V. Deyatel'nost': lingvisticheskij analiz [Activities: linguistic analysis]. Kirov. 2008.

5. Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedejatel'nosti cheloveka [Picture of the world in human activities] // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. YAzyk i kartina mira – The role of human factor in language. Language and world picture. M. 1988. P. 44.

6. Torsueva I.R. Intonaciya i kartina mira hudozhestvennogo teksta [Intonation and the picture world of the art text] // Tekst kak otrazhenie kartiny mira – Text as a reflection of the world picture. M. 1989. P. 5.

7. Kolshansky G.V. Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke [Objective picture of the world in knowledge and language]. M. 1990. P. 18.

8. Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedejatel'nosti cheloveka [Picture of the world in human activities] // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. YAzyk i kartina mira – The role of human factor in language. Language and world picture. M. 1988. P. 26.

9. Ibid. P. 46.

10. Ibid. P. 24.

Эгоцентричность оценки в пространстве спонтанных виртуальных типов дискурса

В статье проанализированы базовые черты языковой репрезентации «я-фактора» в пространстве англоязычных виртуальных типов дискурса чата и форума. С опорой на эмпирические данные обозначена когнитивнолингвистическая специфика оценки в ситуации реальной коммуникации чата и форума, отражена обусловленность эгоцентрического статуса оценки прагматическим контекстом спонтанного виртуального дискурса, зависимость степени экспликации оценки от параметров языковой картины мира говорящих, а также характер конвергенции объективного/субъективного начала в семантическом множестве рассматриваемой категории. В результате проведенного прагматического анализа совокупность языковых средств эгоцентричности сопоставлена с реализованными базовыми функциями оценки в аспекте актуализации «я-фактора» коммуниканта, определена значимость, особенности трансформации и перестройки семантических терминалов когнитивного оценочного фрейма, встроеного в дискурсивную матрицу чата и форума.

The article analyzes basic egocentric language features within the field of English virtual types of discourse such as chat and forum in English. With the support of empiric data cognitive linguistic specific features of estimation was revealed in a real communicative situation of chat and forum, egocentric status of estimation factor was determined by pragmatic context of spontaneous virtual discourse, the dependence of explicit degree of estimation on the language comprehension of the world was proved as well as the character of objective/subjective convergence in the semantic quantity of estimation. As a result of the undertaken pragmalinguistic analysis the amount of language egocentric means was compared to the basic estimation functions realized on the part of actualized communicant's "I-factor". The significance, transformation nature and restructuring of semantic terminals in the area of cognitive estimation frame was examined with due regard to its discourse matrix of chat and forum.

Ключевые слова: аксиология, дискурс, значение, оценка, прагматика, семантика, языковая личность, эгоцентризм.

Keywords: axiology, discourse, meaning, estimation, pragmatics, semantics, language identity, egocentrism.

В существующем аксиологическом языковом пространстве существует *объективная* оценка, которая отражает коллективно выработанные нормы, стандарты, стереотипы, фиксируемые и изучаемые на разных уровнях языковой системы: фонетическом [1], морфологическом, лексическом [2], синтаксическом – на уровне текста и дискурса [3], в области лексикографии [4]. Помимо объективной выделяют *субъективную* оценку, окказиональную, индивидуальную, зависящую от восприятия индивида. В ситуации реальной коммуникации статусный характер оценки усложняется наложением на канву высказывания, неотделимого от прагматической ситуации, при этом в центре прагматического контекста оказывается человек, а оценочное значение приобретает черты поведенческого характера [5]. Правоммерно заметить, что в большинстве многофакторных коммуникативных реалий широкого профиля возможно совмещение компонентов объективного и субъективного характера внутри одного оценочного понятия, равно как и соединение денотативного и коннотативного компонентов [6].

Как указывает В. И. Шаховский, мысль динамична и метафорична, однако будучи трансформирована в семиотический знак, она останавливается, поэтому любое внешне объективное суждение внутренне (имплицитно) субъективно [7]. Экстраполируя данное утверждение на оценочное значение, уместно обратить внимание на то, что оценка не только включает объективный («дескриптивный, признаковый») компонент, который отражает собственные свойства предметов и явлений, на основе которых она выносится, но и субъективный компонент (напр., положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к его объекту), причем и субъект, и объект оценки, в свою очередь, также характеризуются наличием как субъективного, так и объективного факторов [8].

Следует заметить, что термин «субъективная оценка» (введённый А. А. Шахматовым) может породить впечатление, будто в языке возможна некая исключительно «объективная оценка», тогда как язык, существуя в субъекте (пусть и социализированном), в принципе до конца субъективен: возможно лишь представление говорящим субъектом своей оценки в качестве объ-

ективной или субъективной, а не её «объективная объективность» [9]. Т. е., можно сказать, что когда упоминается, что оценка субъективна, то имеется в виду эксплицитность эгоцентрического оценочного суждения, а имплицитно оценка содержится в слове всегда. Оценка тем самым в одно и то же время зависит от языковой картины мира говорящих и не зависит от нее.

Категория оценки тесно связана с базисными семантическими категориями эгоцентрической направленности, а именно, с категорией эмоциональности (эмотивности) и экспрессивности. Каждая из них имеет свой обобщенный категориальный признак, смысловую доминанту, которая позволяет, выделив их, противопоставить другим категориям.

Так, дискурсы форума и чата характеризуются, прежде всего, различной модальностью: объективной, отражающей характер отношений сообщаемого к действительности, и субъективной, выражающей отношение говорящего к сообщаемому. Ср.:

a) Dove: Sue, many **have made** a mistake....

b) Dead Poet: She **may be** in an anger crisis....

Как видим, в реплике Dove (никнейм, сетевое имя первого коммуниканта) наличествует вербализация объективной модальности: использование формы изъявительного наклонения (*have made*) свидетельствует о том, что говорящий воспринимает отображаемую ситуацию (*many have made a mistake*) как реальный факт действительности. В то же время употребление Dead Poet (никнейм второго коммуниканта) модального глагола (*may*) свидетельствует о том, что состояние обсуждаемого лица трактуется как возможное, но не реально существующее, что свидетельствует о субъективизме вербализируемых отношений говорящего и факта состояния другого участника прагматической ситуации.

Обращение к человеческому фактору в характеристике категории оценки предполагает обращение к категории оценки как к *эгоцентрической* (антропоцентрической), сочетающей в себе семантические и прагматические черты и реализующейся в виде широкой совокупности типологических и специфических черт в каждом из конкретных языков [10]. Семантика языка является атрибутом человека в англоязычной картине мира говорящих, а человеческий фактор реализуется в форумах и чатах современного английского в языковом творчестве оценочных высказываний дискурса через создание

1) окказионализмов – 8% (от общего числа примеров оценки в воздействующей функции в корпусе нашего материала): *joey, you cannot predict lifelong friendships... your life is not over yet... some of these people can still stab you in the back, as some had done to me. Or, you could be the one to stab them in the back... whatever, the point is, **lifelong cannot be known, until one of the people dies**;*

2) стандартизированных моделей высказываний – 22%:

a) *if your wife is a bitch you're a foul mouthed troll bull shit,*

b) [Oin] Every one, PLEASE READ THIS, for your own good i found out some interesting facts earlier,,,,the OPP'S that look after ALAMAK are not real PEOPLE, yes thats right in fact they are nothing more than smart MONKEYS folk, that were found of the north of China,,, please do not give them info as they are useing it to aid their new army that they are working for,,,i cant say for sure but i think its the work of evil russians;

3) тропов – 38%:

a) W. Sue: It's **a red lipstick day**. I'm in a good mood. Очевидно, что здесь происходит наложение объективной модальности (*it's* – форма изъявительного наклонения) и оценочности, создаваемой посредством метафоризации: день так хорошо для говорящего (*I'm in a good mood*), что вызывает ассоциацию по сходству с ярко накрашенными губами женщины,

b) *I look like perfect but I'm rot*. Не вызывает сомнения тот факт, что в данном примере оценочность высказывания создается на базе антитезы: perfect/rot,

c) Ae` **super nice**. В данном примере оценочная семантика реализуется через посредство гиперболизации, сравним с русским: «Чудо, как хороша!»,

4) паралингвистических средств – 32%,

a) [Robert30] 🤪🤪🤪CRAZY.

Как отдельный элемент для современного английского языка следует отметить аграмматизмы. Они не выступают в дискурсах чата и форума как отступление от нормы, а воспринимаются как закономерное явление и составляют практически 70% для дискурса чата и 30% для дискурса форума. Это, как мы полагаем, обусловливается интернациональным пространством Интернета, в котором некоторые специфические черты выражения оценки, в частности, аграмматизмы, есть свидетельство не столько низкого уровня образованности коммуникантов, сколько соединение в рамках одного дискурса различных узусов и вариантов английского языка, а также реализация принципа отсутствия речевой дискриминации: *ladies wan to chat Is der someone like to talk to me?! Drinkin and parting*.

Электронные типы дискурса, а именно, форум и чат, представляют особое явление в сложной иерархической системе текстов. Фактор субъекта и объекта в них предполагает учет дополнительного содержания данных, информация наслаивается друг на друга, интенции сочетаются с вербальной репрезентацией, при этом когнитивный фрейм накладывается на коммуникативный. Реализуясь в электронных типах дискурса, исходный фрейм оценки получает различную интерпретацию, которая может значительно разниться по сравнению с содержанием заданного фрейма. Нам представляется, что такой процесс имеет место именно вследствие эгоцентричности оценки как таковой. Являясь ключевой фигурой, человек выступает как центральная фигура языка и окружающего мира. Он связан со всеми существующими сферами жизни через эксплицитные / имплицитные компоненты отношений. Поэтому во фреймовой структуре оценки, несомненно, включены семантические терминалы, характеризующие самого человека и среду его окружения, такие, как «ценностные ориентации», «образ жизни человека», «прошлый опыт человека», «физические действия и деятельность», «физиологическое состояние». При этом каждый элемент данных микрополей включает свои семантические составляющие, образуя внутреннюю структуру субъекта. Например:

[Moonlight] *as i said dont give in to temptation you may lose*

[Robert30] *far as i'm concerned as long as you are married... you're bound by law to uphold your vows and civil duties pertained to marriage. *shrugs* sure the grass is usually greener on the other side...*

[manaboutmak] *how can it be in front of god and all that if you are in "SIN CITY"????L**

[Moonlight] *and when i lost i lost big time*

[Robert30] *i understand that relationship sometimes go bad but if you haven't gotten to know the person rather than lusting for their pants, perhaps the marriage would last. But unfortunately we jump in the sack and hoping that it will last.*

[californiagirl] *follow your heart*

В данном примере каждый из коммуникантов характеризуется своей внутренней структурой, присущей только ему, однако их объединяет то, что они высоко ценят любовь, преданность и верность в браке и ставят ее в системе ценностных ориентаций на одну из верхних ступенек (*dont give in to temptation, follow your heart*). Очевидно, что оценка коммуникантов обуславливается прошлым (*and when i lost i lost big time*) и настоящим опытом взаимоотношений, разделяющих точку зрения, что живя в городе, где царит грех (*how can it be in front of god and all that if you are in "SIN CITY"????L**), очень трудно устоять перед соблазнами (**shrugs* sure the grass is usually greener on the other side...*). С другой стороны, перцептивная информация о человеке интегрируется с информацией о внешнем мире через информацию об объектах оценки, так как человек, если отвлекаясь от конкретных признаков, находится во внешней связи в пространстве и во внутренней связи с восприятием [11]. Ученый отмечает тот факт, что категория оценки тесно соприкасается с целым рядом смежных взаимосвязанных эгоцентрических категорий, таких как характеристика, эстетика, вера, рассуждение, обещание, угроза, проклятие. Например:

I've read only title of this message not the text. I'm religious. I have come in some conditions in my life I didn't now that to do. I were ill. I prayed and it helped me. This is one of the most important factors I believe. After it I've experienced real miracles of religion, God. My religion is Orthodox Christian. Try to pray if you want to be religious.

Несомненно, что для религиозного человека оценка окружающей действительности подвержена влиянию его веры (*I'm religious. This is one of the most important factors I believe*). Выход из сложившейся ситуации для него – молитва, поэтому он и советует другим участникам дискуссии искать утешение в ней (*Try to pray if you want to be religious*).

В связи с этим необходимо отметить, что отношение и мнение – настолько существенные характеристики оценки, что между ними можно поставить знак равенства:

Gaidheil – *I think that's what were gonna do – we can get two used for the monthly payment of one used – not a big market for used cars around here.*

Субъективная оценка Gaidheil подчеркивается вводной фразой *I think (think – believe – opinion – estimation)*. Здесь мнение есть отношение к ситуации: лучше взять машины подешевле, поскольку рынок подержанных машин не слишком большой в их городе (*we can get two used for the monthly payment of one used – not a big market for used cars around here*).

Как видно в дискурсах чата и форума, факты, события, действия и оценки представлены разными индивидами по-разному. «Нередко люди не задумываются над тем фактом, что тот мир, который дан нашему зрению, – это взгляд на мир, всего лишь один из многих» [12]. То, что является релевантным для одного адресата или говорящего в каком-то одном экстралингвистическом контексте, может быть нерелевантным для других или же релевантным, но в иной ситуации [13]. В случае недопонимания этого факта возможны конфликтные ситуации между людьми,

коммуникативные неудачи. Так, в процессе восприятия и оценки информации возможно искажение последней. Благожелательная ответная реакция помогает оценивающему, а неблагоприятная – вселяет неуверенность или формирует ложный образ. Например:

[Katie] *hello room*

[AlmostReality] *I doubt the room is gonna talk to you*

[AlmostReality] *being inanimate, and all*

[cupcake] *hello Katie*

[cupcake] *ar u are so mean*

[AlmostReality] *yup, sure am!* 🤨

[Katie] *AR it's easy to offend others*

[AlmostReality] *ahh, I'm too cute and funny to offend that many people*

[cupcake] *dony worry aboutkatie*

В данном примере отчетливо показано, как неблагоприятная реплика AlmostReality вселяет в Katie чувство неуверенности, ненужности и как открытая, настроенная на общение позиция девушки оборачивается замкнутостью, нежеланием общаться, которое основывается на чувстве обиды. Как мы видим из полилога, cupcake старается ободрить Katie, просит ее не принимать близко к сердцу слова AlmostReality, протягивает руку помощи, поскольку не считает, что отсутствие анимированности – повод для отказа от разговора с собеседником. Она оценивает AlmostReality как подлого, мелкого человека, который не думает о чувствах других. Самооценка AlmostReality завышена, он влюблен в свое «Я», считает себя настолько неотразимым, не предполагает, что может в принципе обидеть кого-то. На слова же cupcake AlmostReality даже не пытается возразить, считая все вышеперечисленные качества положительными для себя.

Перед тем как оценить тот или иной объект, у человека возникает внутренний стимул, связанный с «конкретизацией представлений о субъекте, а также с уточнением той совокупности предметов наличного бытия, природных и социальных условий существования субъекта, которые выступают в качестве объекта потребности» [14]. На наш взгляд, это утверждение полнозначно можно отнести и к процессу оценивания. Факты, события, явления оцениваются в ракурсе интересов и целей субъекта, а не сами по себе. Подтвердим данный тезис примером:

[firehog] *my sons just got a new paint ball gun, the cats and dogs in the neighbourhood look out*

[Tane] *oh – we aren't allowed to have them in the neighbourhood LOL*

[bouncerb] *shoot the cats*

[CRAZY1] 🤔 *SHOOT the cats??*

[bouncerb] *sorry sweetie. i just dont like cats. you know that my kids are puppies*

[CRAZY1] *I know hun but cats are good at killing mice n snakes. . / nods*

[bouncerb] *you can always shoot the mice*

[CRAZY1] 🤔 *more fun watching the cats kill'em*

[bouncerb] *my kids would love to play with them*

[CRAZY1] *play with mice or cats, bouncer??* 🤔

[bouncerb] *both*

[bouncerb] *they love play toys*

[CRAZY1] 🤔 *bouncer*

[CRAZY1] *I love play toys also* 🤔

Тема обсуждения задана firehog, который, однако, не принимает дальнейшего участия в рассмотрении проблемы (*the cats and dogs in the neighbourhood look out*). Если проанализировать данный пример, становится ясно, что в основе любого оценочного суждения, в данном случае в оценках bouncerb и CRAZY1, лежит целая совокупность потребностей, как общих для обоих коммуникантов, так и субъективных, частных в каждом случае. Общей потребностью является следующая: жить спокойно, без проблем. Однако CRAZY1 в данном случае не видит необходимости в истреблении кошек только потому, что они живут по-соседству. Она не разделяет мнение bouncerb, который настроен на то, чтобы убивать и кошек, и мышей. Она положительно оценивает кошек, поскольку видит очевидную пользу от последних, т. е. точкой прагматического отчета является прагматическая ценность кошек (*cats are good in killing mice and snakes*), более того, она подчеркивает, как забавно наблюдать за процессом охоты (*more fun watching the cats kill them*). bouncerb, напротив, не испытывает особой привязанности ни к кошкам, ни к мышам, и здесь критерием оценки выступает способность последних служить игрушками для его любимых «щенков» (*kids would love to play with them*). Другими словами, bouncerb выносит окончательное решение, взвешивая две возможные оценки в отношении объекта и сопоставляя их. Таким образом, окончательное решение удовле-

творяет обе стороны, развивает и укрепляет взаимопонимание (*they love play toys / I love play toys also*). Диалог продолжает развиваться в русле согласия и доброжелательности.

Необходимо отметить, что изначально оценка нейтральна, она не положительна и не отрицательна. Именно человек как «существо сознательное ожидает и предвидит оценку, оценка влияет, воздействует на его деятельность, направляя ее в ту или иную сторону, повышая или понижая ее уровень» [15]. Следовательно, оценка, воздействуя, выполняет функцию ориентации в среде: оценить – значит определить значимость объекта для себя. Например:

[soulketcher] *how ru all*

[Marc_] *yah pretty good bud and urself?*

[soulketcher] *am gr8 thanks*

[soulketcher] *where u all from btw*

[soulketcher] *am from liverpool ,england uk*

[Marc_] *is from unfortunately*

В данном случае Marc оценивает появление soulketcher как приятное для него событие (*pretty good bud and urself*). Из диалога мы понимаем, что девушка значима для Marc. В свою очередь, soulketcher предвидит положительную оценку себя со стороны окружающих, и в частности, Marc, поэтому ведет беседу оживленно, легко, открыто.

Оценка, которая дается различным объектам окружающего мира, отражает благоприятное или неблагоприятное стечение обстоятельств для коммуникантов, отражает их готовность или неготовность справиться с ситуацией, социальную позицию личности, ее взгляды, уровень интеллектуального и нравственного развития, цели и условия деятельности. Например:

[ladyskunk] *well, dear janna same... .. i wish it stop coz my bday is comin and i hate to grow old lol*

[Janna] *dont be afraid of moi*

[Janna] *How old ladyskunk ?????*

[ladyskunk] *going 24 jann*

[Janna] *ladyskunk . . that is NOT old.. that is a young !*

Из данного диалога явствует, что ladyskunk отрицательно оценивает факт своего взросления (*I wish it stop*), поскольку не готова психологически к этому (*i hate to grow old*), она не знает, как себя вести, ее пугает это обстоятельство. Напротив, Janna, которая, по-видимому, гораздо старше своей собеседницы, не видит ничего ужасного в том, что проходит время (*dont be afraid*) и она становится старше. Данный факт позволяет говорить, что она готова к этому, ее жизненная позиция устойчива, уровень личностного развития достаточно высок. В более широком понимании оценки формируют в целом нашу жизнь, жизненный сценарий. Оценка формирует общую цель жизни человека, соотнося внутреннее отражение с заданной потребностью, в результате чего какие-то процессы оказываются значимыми для успешного осуществления деятельности, а какие-то – незначимыми, нейтральными.

Несмотря на то что каждый конкретный человек оценивает объект индивидуально, именно человек, а не группа лиц или человечество в целом является «носителем всей “пирамиды” ценностей, которая выражает интересы и идеалы этой “пирамидальной” структуры субъекта» [16]. Оценка напрямую зависит от мировоззренческой позиции субъекта. Даже в случае самооценки, когда субъект и объект совпадают, когда человек оценивает какой-либо свой поступок или качество через потребность, «в сознании его человеческого достоинства, в высокой самооценке» имеет место «субъект объектное отношение» [17]. Если данный поступок расходится с потребностью – человек дает отрицательную оценку самому себе. Оценка может стать нереальной, неадекватной и в другом случае. Например, когда человек оценивает себя или окружающих либо по слишком завышенной шкале требовательности, либо же по заниженной. Например:

[Squirty] *I think the part that gets me is that my husband's life hasn't changed much. Still goes to work, has scheduled lunches and breaks, can dress up handsome, socialize, talk with those of the opposite sex and here I am, gaining wait, not showered, hairy legs, with baby pablum stuck to my face, in track pants and a wrinkled tee shirt. ATTRACTIVE.*

В данном случае реализуется низкая самооценка субъекта (*I am, gaining wait, not showered, hairy legs*), поскольку ее потребности не находят воплощения в жизни. В качестве аргумента выступает антитеза: Squirty приводит сравнение своей жизни с жизнью своего мужа. Из примера ясно, что для адресанта важным является социальная реализованность в интересной, хорошо спланированной работе (*scheduled lunches and breaks*), внешняя привлекательность (*can dress up*), общение с другими людьми (*socialize*), общение с противоположным полом. Вместо всех этих потребностей в реальной жизни субъект видит свою никчемность и несоответствие стандартам, ею же самой созданным, нормальной человеческой жизни. Субъективная самооценка Squirty явно не согласуется с объективной иерархией ценностей.

Итак, эгоцентризм категории оценки проявляется в ее семантике, в ее содержательной стороне, в то же время эта категория является прагматически ориентированной, что, в первую очередь, проявляется в интенции отправителя высказывания и том воздействии, которое имеет место при приеме коммуникативного посыла получателя.

Примечания

1. Дубовский Ю. А. Английские черты в просодии на русской почве // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 1. С. 17–21; Дубовский Ю. А. Перестройка в русской просодии // Языковые единицы и категории в речи: межвуз. сб. науч.тр. Пятигорск: ПГЛУ, 2001. С. 3–9; Дубовский Ю. А. Схема изучения просодии языков и диалектов на Северном Кавказе // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. I Международный конгресс. Сер. «Языковая ситуация в современном мире: междисциплинарный анализ глобальной и региональной проблематики». Пятигорск: ПГЛУ, 1996. С. 143–144; Дубовский Ю. А. Эстетический потенциал в фонетической компетенции северокавказского билингва при чтении русского стиха // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2001. № 4. С. 197–200; Дубовский Ю. А., Барановская Л. А. Семантика восходяще-нисходящего тона в русском языке. Депонированная рукопись № 5125 14.04.1980; Дубовский Ю. А., Будасов Ю. Л. Историческое развитие интонационно-просодического строя английского языка. Пятигорск: ПГЛУ, 2001; Дубовский Ю. А., Воробьева О. В., Гончарова О. В., Мартыанова Е. О. Русская просодия на Северном Кавказе. Т. 1. Пятигорск: ПГЛУ, 2008; Дубовский Ю. А., Докуто Б. Б., Переяшкина Л. Н. Основы английской фонетики: учеб. пособие для студентов I курса факультета английского языка лингвистических университетов. Пятигорск: ПГЛУ, 2006; Дубовский Ю. А., Докуто Б. Б., Переяшкина Л. Н. Основы английской фонетики. М.: Флинта, 2009; Заграевская Т. Б., Касьяненко Л. С. Просодическая структура диалогического единства в условиях интерференции: южнорусский и кабардино-черкесский фоноварианты: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2011; Дубовский Ю. А., Никитина Е. В. Историческая обусловленность русских северокавказских фоновариантов // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. II Международный конгресс. Пятигорск: ПГЛУ, 1998. С. 128–129.

2. Заграевская Т. Б. Понятийно-терминологическая система этносоциолексикографии: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2010; Карасик В. Язык социального статуса. М.: «Гнозис», 2002; Кравченко С. Ю. Исследование семантических характеристик новых англо-русских слов-дублетов // Некоторые проблемы германской филологии: межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2000. № 2. С. 141–145; Кравченко С. Ю. Обогащение русских синонимических рядов иностранной лексикой (экспериментально-типологическое исследование на материале русского и западноевропейских языков): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2000.

3. Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б., Колесник О. Г. Когниолингвистический аспект оценочности в спонтанном дискурсе: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2009; Заграевская Т. Б. Категория «оценка», ее статус и вербализация в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006.

4. Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б. Афроамериканский этносубязык в субстандартной лексикографии США: «Американизмы» Дж. Фармера // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 2. С. 42–49; Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б. Этнолексиконы в афроанглийском этносубязыке // Вестник ПГЛУ. Пятигорск, 2013. № 1. С. 157–163; Заграевская Т. Б. Многомерность социолексикографической характеристики англоязычных этносленгизмов в концепции Э. Парtridge // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 1 (92). С. 111–118; Заграевская Т. Б. Раннее этносоциолексикографирование афроамериканского субязыка в Великобритании: словарь Ф. Гроуза // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 2(5). Т. 14. С. 1252–1258; Заграевская Т. Б. Стилистические маркеры афроэтносоциолектизм в англоязычной субстандартной лексикографии конца XIX века (на материале словаря Дж. С. Фармера и У. Е. Хэнли “Slang and its Analogues”) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 1 (45). Т. 1. С. 85–88; Заграевская Т. Б. Афроэтносоциолектизмы в англоязычной лексикографии XIX века: словарь Дж. К. Хоттена “The slang dictionary” // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. Т. 2. № 4. С. 73–78; Заграевская Т. Б. Лексикографические средства раскрытия структурных особенностей социолектной номинации в англоязычном афроэтносубязыке // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 4. Т. 1. С. 113–119; Заграевская Т. Б. Лексикологические портреты англоязычных афроэтносоциолектизм на рубеже XX–XXI веков (на материале словаря Дж. С. Фармера и У. Е. Хэнли “Slang and its analogues”) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 4. С. 70–77; Заграевская Т. Б. Национально-ареальная характеристика афроэтносоциолектизм в англоязычной просторечной лексикографии конца XIX века // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. № 2 (6). Т. 14. С. 1518–1526; Заграевская Т. Б. Эволюция лексикографии в зарубежной лингвистике // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 2. С. 128–133; Заграевская Т. Б. Этносоциолексикографический инструментарий стратификации английского афроэтносубязыка: опыт Дж. Хоттена // Филология и культура. Philology and culture. 2013. № 1(31). С. 44–48.

5. Заграевская Т. Б. Категория оценка как лингвистическая проблема: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2007.

6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. С. 22.

7. Шаховский В. И. Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания. URL: <http://www.vspu.ru/index.php?path=univer&info=a03&indx=a03personal&lname=29&content=books>

8. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.

9. Пайчадзе С. А. О монографии С. Г. Шейдаевой «Категория субъективной оценки в русском языке». Ижевск, 1997. URL: <http://www.omsu.omsereg.ru/vestnik/articles/y1998-i3/a094/c1>
10. Дубовский Ю. А., Кучер А. В. Типологические и специфические черты в английском и русском языках. Пятигорск: ПГЛУ, 2000.
11. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 114.
12. Розенталь-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 1994. С. 132.
13. Йокяма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славян. культуры, 2005. С. 85.
14. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. С. 13.
15. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии. СПб.: ЗАО «Изд-во «Питер», 2000. С. 468.
16. Столович Л. Н., Казан М. С. Философская теория ценности // Вопросы философии. 1998. № 5. С. 156.
17. Анисимов С. Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М.: Мысль, 1988. С. 48.

Notes

1. Dubovskii Yu.A. Anglijskie cherty v prosodii na russkoj pochve [English features in prosody on Russian soil] // *estnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* - Herald of Pyatigorsk State Linguistic University. 2012, № 1, pp. 17-21; Dubovskii Yu.A. Perestrojka v russkoj prosodii [Restructuring in Russian prosody] // *Yazykovye edinicy i kategorii v rechi: mezhvuz. sb. nauch.tr.* – Language units and categories of speech: Interuniversity col. Of scient. proc. Pyatigorsk. Pyatigorsk State Linguistic University. 2001. Pp. 3-9; Dubovskii Yu.A. Skhema izucheniya prosodii yazykov i dialektov na Severnom Kavkaze [Scheme of studying prosody of languages and dialects in the Northern Caucasus] // *Mir na Severnom Kavkaze cherez yazyki, obrazovanie, kul'turu. I Mezhdunarodnyj kongress. Ser. «Yazykovaya situaciya v sovremennom mire: mezhdisciplinarnyj analiz global'noj i regional'noj problematiki»* – World in the North Caucasus through languages, education and culture. I International Congress. Ser. "The language situation in the modern world: a multidisciplinary analysis of the global and regional problems." Pyatigorsk. Pyatigorsk State Linguistic University. 1996. Pp. 143-144; Dubovskii Yu.A. EHsteticheskij potencial v foneticheskoy kompetencii severokavkazskogo bilingva pri chtenii russkogo stiha [Aesthetic potential in the North bilingual phonetic competence in reading Russian verse] // *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* – Herald of Pyatigorsk State Linguistic University. 2001, № 4, pp. 197-200; Dubovskii Yu.A., Baranovskaya L.A. Semantika voskhodyashche-niskhodyashchego tona v russkom yazyke. Deponirovannaya rukopis' № 5125 14.04.1980 [Semantics of ascending-descending tones in Russian. Deposited manuscript number 5125 04/14/1980]; Dubovskii Yu.A., Yu. L. Budasov Istoricheskoe razvitie intonacionno-prosodicheskogo stroya anglijskogo yazyka [Historical development of intonation and prosodic system of English]. Pyatigorsk. Pyatigorsk State Linguistic University. 2001; Dubovskii Yu.A., Vorobyova O.V., Goncharova O.V., Martyanova E.O. Russkaya prosodiya na Severnom Kavkaze [Russian prosody in the North Caucasus]. Vol. 1. Pyatigorsk. Pyatigorsk State Linguistic University. 2008; Dubovskii Yu.A., Dokuto B.B., Pereyashkina L.N. Osnovy anglijskoj fonetiki: ucheb. posobie dlya studentov I kursa fakul'teta anglijskogo yazyka lingvisticheskikh universitetov [Fundamentals of English phonetics: manual for students of I year of Faculty of English at linguistic universities]. Pyatigorsk. Pyatigorsk State Linguistic University. 2006; Dubovskii Yu.A., Dokuto B.B., Pereyashkina L.N. Osnovy anglijskoj fonetiki [Fundamentals of English phonetics]. M. Flinta. 2009; Zagraevskaya T.B., Kasyanenko L.S. Prosodicheskaya struktura dialogicheskogo edinstva v usloviyah interferencii: yuzhnorusskij i kabardino-cherkesskij fonovarianty: monografiya [Prosodic structure of dialogical unity in terms of interference: South Russian and Kabardino-Cherkessia phonovariants: monograph]. Pyatigorsk. Pyatigorsk State Linguistic University. 2011; Dubovskii Yu.A., Nikitina E.V. Istoricheskaya obuslovlennost' russkikh severokavkazskikh fonovariantov [Historically conditioned Russian North fonovariants] // *Mir na Severnom Kavkaze cherez yazyki, obrazovanie, kul'turu. II Mezhdunarodnyj kongress – World in the North Caucasus through languages, education and culture. II International Congress.* Pyatigorsk. Pyatigorsk State Linguistic University. 1998. Pp. 128-129.

2. Zagraevskaya T.B. Ponyatijno-terminologicheskaya sistema ehnosocioleksikografii: monografiya [Concepts and terminology system of ethnosociolinguistics: monograph]. Pyatigorsk. Pyatigorsk State Linguistic University. 2010; Karasik V. Yazyk social'nogo statusa [Language of social status]. M. "Gnosis". 2002; Kravchenko S.Yu. Issledovanie semanticheskikh harakteristik novyh anglo-russkikh slov-dubletoy [Study of semantic characteristics of the new English-Russian word-doubles] // *Nekotorye problemy germanskoy filologii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* – Some problems of German philology: Interuniversity col. of scientific proc. Pyatigorsk. Pyatigorsk State. Ling. University. 2000. № 2. Pp. 141-145; Kravchenko S. Yu. bogashchenie russkikh sinonimicheskikh ryadov inostrannoj leksikoj (ehksperimental'no-tipologicheskoe issledovanie na materiale russkogo i zapadnoevropejskikh yazykov): dis. ... kand. filol. nauk [Enrichment of Russian synonymous series of foreign vocabulary (experimental-typological research on a material of Russian and Western European languages): Dis. ... Cand. Philology]. Pyatigorsk. 2000.

3. Dubovskii Yu.A., Zagraevskaya T.B., Kolesnik O.G. Kogniolingvisticheskij aspekt ocenochnosti v spontannom diskurse: monografiya [Cogni-linguistic aspect of evaluation in the spontaneous discourse: a monograph]. Pyatigorsk. Pyatigorsk State Linguistic University. 2009; Zagraevskaya T.B. Kategoriya «ocenka», ee status i verbalizaciya v sovremennom anglijskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Category "evaluation", its status and verbalization in modern English language: abstract Dis. ... Cand. Philology]. Pyatigorsk. 2006.

4. Dubovskii Yu.A., Zagraevskaya T.B. Afroamerikanskij ehtnosub"yazyk v substandartnoj leksikografii SSHA: «Amerikanizmy» Dzh. Farmera [Ethnosublanguage of African-Americans in the US substandard lexicography: "Americanisms" of George Farmer] // *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* –

Herald of Pyatigorsk State Linguistic University. 2013, № 2, pp. 42-49; Dubovskii Yu.A., Zagraevskaya T.B. EHtnoleksikony v afroanglijskom ehtnosub"yazyke [Ethnolexicones in afro-english ethnosublanguage] // Vestnik PGLU – Herald of PSLU. Pyatigorsk. 2013, № 1, pp. 157-163; Zagraevskaya T.B. Mnogomernost' socioleksikograficheskoy harakteristiki angloyazychnyh ehtnoslangizmov v koncepcii EH. Partridzha [Multidimensionality of sociolexicographical characteristics of English ethnoslangisms in the concept of E. Partridge] // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of the Trans-Baikal State University. 2013, № 1 (92), pp. 111-118; Zagraevskaya T.B. Rannee ehtnosocioleksikografirovanie afroamerikanskogo sub"yazyka v Velikobritanii: slovar' F. Grouza [Early ehtnosociolexicography of African American sub language in the UK: dictionary of F. Grose] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2012, №2 (5), vol. 14. pp. 1252-1258; Zagraevskaya T.B. Ctilisticheskie markery afroehtnosociolektizmov v angloyazychnoj substandartnoj leksikografii konca XIX veka (na materiale slovary Dzh. S. Farmera i U. E. Hehnli "Slang and its Analogues") [Stylistical markers of afroethnosociolektizms in the English sub-standatd lexicography in the end of the XIX century (based on the dictionary of J. S. Farmer and William E. Hanley "Slang and its Analogues")] // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of the Cherepovets State University. 2013, № 1 (45), vol. 1, pp. 85-88; Zagraevskaya T.B. Afroehtnosociolektizmy v angloyazychnoj leksikografii XIX veka: slovar' Dzh. K. Hottena "The slang dictionary" [Afroethnosociolektizms in English lexicography of XIX century: dictionary of J. K. Hotten "The slang dictionary"] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta – Herald of the Vyatka State Humanitarian University. 2012, vol. 2, № 4, pp. 73-78; Zagraevskaya T.B. Leksikograficheskie sredstva raskrytiya strukturnyh osobennostej sociolektnoj nominacii v angloyazychnom afroehtnosub"yazyke [Lexicographic means of the disclosure of structural features of sociolect nomination in the English afroethnosublanguage] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina – Herald of Leningrad State University named after Pushkin. 2012, № 4, vol. 1, pp. 113-119 ; Zagraevskaya T.B. Leksikologicheskie portrety angloyazychnyh afroehtnosociolektizmov na rubezhe XX-XXI vekov (na materiale slovary Dzh. S. Farmera i U. E. Hehnli "Slang and its analogues") [Lexical portraits of afroethnosociolektizm of English at the turn of XX-XXI centuries (based on the dictionary of J. S. Farmer and William E. Hanley "Slang and its analogues")] // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Herald of Pyatigorsk State Linguistic University. 2012, № 4, pp. 70-77; Zagraevskaya T.B. Nacional'no-areal'naya harakteristika afroehtnosociolektizmov v angloyazychnoj prostorechnoj leksikografii konca XIX veka [National areal characteristic of afroethnosociolektizms in the English vernacular lexicography at the end of XIX century] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2012, №2 (6), vol. 14, pp. 1518-1526; Zagraevskaya T.B. EHvolyuciya leksikografii v zarubezhnoj lingvistike [Evolution of lexicography in foreign linguistics] // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Herald of Pyatigorsk State Linguistic University. 2012, № 2, pp. 128-133; Zagraevskaya T.B. EHtnosocioleksikograficheskij instrumentarij stratifikacii anglijskogo afroehtnosub"yazyka: opyt Dzh. Hottena [Ethnosociolexikographical tools of stratification of English afroethnosublanguage: experience of J. Hotten] // Filologiya i kul'tura. Philology and culture – Literature and Culture. Philology and culture. 2013, № 1 (31), pp. 44-48.

5. Zagraevskaya T.B. Kategoriya ocenka kak lingvisticheskaya problema: monografiya [Category "evaluation" as a linguistic problem: monograph]. Pyatigorsk. PSLU. 2007.

6. Wolf E.M. Funkcional'naya semantika ocenki [Functional semantics of evaluation]. M. Nauka. 1985. P. 22.

7. Shahovsky V.I. EHmocii – motivacionnaya osnova chelovecheskogo soznaniya [Emotions is motivational basis of human consciousness]. Available at: <http://www.vspu.ru/index.php?path=univer&info=a03&indx=a03personal&lname=29&content=books>

8. Wolf E.M. Funkcional'naya semantika ocenki [Functional semantics of evaluation]. M. Nauka. 1985.

9. Paichadze S.A. O monografii S. G. SHEjdaevoy «Kategoriya sub"ektivnoj ocenki v russkom yazyke» [About monograph of S.G. Sheydaeva "Category of subjective evaluation in the Russian language". Izhevsk. 1997. Available at: <http://www.omsu.omsckreg.ru/vestnik/articles/y1998-i3/a094/c1>

10. Dubovskii Yu.A., Kucher A.V. Tipologicheskie i specificheskie cherty v anglijskom i russkom yazykah [Typological and specific features in the English and Russian languages]. Pyatigorsk. PSLU. 2000.

11. Humboldt W. O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyanii na duhovnoe razvitie chelovechestva [On the difference between the structure of human language and its influence on the spiritual development of mankind] // Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu – Selected works on linguistics. M. Progress. 1984. P. 114.

12. Rosenshtock-Huessy O. Rech' i dejstvitel'nost' [Speech and reality]. M. Labirint. 1994. P. 132.

13. Yokoyama O. Kognitivnaya model' diskursa i russkij poryadok slov [Cognitive model of discourse and the Russian word order]. M. Languages of Slavic culture. 2005. P. 85.

14. Zdravomyslov A.G. Potrebnosti. Interesy. Cennosti [Requirements. Interests. Values]. M. Politizdat. 1986. P. 13.

15. Rubinstein S.L. Potrebnosti. Interesy. Cennosti [Principles of General Psychology]. SPb. CJSC "Publishing house" Piter». 2000. P. 468.

16. Stolichev L.N., Kagan M.S. Filosofskaya teoriya cennosti [Philosophical theory of value] // Voprosy filosofii – Problems of Philosophy. 1998, № 5, p. 156.

17. Anisimov S.F. Duhovnye cennosti: proizvodstvo i potreblenie [Spiritual values: production and consumption]. M. Mysl. 1988. P. 48.

Типология прецедентных феноменов в названиях ресторанов в Нальчике

В рамках данной статьи рассматривается функционирование прецедентных имен в названиях ресторанов в городе Нальчик, а также основные функции рекламного текста по отношению к прецедентному имени в названиях. Прецедентные имена относятся к индивидуальным именам, образуя особую группу внутри этого класса. Статусом прецедентных обладают те имена, которые входят в когнитивную базу, т. е. «инвариантное представление обозначаемого ими “культурного предмета” является общим для всех членов лингвокультурного сообщества». Название ресторана, воздействуя на человека, способствует формированию ассоциативной связи «название ресторана – представление о ресторане». Прецедентное имя в названии ресторана можно по значимости сравнить с флагом государства: за тем и за другим стоит определенный образ. Апелляция к прецедентным именам в рекламе отражает специфику приемов речевого воздействия, основанных на обращении к внутренним установкам, направленных на активизацию механизмов образной трансформации, служащих для привлечения и удержания внимания адресата.

This article considers the functioning of precedent names in the restaurant names in the city of Nalchik and also the main features of advertising texts in relation to article not necessary precedent name in the titles. Precedent names refer to individual names, forming a special group within this class. Precedent name status is included in the cognitive base, i. e., the “invariant representation of a designated” cultural object “is shared by all members of the linguistic and cultural community”. If the restaurant name affects a human correctly, a person should have an association “restaurant name – view of the restaurant”. Precedent name entitlements among restaurants can be compared in importance to the flag of the State: these require a certain imagination. The appeal to precedent names in advertising reflects the specific techniques of speech influence based on accessing an internal system aimed at enhancing mechanisms of the imaginative transformation. These serve to attract and hold the attention of the addressee. In this connection, at the heart of creating advertising texts there are three trends: brevity, conciseness of expression and expression capacity information.

Ключевые слова: прецедент, прецедентный феномен, прецедентное название, аспект прецедентности, коммуникант, адресат, культурное знание, апелляция.

Keywords: precedent, precedent phenomenon, case name, aspect of precedent, communicant, destination, cultural knowledge, appeal.

Каждый человек принадлежит к определённой национальной культуре, включающей национальные традиции, язык, историю, литературу. Экономические, культурные и научные контакты стран и их народов делают актуальными темы, связанные с исследованием межкультурных коммуникаций, соотношениями языков и культур, изучением языковой личности.

В современных условиях параллельно с динамическими изменениями образа жизни людей меняется и языковой вкус. И публицистика, и живая речь насыщены новыми словами, названиями, новым контекстом; значительно количество лексики с национально-культурной оценочностью – пословицы, поговорки, фразеологизмы, крылатые слова и прецедентные феномены.

Под прецедентными текстами понимаются общеизвестные устойчивые и узуальные выражения, составляющие когнитивный компонент культуры народа и включаемые автором в свою речь.

По мнению Д. Б. Гудкова, прецедентные имена в наибольшей степени отражают систему эталонов культуры общества, задают определенную ценностную шкалу и парадигму социального поведения [1]. Употребление прецедентных имен «влечет за собой некоторую апелляцию к чему-то известному, некоторому факту, который за ними стоит» [2].

Как хранители общеизвестных когниций прецедентные тексты – это своеобразный «культурологический мост» памяти народа между прошлым и настоящим. «Прохождение» по нему пробуждает в сознании читателя/слушателя процесс узнавания закодированного за прецедентным текстом смысла и может рассматриваться как компонент языковой игры, устанавливающей уровень языковой личности и ее компетенцию в процессе внутри- и межкультурной коммуникации.

Современная лингвистика признала своим главным объектом текст, т. к. человек в своей «человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создаёт текст». Вся наша жизнь проходит в текстовом окружении, из текстов различных типов мы получаем большую часть информации

о мире. Помимо необходимости дать доступную информацию человек ищет соответствующие средства связи (метафоры, цитаты, пословицы), позволяющие ярко, быстро, эмоционально и лаконично воздействовать на читателя, такие тексты в науке называются прецедентными.

Одной из основных причин частого использования прецедентных феноменов из любой сферы культурного знания в названиях ресторанов является необходимость манифестировать о концепции конкретного ресторана, включающей его оформление, кухню, дополнительные услуги. Соответственно, если заведение специализируется на какой-либо экзотической или национальной кухне, посвящено спортивной или какой-либо другой тематике, имеет соответствующий интерьер, названия блюд меню и т. д., это непременно должно быть отражено в рекламном тексте. В эту же группу входит объяснение названия предприятия. При этом непосредственно само название будет, несомненно, употребляться с коннотативной функцией, а описание исторического фона, биографии человека, истории литературного произведения, музыкальной группы и т. д. в зависимости от сферы-источника, напротив, – с денотативной.

Прецедентные феномены – феномены, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности.

За каждым прецедентным текстом стоит своя уникальная система ассоциаций, вызываемых им в сознании носителей языка. Именно эта включенность в ассоциативные связи с другими языковыми концептами обуславливает регулярную актуализацию прецедентных текстов в различных видах дискурса. Эти ассоциативные связи называют **аспектами прецедентности**. Наличие внетекстовых аспектов прецедентности является для единицы текстовой концептосферы обязательным, поскольку, формируя концепт, прецедентный текст непременно должен быть вписан в контекст прочих ценностей данной культуры, обретая с ними ассоциативную связь.

Данная статья посвящена изучению прецедентных феноменов в названиях ресторанов в городе Нальчик. Прецедентные феномены в рекламе предприятий ресторанного бизнеса отражают специфику приёмов речевого воздействия, основанных на обращении к внутренним установкам, направленных на активизацию механизмов образной трансформации, служащих для привлечения и удержания внимания адресата.

Рекламный текст представляет собой пример максимально эффективного использования языковых средств. Прагматический аспект рекламного текста непосредственно проявляется в его своеобразной организации (выбор грамматических и лексических единиц, стилистических приёмов, особый синтаксис, использование элементов различных знаковых систем). В основе создания рекламных текстов лежат две тенденции: сжатость, лаконичность выражения и выразительность, ёмкость информации.

Как отмечает Клиффорд, «реклама – целевая коммуникация. Она пытается вызвать выгодное рекламодателю мышление и/или действие со стороны тех, к кому направлено сообщение». Этот автор называет рекламу «увещательной коммуникацией». Если вспомнить, что «увещевать» значит «уговаривать», «склонять к чему-либо, убеждая, советуя, стараясь образумить», то перед нами исключительно точная и ёмкая формула основного отличия рекламных сообщений от информационных. Увещевание предполагает целенаправленную активность коммуникатора, не имеющую ничего общего с оповещением. «Беспристрастность, а именно, откровенно выраженная заинтересованность в конечном эффекте делает рекламу рекламой» [3].

Необходимо помнить, что реклама, конечно, должна информировать (о цене, товаре, свойствах и т. д.), но, прежде всего, реклама должна побуждать к покупке, так как именно в этом состоит его основная функция. И чтобы выполнить это предназначение, «реклама стремится найти способ привлечь, а потом “соблазнить” и завоевать потенциального покупателя». Реклама в своём стремлении побудить человека совершить покупку представляет ему собственный образ, отвечающий его чаяниям и ожиданиям.

В случае если аспекты прецедентности текста в сознании участников общения различны, апелляция к концепту этого текста может обернуться коммуникативной неудачей.

Прецедентные феномены характеризуются полифункциональностью, так как в них заложены возможности переосмысления и насыщения текста новыми смыслами. Некоторые исследователи, такие как А. Е. Супрун, считают, что прецедентные феномены используются для осуществления определённых задач: эстетической, кумулятивной или исторической, подтверждения правильности или ссылки на авторитет [4].

В целом следует отметить, что и дальше роль прецедента в рекламном тексте будет усиливаться, поскольку все увеличивающийся объём новой информации требует минимизации материала, а это возможно только при помощи прецедентных единиц, которые помогают переводить но-

вую информацию в разряд информации усвоенной. Следует учитывать тенденцию к консервативному подходу к рекламным текстам, отторжению «чужого» и непонятного. Т. Е. Постнова даже говорит о «тенденции к ностальгическому переживанию текстовых ценностей прежней эпохи» [5].

Для анализа роли прецедентных феноменов были выбраны названия следующих ресторанов. Ресторан **«Сосруко»** стоит в ряду главных достопримечательностей и символов г. Нальчика. Он представляет собой монументальную архитектурную композицию в виде головы сказочного воина-нарта Сосруко, несущего чашу с огнем в вытянутой руке. В легендах этого края могучие богатыри нартты были носителями добра. Они не только воевали, но занимались земледелием, мирным трудом. Они тесно контактировали с богами и пользовались их помощью и благосклонностью. В республике Кабардино-Балкария именем Сосруко нередко называют мальчиков, в честь почитаемого героя нартского эпоса. Сосруко был рождён из камня, который оплодотворил пастух, всплывший страстью к Сатаней. Внутри «головы» монумента находится ресторан национальной кухни. Прецедентные феномены составляют часть лингвокультурного сообщества, и их можно подразделить на две части: национальные прецедентные феномены, известные любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества, и универсальные прецедентные феномены, известные любому современному человеку. В данном случае прецедентным феноменом является именно национальная значимость названия ресторана.

Прецедентные имена в рекламе апеллируют не к понятию, а к образу, соединяя в себе фоновую информацию и оценочность. Это хорошо прослеживается на следующем примере с рестораном **«Эльбрус»**. Прецедентным названием здесь является **Эльбрус** – стратовулкан на Кавказе, на границе республик Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. Эльбрус расположен севернее Большого Кавказского хребта и является высочайшей вершиной России. Учитывая, что граница между Европой и Азией неоднозначна, нередко Эльбрус называют также высочайшей европейской горной вершиной, то есть относят её к списку «Семи вершин» [6].

В связи с этим использование прецедентного названия **«Эльбрус»** предполагает наличие общей апперцепционной базы у создателя некоторого, в том числе и рекламного текста, и его адресата. Нужно сказать, что общая апперцепционная база – необходимый элемент речевого общения.

Название ресторана **Ридада** восходит к древним адыгским преданиям. **Редедя**, или **Ридада** (ум. 1022) – князь касожский (черкесский). По словам русских летописей, богатырь. Древние адыгские предания называют его *«могучим великаном»*. Редедя был верховным князем адыгского союза племён (главным образом зихов и касогов). Его личность высоко отражена в кабардинских и западно-адыгских преданиях, *«свое племя и родину любил больше своей головы»*. Те же предания и русские летописи сообщают, что Редедя обладал большой физической силой, *«не было в адыгейском народе никого, кто мог устоять против силы Редеди»* [7].

Прецедентный феномен отражает в тексте национальные культурные традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества. В данном случае прецедентное название **«Ридада»** апеллирует к древним адыгским преданиям.

Гостинично-оздоровительный комплекс **«Адиух-Пэлас»** расположен в предгорьях Большого Кавказа на высоте 700 м над уровнем моря. На территории комплекса находится старинная башня – одна из немногих сохранившихся ценностей горских народов. Легенда связывает ее с именем красавицы Адиух. Гордость гостинично-оздоровительного комплекса **«Адиух-Пэлас»** – ресторан **«Минара»** (было бы хорошо узнать, что означает **Минара**). Имя **Иэдиух** (рус. Адиух) в черкесской ономастике известно в нескольких значениях: собственное женское имя в нартском эпосе, название башни XVII в., построенной кабардинским князем на правом утесе реки Малый Зеленчук, название небольшого правого притока реки Малый Зеленчук, название раннесредневекового городища меотов (предков черкесов) на правобережье Малого Зеленчука.

Образ Адиух не является случайным явлением в нартском эпосе. Это один из женских солнечных (солнечных) персонажей в черкесской мифологии, в ряду таких как Сатаней, по просьбе которой солнце замедляет свой ход; Акуанда, которая может вызывать аномальные явления в природе (испепеляющий ветер и жару); красавица Шхацфица, у которой лицо излучает свет, а черные косы превращают все, что сзади нее, в крошечную тьму; не по годам мудрая Малачипх; народная поэтесса Ляшин и другие. Предметом нашего внимания будет имя светозарной Адиух.

По мнению известного учёного-топонимиста проф. Дж. Н. Кокова, сложное по структуре имя состоит из: *Иэ* – «рука», *Иэдий* – «запястье» и *хуы* в *хузь* – «белый; светлый»: «Белорукая». 1. В переводе с черкесского нартская героиня характеризуется как «светлорукая». Руки Адиух излучали свет. 2. По М. Мижаеву, – точнее «светлоколотая». 3. У французского учёного Ж. Дюмезиля, – «женщина с лучистой рукой» [8].

Картина мира описывается как феномен обыденного сознания, соединяющий коллективные представления и индивидуальные смыслы, в котором на основе мифологического переосмысления закрепляются культурные ценности и социальные нормы, задаётся система ориентации в мире, опирающаяся не только на идеологические основания, но и на культурно-исторический опыт.

Городище Адиух, как видно, располагалось на стратегически выгодном, самом высоком утесе, где река Инжиг имеет предельно узкое русло между параллельно расположенными вершинами. И как плацдарм, с которого хорошо просматривалась ниже лежащая долина. На этом месте и была построена существующая ныне башня Іэдиуху, как документально известно, в середине XVIII в. Опираясь на документальные источники и мнения ученых-специалистов по истории Северного Кавказа, можно сделать вывод о том, что построенная в середине XVIII в. оборонительная башня получила своё название по имени героини легенды Адиух, давно известной в творчестве местного народа и связанной с названием данной местности. Отсюда и название ресторана «Адиух-Пэлас» (с англ. «palace» – «дворец, особняк, роскошное здание, официальная резиденция, чертог»; «Дворец (Башня) Адиух»).

Использование данного прецедентного названия «Адиух-Пэлас» усиливает прагматический потенциал рекламы, делает ее яркой, запоминающейся.

Прецедентные имена относятся к индивидуальным именам, образуя особую группу внутри этого класса. Статусом прецедентных обладают те имена, которые входят в когнитивную базу, т. е. «инвариантное представление обозначаемого ими «культурного предмета» является общим для всех членов лингво-культурного сообщества». По мнению Д. Б. Гудкова, прецедентные имена в наибольшей степени отражают систему эталонов культуры общества, задают определённую целостную шкалу и парадигму социального поведения. Употребление прецедентных имён «влечёт за собой некоторую апелляцию к чему-то известному, некоторому факту, который за ними стоит». Если название ресторана правильно воздействует на человека, у него должна возникнуть ассоциативная связь «название ресторана – представление о ресторане» [9]. Например, в наши дни в городе Нальчик, спрятанный от шума и суеты города, расположился средневековый замок, в котором расположен ресторан «**Замок Иф**». Его создатели с особой заботой постарались воссоздать сказочную атмосферу средневекового замка. Название ресторана «Замок Иф» апеллирует к знаменитому роману известного французского писателя Александра Дюма «Граф Монте-Кристо», где было описано многолетнее заточение главного героя Эдмона Дантеса в Замке Иф. Сегодня замок Иф – одна из «визитных карточек» Марселя. Множество гостей города стремятся посетить замок.

Часто очевидная ассоциативность дополнительно подчёркивается автором рекламного текста: Ресторан «**Кавказская пленница**»: Какие ассоциации возникают у вас, когда вы слышите название «Кавказская пленница»? Конечно же, это добрый и любимый всеми фильм семидесятых! Но не только. «Кавказская пленница» – это ещё и удивительный ресторан кавказской кухни... Здесь все знакомо и сердцу мило: и кунаки, выпивающие за столиком с Шуриком (кстати, многие гости ставят им выпивку), и легендарная туфля, и пивная бочка «Кавказресторантрест», и посуда с этой же «монограммой».

В вышеприведенных рекламных текстах используется приём переноса, в основе которого лежит восприятие новой информации на основе уже полученной, вызывающей положительную эмоциональную реакцию, так называемая образная трансформация. Как пишет Л. Х. Хараева, «генетическое не механически вытесняется из синхронного функционирования, так как факторы, его порождающие, не исчезают вместе со следствием» [10]. Прецедентные феномены мобилизуют для влияния на адресата воздействующий потенциал других текстов, фильмов, музыкальных произведений и т. д.

Таким образом, прецедентные тексты являются ценностными в интеллектуальном и эмоциональном отношениях языковыми механизмами, часто воспроизводимыми в коммуникативных актах, обладающими способностью «отсылать» коммуникантов к фоновым знаниям. По справедливому утверждению Н. А. Кузьминой, «узнавание отражённых в тексте отдельных объектов национальной культуры требует знания общего вербального кода и фоновых знаний» [11].

В процесс актуализации прецедентных текстов включаются механизмы памяти, при помощи которых происходит «уточнение, раскодирование» семантики прецедентного текста. При включении прецедентных текстов в высказывание коммуниканты исходят из представления о культурной компетенции своего собеседника и апеллируют к его знаниям, создавая при этом единый знаковый механизм, благодаря которому происходит адекватное восприятие семантики прецедентного текста.

Примечания

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
2. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М., 2004.
3. Clifford G. Christians, Kim B. Kotzoll, Fackler M., Ethics M. Cases and moral reasoning. 3rd edition. Longman. N. Y., 1991. P. 446.
4. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 27–28.
5. Постнова Т. Е. Прецедентные тексты в печатной рекламе /// Вестник МГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. Сер. 19. № 2. С. 106.
6. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BB%D1%8C%D0%B1%D1%80%D1%83%D1%81>
7. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%B4%D1%8F>
8. Коков Дж. Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983. С. 108.
9. Гудков Д. Б. Прецедентные имена в языковом сознании и дискурсе. М., 1991. С. 34.
10. Хараева Л. Ч. Мотивационный анализ лексем-заимствований, входящих в макрогнездо «дом» в русском языке // Известия Кабардино-балкарского научного центра РАН. 2001. № 5 (43). С. 261.
11. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург; Омск, 1991. С. 268.

Notes

1. Gudkov D.B. Teoriya i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii [Theory and practice of intercultural communication]. M. 2003.
2. Prokhorov Y.E. Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs [Reality. Text. Discourse]. M. 2004.
3. Clifford G. Christians, Kim B. Kotzoll, Fackler M., Ethics M. Cases and moral reasoning. 3rd edition. Longman. N. Y., 1991. P. 446.
4. Suprun A.E. Tekstovye reminiscencii kak yazykovoe yavlenie [Text reminiscences as a linguistic phenomenon] // Voprosy yazykoznanija – Questions of linguistics. 1995, № 6, pp. 27–28.
5. Postnova T.E. Precedentnye teksty v pechatnoj reklame [Case texts in print advertising] /// Vestnik MGU – Moscow State University Herald. Linguistics and Intercultural Communication. 2001, ser. 19, № 2, p. 106.
6. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%BB%D1%8C%D0%B1%D1%80%D1%83%D1%81> (in Russ.)
7. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%B4%D1%8F> (in Russ.)
8. Kokov J. H. Iz adygskoj (cherkesskoj) onomastiki [From Adyghe (Circassian) onomastics]. Nalchik. 1983. P. 108.
9. Gudkov D.B. Precedentnye imena v yazykovom soznanii i diskurse [Case names in the linguistic consciousness and discourse]. M. 1991. P. 34.
10. Kharaeva L.Ch. Motivacionnyj analiz leksem-zaimstvovanij, vhodyashchih v makroгнездо «dom» v russkom yazyke [Motivational analysis of token-borrowings included in makronest "home" in Russian] // Izvestiya Kabardino-balkarskogo nauchnogo centra RAN – Proceedings of the Kabardino-Balkar Scientific Centre of Russian Academy of Sciences. 2001, № 5 (43), p. 261.
11. Kuzmina N.A. Intertekst i ego rol' v processah ehvolucii poehticheskogo yazyka [Intertext and its role in the evolution of poetic language]. Ekaterinburg; Omsk. 1991. P. 268.

УДК 821.111

А. Я. Климовская

**Патриархальные и эгалитарные стереотипы феминности
и их художественное воплощение
в романах А. С. Байетт и М. Дрэббл 1970–1980-х гг.
(на материале романов «Дева в саду», «Натюрморт»,
«Светлый путь», «Естественное любопытство»)**

В статье система женских образов романов А. С. Байетт и М. Дрэббл 1970–1980-х гг. рассматривается в гендерном аспекте. В анализируемых романах представлены противоположные типы и характеры сестер, взаимоотношения которых представляют интерес в раскрытии сущности женского начала. В статье охарактеризованы гендерные модели поведения героинь романов Байетт и Дрэббл (различия в ментальных и эмоциональных характеристиках, гендерных ролях), проведен сравнительно-сопоставительный анализ персонажей с точки зрения стереотипов феминности. Делается вывод о том, что у обеих писательниц образы сестер используются для противопоставления традиционной женщины и эмансипированной, с явным

приоритетом последней, что свидетельствует о том, что в творчестве Дрэббл и Байетт 1970–1980-х гг. проявляются эгалитарные тенденции, связанные с расширением традиционного понятия феминности и сглаживанием гендерных стереотипов.

In this article the female characters of Byatt and Drabble's novels of the 1970–80-s are treated from the point of view of gender aspect. The analyzed novels present opposing types and natures of sisters whose relationships help to reveal the essence of femaleness. The article describes gender models of behaviour of female characters of Byatt and Drabble's novels (differences in mental and emotional characteristics, gender roles), analyzes the characters from the point of view of the stereotypes of femininity. It is concluded that both novelists use images of sisters to confront traditional woman with emancipated one, with the clear priority of the latter, which shows that the works of Byatt and Drabble of the 1970–1980-s display egalitarian tendencies connected with enlarging of the traditional concept of femininity and smoothing over gender stereotypes.

Ключевые слова: Антония Сьюзен Байетт, «Дева в саду», «Натюрморт», Маргарет Дрэббл, «Светлый путь», «Естественное любопытство», патриархальные и эгалитарные стереотипы феминности, гендерные модели поведения, оппозиция женских характеров, прием контраста, гендерные роли.

Keywords: A. S. Byatt, "The Virgin in the Garden", "Still Life", M. Drabble, "The Radiant Way", "A Natural curiosity", patriarchal and egalitarian stereotypes of femininity, gender models of behavior, opposition of female characters, contrast technique, gender roles.

Современных британских писательниц, родных сестер А. С. Байетт (р. в 1936 г.) и М. Дрэббл (р. в 1939 г.) объединяет разработка темы женского бытия. Начало их писательской карьеры совпадает с подъемом второй волны феминизма (60–70-е гг.). В их творчестве представлены разные типы женского начала, которые как соответствуют, так и противоречат традиционным стереотипам женственности.

Гендерные стереотипы (подчас полярные представления о типично женских и мужских качествах) формируются социумом, проявляются в литературных произведениях и ими же тиражируются. В целом гендерный подход в науке основан на идее о том, что «важны не биологические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое этим различиям придает общество» [1].

Учеными признано, что когнитивное разграничение гендера начинается в детстве, и главную роль в усвоении детьми гендерных ролей – характерных поведенческих норм, связанных с маскулинностью и феминностью, – играет социально-культурное окружение [2]. Демонстрируя примеры поощряемого либо недопустимого гендерного поведения, семья, сверстники, СМИ, кино, книги создают и распространяют определенные поведенческие модели, которые воспринимаются как эталоны. В соответствии с патриархальной традицией, провозглашающей примат мужского начала над женским, стереотипные представления о том, что есть мужественность и женственность, реализуются в ассоциативной форме и представлены в виде оппозиций: красота – женское, ум – мужское; работать по дому – женское, зарабатывать деньги – мужское; семья – женское, работа – мужское и т. д. [3]

В рамках патриархального стереотипа положительной героине предписаны такие психологические черты, как доброта, очарование, скромность, застенчивость, послушание. Идеальная героиня в духе традиционных гендерных представлений сострадательна, заботлива, мягка, терпелива, стремится к сохранению гармонии в отношениях [4]. Она руководствуется сердцем, а не логикой. Одним из распространенных способов позиционирования феминности является мотив жертвенности. Женское доминирование осуждается. Если для героя-мужчины важно общественное признание, женщине достаточно быть избранницей своего любимого. Основные архетипы женственности – возлюбленная/любовница, жена (любимая или покинутая), мать, дочь, подруга, содержанка. Архетипы, которые актуализируют негативные женские качества, – хищница, подруга-завистница, глуповатая красотка, коварная лицемерка.

Традиционные гендерные стереотипы эксплуатируются художественной литературой. Для дофеминистской эпохи характерно изображение мужественности и женственности как гомогенных оппозиционных категорий, тенденция к стереотипизации образов персонажей [5]. Новая постфеминистская эгалитарная гендерная идеология исключает поляризацию феминности и маскулинности и основана на более сбалансированной представленности полов [6]. В постфеминистский период наблюдается расширение референциальной базы женственности в таких областях, как профессиональная деятельность, техника.

Целью данной статьи стал гендерный анализ стереотипов феминности на примере центральных образов сестер в четырех романах Байетт и Дрэббл. Отношения между сестрами, наря-

ду с любовными и материнско-дочерними, способствуют раскрытию сущности женского начала. Личный опыт сестринских отношений А. С. Байетт и М. Дрэббл оказался далеким от идеала из-за духа соперничества, которым они были пропитаны. Сестры-писательницы неохотно говорят о своих отношениях, негативно относятся к тому, что их часто ассоциируют друг с другом, утверждают, что прототипами их героинь послужили отнюдь не они сами.

В романе Байетт «Дева в саду» ("The Virgin in the Garden", 1978), первой части задуманной ею по модели прустовского цикла тетралогии о семье Поттер и ее второй части, «Натюрморт» ("Still Life", 1985, премия Серебряного пера) писательнице свойственно глубокое проникновение в психологию обоих центральных персонажей юных сестер. Байетт наделяет оба характера автобиографическими чертами. Сестры представляют разительный контраст между собой с точки зрения внешнего облика, моделей гендерного поведения, психологии и морали. Старшая белокурая Стефани наследует материнскую молчаливость и пассивность. Она мягкая, нежная и создает ощущение покоя. Стефани «ассоциируется с белым цветом... женской чувственностью и весенними цветами», ждет пробуждения любовью [7]. Байетт создает идеализированный образ героини. Хотя Стефани воспитывается в семье атеиста, ей свойственна врожденная христианская доброта. Она, как «добрая самаритянка» [8], выхаживает недоношенных котят, добровольно сидит в няньках с умственно неполноценным ребенком, ищет в людях хорошее и терпима ко всем. Младшая рыжеволосая Фредерика походит на деспотичного отца. По-мужски амбициозная и целеустремленная, она единственная в своей семье не боится открыто противоречить отцу и подобно ему впадает в ярость.

Фредерика находится на пороге взросления, пребывает в пограничном состоянии между детством и взрослой жизнью, между физической и духовной невинностью и обладанием знанием [9]. Будучи похожей на Елизавету I, она играет ее в школьном спектакле и сопоставляется с юной королевой-девственницей, чей образ затмил собой для англичан деву Марию и со временем стал мифической многоликой фигурой. Название романа порождает культурные ассоциации с этим образом. Образ Елизаветы на портрете в самом начале романа сочетает женские черты и черты правителя, земное и небесное начала. У Спенсера, которого цитирует автор, Елизавета предстает в образе матери-природы, объединяющей в себе два начала, не нуждающиеся друг в друге [10]. Ее образ вызывал у современников двойственные чувства: любовь и ненависть, преклонение и страх. Эти двойственные черты характера Елизаветы передаются Фредерике.

В отличие от близкого к традиционному эталона феминности Стефани, в образе Фредерики писательница моделирует андрогинный характер, перемешивая мужские и женские качества, положительные и отрицательные. Байетт создает новый образ феминности, в котором гнев, плотское желание – движущие силы как мужчины, так и женщины [11]. Непорочная Фредерика готова на все ради достижения своих целей и преследует объект своей страсти, автора пьесы Александра.

В первой книге жизненные пути сестер расходятся. Ради утверждения своей независимости и в качестве жеста «пассивного неповиновения» [12] Стефани, блестящая выпускница Кембриджа, возвращается в северный Йоркшир преподавать в родной школе и вопреки воле отца выходит замуж за викарием Дэниэла, который занимается настоящими добрыми делами, в отличие от пустых разглагольствований отца. Замужество реализует ее традиционно женский потенциал заботы о других.

Если заголовок первого романа посвящен Фредерике, то символичная метафора «натюрморт» может быть отнесена на счет Стефани. В своих описаниях жизни этой героини Байетт показывает застывший, окаменевший, мертвый мир. В 25 лет она оказывается запертой в мире домашней рутины, хотя и испытывает удовольствие от семейной жизни. Во время беременности ее жизнью управляет женская биология, она лишается независимости и идентичности («Что-то жило ее жизнью, она не жила» [13]). Ее жизнь от первых родов до вторых характеризуется уменьшающимся количеством слов в голове и увеличивающимся количеством тревог за ребенка, мужа, брата, родителей, свекровь. Она погружена в мир вещей и инертна. Хотя Стефани счастлива в материнстве и замужестве, она страдает оттого, что ей не с кем поделиться и негде применить свои обширные знания. Рутинная семейная жизнь не дает Стефани реализоваться как личности. Байетт дает негативную оценку обывательскому образу жизни, когда приводит свою любимую героиню к нелепой смерти. Стефани погибает от удара электрическим током, когда она пытается спасти воробья, который попал в мотор холодильника. Заставив героиню совершить такой сострадательный, но незначительный поступок, автор прославляет «самоотверженность» Стефани [14], которая является «единственным носителем исключительно чистого и светлого начала» [15]. Тем не менее именно «в этой повсеместной непреодолимой скуке, рутине, нежелании двигаться вперед писательница и видит главное зло нашего времени» [16].

Семнадцатилетняя Фредерика тоже вырывается из-под отцовской опеки и уезжает учиться в Кембридж. Она олицетворяет молодую женщину 1950-х с новыми потенциями для женской реализации, которая получает удовольствие от своей сексуальности, ума, образования, силы духа.

Фредерика во второй части все проверяет на своем опыте, стремится познать жизнь во всех ее проявлениях и своим примером подтверждает концепцию равенства полов. Так Байетт выступает против традиционного представления о гендерных различиях между полами. Фредерика выражает суть андрогинности, сочетая в себе женскую чувственность с мужской уверенностью в себе и независимостью [17]. Она ассоциируется со стихией воды. Вечно текущей воде подобна изменяющаяся натура героини [18].

Хотя Фредерика хочет чего-то добиться через самореализацию, она стремится остаться женщиной. Имея перед глазами пример старшей сестры, она ищет жизни вне замужества. После смены многочисленных партнеров из любопытства, в отношениях с которыми она стремится доминировать, Фредерика познает безответную любовь, осознает, что для многих была причиной страданий. Она, как и Александр, «не согласны погрузиться в бытовую рутину и мечутся в поисках смысла жизни» [19].

Помимо цветовой оппозиции сестры, олицетворяющие два типа женского начала, противопоставлены с точки зрения дискурса. Язык Стефани литературен. «Для Стефани (и Байетт) литература проясняет ментальные концепции и выражает духовные стремления» [20]. Фредерика испытывает на себе воздействие разных дискурсов: социологического, психоаналитического, физиологического, культурного и мифологического, все они раньше были доступны только мужчинам.

Таким образом, в двух романах Байетт воплощены два эталона феминности. Младшая эмансипированная сестра не приемлет образ жизни, модели поведения и гендерные роли, избранные старшей. Обе объединяют в себе контрастные начала, которые представлены в разной степени: дух и материя, интеллект и чувство, бунт и пассивность, амбиции и домашняя рутина, самореализация и забота о ближнем, искусство и реальность. В поиске идеала женского существования Фредерика пытается найти вариант, отличный от традиционного женского. С точки зрения гендерных стереотипов, в отличие от эталона ангельской феминности Стефани, в образе Фредерики писательница моделирует андрогинный характер, перемешивая мужские и женские качества. Байетт не приемлет традиционного представления о пассивности женщины и преобладающего в ней телесного начала.

«Светлый путь» (*"The Radiant Way"*, 1987), первый роман трилогии М. Дрэббл, повествует о конфликте амбициозной, одаренной старшей сестры Лиз и ее антипода Ширли, которая посвящает свою жизнь, подобно многим женщинам своего поколения, служению мужчине. У обеих в прошлом самоубийство отца, обвиненного в эксгибиционизме, и патологическая эксцентричность матери (автобиографическая черта). Их дом в детстве прибранный, но темный и холодный, был лишен материнской любви и душевного тепла. В результате подобного воспитания сестры оказываются не способны на взаимную привязанность.

Тем не менее Лиз и Ширли приспосабливаются к сложным обстоятельствам жизни по-разному. Лиз уходит с головой в учебу, одна из немногих поступает в Кембридж, покидает родной город в поиске лучшей жизни. Со временем сильная духом и более мотивированная Лиз становится успешным психиатром. Карьера, приносящая удовольствие, дает ей возможность самореализации, чувство самоуважения, финансовую независимость и связь с окружающим миром. У нее за плечами два брака, от которых у нее две дочери и три приемных сына. Ее стремление наполнить жизнь разными людьми, событиями – своеобразная терапия от детской изоляции. Несмотря на второй развод пятидесятилетняя Лиз вполне счастлива, ибо самодостаточна. Привыкшая к независимой жизни в своем «современном браке» [21], в котором супруги спят в разных спальнях, а встречаются по выходным за завтраком, она сильна и неуязвима и не получает глубоких эмоциональных ран от развода. Лиз символизирует новый эталон женственности, сочетает разные гендерные роли: матери, профессионала, подруги.

В «Светлом пути» и «Естественном любопытстве» изображены самые теплые взаимообогащающие дружеские отношения между женщинами, длиною в целую жизнь. Подобные сообщества женщин существуют вне зависимости от патриархальных структур. Женская дружба служит «буфером между героинями и мрачными реалиями мира» [22]. Благодаря общению друг с другом героини познают новые незнакомые им миры и находят в нем утешение. Такая трактовка женского единения отличает прозу Дрэббл от изображения женщин у Байетт в роли соперниц за внимание мужчин.

Младшая сестра Ширли акцентируется на просыпающейся чувственности, бросает школу. В 19 лет «Ширли выстраивает свою жизнь вокруг одного случайно выбранного из двух претендентов мужчины и в этом процессе теряет свое "я"» [23]. Она остается в родном Нортэме (Северная Англия) без работы, без перспектив. Со временем Ширли приходит в отчаянье от бесцельности своей жизни: помимо гнетущих домашних обязанностей, выполнения дочернего долга и воспитания детей у нее ничего нет. Брак оказывает на героиню Дрэббл удушающее влияние с точки зрения психологии, подавляет индивидуальность героини, препятствует ее самореализации. Жизнь сродни биологической смерти – неутешительный контекст существования всех героинь-домохозяек

Дрэббл. Показательно, что Лиз, с которой ассоциирует себя автор, и ее подруги испытывают предубеждение против женщин, которые ничем не заняты помимо дома. Так, подруга Лиз, Аликс, считает, что притом что Ширли домашняя хозяйка и мать, она ничего не делает. Это суждение отражает авторское «мужское» предубеждение против женщин, лишенных какого-то дополнительного занятия [24] и соответствует доминирующей патриархальной традиции, согласно которой домашняя работа не воспринимается как труд. Ситуация Ширли усугубляется тем, что у нее нет перспективы обновления. Автор подчеркивает монотонность ее существования, которое не скрашивает даже женская дружба. Более чем на двадцать лет быт домохозяйки превращает женщину, склонную некогда к бунту, в символ женской пассивности. Для того чтобы Ширли нашла свой светлый путь, или она, или обстоятельства ее жизни должны измениться коренным образом. Дрэббл манипулирует сюжетом, чтобы с помощью самоубийства мужа дать Ширли второй шанс.

Акцент на различии героинь и их судеб делается в самом начале романа. Дрэббл сопоставляет грандиозный новогодний прием Лиз для знаменитостей, друзей, детей и их знакомых с размеренным семейным обедом Ширли в присутствии ненавистной свекрови, ставшего с годами чужим мужа, чтобы «проиллюстрировать влияние среды на психологию персонажа» [25]. Ее враждебно настроенные друг к другу близкие смотрят телевизор, избегая прямого общения. По телефону Ширли, пребывающая годами в одиночестве, слышит «шум жизни» [26], раздающийся из дома Лиз. Если Лиз все время думает о себе, то Ширли размышляет об успехе сестры, порицает ее свободу, обвиняет в эгоизме, признается в ненависти к Лиз.

Решение проблемы антагонистичных отношений сестер относится ко второму роману трилогии «Естественное любопытство» (*"A Natural curiosity"*, 1989). В отличие от Байетт, Дрэббл не устраняет одну из сестер, но добивается того, чтобы симпатии оставались на стороне эмансипированной Лиз.

Ширли реагирует на самоубийство мужа бегством, по-детски надеясь, что ее поведение обратит на себя внимание ее сестры. Хотя у них нет эмоциональной близости, младшая неотрывно связана со старшей многолетними негативными переживаниями, которые сформировали ее как личность. По возвращении Ширли запирается в своем доме, и Лиз боится, что та будет также одинока как их мать.

Повествователь у Дрэббл в духе эстетики постмодернизма предлагает читателю предугадать финал Ширли: «Как вы думаете, что произойдет с ней? Не думаете ли вы, что наш конец известен благодаря нашему началу, что мы предопределены, что мы бесконечно повторяемся?» [27]

Чтобы разрешить конфликт сестер, Дрэббл прибегает к приемам магического реализма, расширяет границы реальности. Отчужденность Лиз и ее сестры Ширли нарушает неожиданное обнаружение ими сводной сестры Марсии. Первая встреча Лиз со сводной сестрой Марсией происходит случайно на вечеринке, после которой они оказываются в больнице, куда сопровождают одного из гостей. Знаменательно, что это та самая больница, где родились Лиз и Ширли, а их мать умерла. Сюжет идет по кругу: забирает мать, причинившую так много боли Лиз и Ширли, и заменяет ее Марсией, которая принесет сестрам счастье. Марсия избегает пагубного влияния наследственности и связанной с ней детской травмы благодаря вмешательству судьбы: будучи незаконнорожденной и воспитанной приемными родителями, она лишается корней, появляется в жизни Лиз и Ширли только во взрослом возрасте. Благодаря этому их отношения зрелые и не обременены психологией. Эта встреча предопределена судьбой, а значение ее огромно, особенно в этот период жизни Лиз и Ширли, когда сестры оказываются на перепутье. Лиз в данный момент скучно и одиноко: дети и пасынки выросли, ее лучшие подруги уехали из Лондона, ее любопытство к жизни, которое всегда ее спасало, угасает. У Ширли в свою очередь тоже нет цели, она пассивно ждет восстановления нарушенной жизни. Душевная и щедрая Марсия, легкая в общении, учит сестер тому, что многое в личности формируется внешними факторами, что не только наследственность определяет участь человека. Она убеждает сестер, что они не обречены повторить судьбу своей сумасшедшей матери. Универсальной теории о связи характера и воспитания не существует. Появление Марсии служит доказательством целительных способностей женских взаимоотношений [28].

В отличие от упоминаемого повествователем романа А. Беннета «Повесть о старых женщинах» (1908), безжалостное время не превращает Лиз и ее подруг в старых развалин, не одерживает победу над женщинами. Зрелые романы Дрэббл отражают скрытую критику фрейдистской оценки женской психологии, согласно которой принадлежность к женскому полу определяет судьбу. Способности Лиз и ее подруг с годами не уменьшаются. Их история была и будет историей выживания.

Таким образом, образы сестер у Дрэббл, как и у Байетт, представлены в контрастной оппозиции друг другу. С точки зрения гендерной проблематики, у Дрэббл одна сестра выступает против патриархальных стереотипов (разведена и независима, реализует свое право на выбор собственного пути), другая им следует и несчастна в браке. Сильная женщина, отличающаяся от

патриархальных эталонов феминности, противопоставлена той, которая их олицетворяет. Лиз демонстрирует приверженность новому образу жизни, который противоречит общепринятому стереотипу женского существования в лоне семьи, и не подчиняется мужскому авторитету. Свой зрелый возраст Лиз воспринимает как время возрождения, трансформации в психологическом и духовном плане [29] и преодолевает сложные обстоятельства жизни, в отличие от своего антипода. Счастье такой героини определяется возможностью выбора: она сочетает успешную карьеру и финансовую независимость с общением с повзрослевшими детьми и подругами. Концепты судьбы и удачи используются для мотивировки счастливых обстоятельств жизни этой героини, что символизирует отход от доктрин патриархальной культуры, когда счастливый финал – заслуга героини. Нравственные позиции героинь не противопоставляются.

Итак, сравнительный анализ воплощения стереотипов феминности в романах Байетт и Дрэббл 1970–1980-х гг. показал, что обе писательницы в облике сестер создают контрастные образы. У обеих писательниц образы сестер используются для противопоставления традиционной женщины и эмансипированной, с явным приоритетом последней. При всем своеобразии творческих индивидуальностей в анализируемой прозе просматривается определенная типологическая общность гендерной проблематики, которая заключается в выражении конфликта героинь с патриархальными нормами и стереотипами, согласно которым исторически сложившиеся гендерные роли женщины связаны с замужеством и материнством. Байетт и Дрэббл критически относятся к браку как социальной обязанности женщины, способной подавить ее индивидуальность. Их эмансипированные героини хотят реализоваться не только как женщины, но и как личности в стремлении к внутреннему освобождению и обретению собственной индивидуальности. Типология женских образов анализируемых романов не укладывается в оппозицию добродетель/порок, традиционную для патриархальной культуры. Это позволяет сделать вывод о том, что в творчестве Дрэббл и Байетт 1970–1980-х гг. проявляются эгалитарные тенденции, связанные с расширением традиционного понятия феминности и сглаживанием гендерных стереотипов.

Примечания

1. *Пушкарёв Г. А.* Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект (на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 3.
2. Гендер в британской и американской лингвокультурах: монография / под общ. ред. Е. С. Гриценко. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. С. 159.
3. Там же. С. 168.
4. Там же. С. 162.
5. Там же. С. 157.
6. Там же. С. 167.
7. *Kenyon O.* Women Novelists Today. A Survey of English Writing in the Seventies and Eighties. Brighton: The Harvester Press, 1988. P. 62.
8. *Byatt A. S.* The Virgin in the Garden. Harmondsworth: Penguin Books, 1981. P. 29. (Здесь и далее перевод наш. – А. К.)
9. О мотиве порога в творчестве Байетт см.: *Lang K.* Existence on the Threshold: Liminal Characters in the Works of A. S. Byatt. URL: <http://ro.uow.edu.au/theses/346>
10. *Byatt A. S.* Op. cit. P. 14.
11. *Kenyon O.* Op. cit. P. 73.
12. *Byatt A. S.* Op. cit. P. 70.
13. *Byatt A. S.* Still life. Harmondsworth: Penguin Books, 1987. P. 84.
14. *Bokat N. S.* The Novels of Margaret Drabble: this Freudian family nexus. N. Y.: Peter Lang. 1998. P. 60.
15. *Ламбаева Е. Д.* Функция художественной детали в творчестве А. С. Байетт на примере романа «Натюрморт» // Татьяна день: сб. ст. и материалов V республ. науч.-практ. конф. «Литературоведение и эстетика в XXI веке». Казань: РИЦ «Школа», 2008. Вып. 5. Ч. I. С. 121–127.
16. Там же. С. 127.
17. *Бочкарева Н. С., Графова О. И.* Экфрастическая экспозиция в романе А. С. Байетт «Натюрморт» // Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4 (28). С. 196.
18. Там же. С. 195.
19. *Ламбаева Е. Д.* Указ. соч. С. 126–127.
20. *Kenyon O.* Op. cit. P. 64.
21. *Drabble M.* The Radiant Way. Harmondsworth: Penguin books, 1988. P. 9.
22. *Bokat N.* Op. cit. P. 139.
23. Ibid. P. 91.
24. Ibid. P. 190.
25. Ibid. P. 229.
26. *Drabble M.* Op. cit. P. 95.
27. *Drabble M.* A Natural curiosity. Harmondsworth: Penguin books, 1990. P. 252.

28. Bokar N. Op. cit. P. 195.

29. Gullette M. Safe at Last in the Middle Years. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1988. P. 85.

Notes

1. Pushkar G.A. Tipologiya i poetika zhenskoy prozy: gendernyj aspekt (na materiale rasskazov T. Tolstoj, L. Petrushevskoj, L. Ulickoj): dis. ... kand. filol. nauk [Typology and poetics of women's prose: the gender dimension (based on the stories of T. Tolstaya, L. Petrushevskaya, L. Ulitskaia): Dis. ... Cand. Philology]. Stavropol. SGU. 2007. P. 3.

2. Gender v britanskoj i amerikanskoj lingvokul'turah: monografiya – Gender in the British and American lingvocultures: monograph / under gen. ed. E.S. Gritsenko. M. FLINTA: Nauka. 2011. P. 159.

3. Ibid. P. 168.

4. Ibid. P. 162.

5. Ibid. P. 157.

6. Ibid. P. 167.

7. Kenyon O. Women Novelists Today. A Survey of English Writing in the Seventies and Eighties. Brighton: The Harvester Press, 1988. P. 62.

8. Byatt A. S. The Virgin in the Garden. Harmondsworth: Penguin Books, 1981. P. 29. (Hereinafter, translation is ours. – AK)

9. On the threshold of the motif in the works of A. S. Byatt see: Lang K. Existence on the Threshold: Liminal Characters in the Works of AS Byatt. Available at: <http://ro.uow.edu.au/theses/346>

10. Byatt A. S. Op. cit. P. 14.

11. Kenyon O. Op. cit. P. 73.

12. Byatt A. S. Op. cit. P. 70.

13. Byatt A. S. Still life. Harmondsworth: Penguin Books, 1987. P. 84.

14. Bokar N.S. The Novels of Margaret Drabble: this Freudian family nexus. N. Y. : Peter Lang. 1998. P. 60.

15. Lambaeva E.D. Funkciya hudozhestvennoj detali v tvorchestve A. S. Bajett na primere romana "Natyurmort" [Function of artistic detail in the works of A. S. Byatt based on the novel "Still Life"] // Tat'yanin den': sb. st. i materialov V respubl. nauch.-prakt. konf. «Literaturovedenie i ehstetika v HKHI veke» – Tatyana's Day: col. art. and proceedings of the V Repub. scientific and practical conf. "Literature and Aesthetics in the twenty-first century." Kazan. RIC "School". 2008, is. 5, part I, Pp. 121–127.

16. Ibid. P. 127.

17. Bochkareva N.S., Grafova O.I. EHkfrasticheskaya ehkspoziciya v romane A. S. Bajett "Natyurmort" [Attractions exposure in the novel of A. S. Byatt "Still Life"] // Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya – Russian and foreign philology. 2014, is. 4 (28), p. 196.

18. Ibid. P. 195.

19. Lambaeva E.D. Op. cit. Pp. 126–127.

20. Kenyon O. Op. cit. P. 64.

21. Drabble M. The Radiant Way. Harmondsworth: Penguin books, 1988. P. 9.

22. Bokar N. Op. cit. P. 139.

23. Ibid. P. 91.

24. Ibid. P. 190.

25. Ibid. P. 229.

26. Drabble M. Op. cit. P. 95.

27. Drabble M. A Natural curiosity. Harmondsworth: Penguin books, 1990. P. 252.

28. Vokat N. Op. cit. P. 195.

29. Gullette M. Safe at Last in the Middle Years. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1988. P. 85.

УДК 820

М. А. Маслова

Синтез просветительской и романтической традиций в творчестве У. Теккерея

Статья посвящена проблеме традиции в художественном тексте. На материале романа «История Генри Эсмонда» рассматривается связь творческих поисков Теккерея с традицией просветительского романа-воспитания и предромантического готического романа. В частности, структурообразующая роль мотива дороги, встречи, тайны рождения героя. Отмечается «идиллический» момент в романе Теккерея, который связывает его художественную концепцию с традицией классического английского романа. Подчеркивает-

ся важность для Теккерея некоторых положений эстетики и поэтики романтизма: повторяемость темы Судьбы, использование романтической иронии и гротеска, игрового подхода к действительности. Игровое начало в поэтике Теккерея связывается с приемами мифологизации, маски, мистификации, стилизации под мемуары в духе восемнадцатого века.

The article is devoted to the problem of tradition in text of fiction. On the material of the novel "The History of Henry Esmond" discusses the relationship of creative searches Thackeray with the tradition of the Enlightenment novel of education and novel of the gothic. In particular, the pivotal role of the motif of road, meeting, the mystery of the birth of a Hero are represented. Marked "idyllic" moment in the novel of Thackeray, which links his artistic concept with the tradition of the classic English novel. Stresses the importance for Thackeray certain provisions of the aesthetics and poetics of romanticism: the theme of Fate, romantic irony and the grotesque, the game approach to reality. The game started in poetics Thackeray associated with the methods of mythologization, masks, mystification, and stylization memoirs in the spirit of the eighteenth century.

Ключевые слова: традиция, просветительский роман-воспитание, мотив дороги, романтизм, маска, мифологизация, мистификация.

Keywords: tradition, enlightenment novel-education, motif of the road, romanticism, romantic irony, mask, mythologization, mystification.

Традиция – важнейшая составляющая литературного процесса, которая позволяет, по мысли М. Бахтина, воспринимать мировую культуру как диалогическое пространство. Рассмотрим синтез просветительской и романтической традиций в творчестве У. Теккерея на материале его исторического романа «История Генри Эсмонда» (1852 г.), который связывают прежде всего с традицией В. Скотта. Теккерей использует принцип исторической романистики В. Скотта – изучение человека в его связях с обществом и ходом истории. В то же время писатель полемизирует со Скоттом, смещая интерес в сферу частной негероической жизни, выдвигая на первый план углубленное изучение личности, что позволяет рассматривать названный роман как психологический. Необычность теккереевского романа для исторической романистики первой половины XIX в. проявляется в субъективизации исторического прошлого. В классической схеме вальтер-скоттовского романа история была не субъективным ощущением, а объектом наблюдения. Поэтому в центре романа Скотта не один человек, а множественность судеб. Скотт сталкивает старое и новое, исторически отжившее и перспективное, в центре же действия – вымышленный «беспристрастный» герой, который видит «правду» у обеих сторон, тем самым обеспечивая объективность оценки исторического прошлого. В центре романа Теккерея – рефлексирующий герой. Эсмонд рассказывает прежде всего свою собственную историю, он никогда не имеет беспристрастности всеведущего рассказчика Скотта.

Однако роман Теккерея можно рассматривать как творческую полемику и с более ранней литературной традицией. Традиция просветительского романа прослеживается в «Истории Генри Эсмонда» в использовании структурообразующих элементов авантюрно-приключенческого романа – популярного жанра эпохи Просвещения. М. Бахтин, рассматривая авантурный роман XVII–XVIII вв., в качестве его определяющих признаков называет авантурное время, управляемое силой случая, идиллический момент (безродный и бездомный герой обретает счастье в семье) и значимость хронотопа дороги и встречи [1].

В романе Теккерей сохраняет мотив тайны рождения и узнавания своего происхождения и своей семьи главным героем. Эсмонд совершает свои «приключения» на дорогах войны, подвергаясь смертельной опасности. Используются такие мотивы плутовского романа как дуэль, переодевания. Традиционны и первые главы романа, где дается родословная героя. В просветительском романе эти главы обычно объясняли причины странствий героя, мотив дороги. У Теккерея родословная Эсмонда превращается в социально-историческую характеристику определенной группы общества, становится кратким экскурсом в историю страны, намечая те конфликты и политические интриги, которые были связаны с правлением Стюартов.

Образ «дороги» как траектории пространственно-временных перемещений героя, характерного для просветительского романа в «Истории Генри Эсмонда», нет. Образ дороги используется метафорически. Жизненный путь Эсмонда – это дорога испытаний, путь самопознания, обретения опыта и понимания истинных жизненных ценностей. Образ дороги уходит корнями в библейскую символику, где он традиционно выражал идею восхождения души к Богу в виде лестницы. Если у Теккерея 30–40-х гг. тема дороги звучит как тема суетного и тщеславного жизненного пути («Кэтрин», «Барри Линдон», «Ярмарка тщеславия»), то в 1850-е гг., когда он обращается к созданию образа положительного героя, «более близка ему лестница» [2].

Мотив встречи также играет свою роль в «Эсмонде». Первая встреча двенадцатилетнего Гарри с Рэйчел Каслвуд, испытанное им чувство восхищения и благодарности, определяют даль-

нейшие отношения героев и как бы предвосхищают их союз. Жизненный опыт Эсмонда – обретение семьи, забота о дорогих ему людях, душевный покой и осознание нужности и ценности для человека этого мира семьи, «где нет ничего чужого, случайного, непонятного, где восстанавливаются подлинно человеческие отношения...» Этот идиллический момент классического семейного романа, по мнению М. Бахтина, «является определяющим и в романе поколений Теккерея» [3]. Большинство критиков не удовлетворены финальными сценами романа и считают счастье Эсмонда сомнительным. О недостатках «смутного финала» говорит Д. Тилфорд, М. Гарсон считает, что Эсмонд становится «самодовольным и язвительным человеком... чья жизнь никогда вполне не будет счастлива». В. Ивашева категорично заявляет: «Финал Эсмонда – капитуляция... он отказывается от борьбы...», Ф. Овчинникова полагает, что Теккерей отказывается принять просветительский идеал тихого семейного счастья [4]. Однако Генри Эсмонд выбирает единственно возможный для него путь, отнюдь не легкий в окружающей его атмосфере безнравственности и карьеризма – путь стойка. А это уже немало. Справедливо замечание Д. Уитли, что поражение Эсмонда «мнимое, кажущееся» [5]. Его мнимое поражение – это нравственная победа, сохранение человечности в своей душе. Правильно подчеркивает И. Уильямс близость Теккерея традициям английской литературы XIX в.: «Несмотря на утонченный анализ и суровый критицизм его работ, он отстаивает по существу те же ценности, которые более абсолютно утверждают у Диккенса и более оптимистично у Дж. Элиот» [6].

Теккерей опирается на традицию просветительского романа воспитания. История Эсмонда может рассматриваться как история становления личности, «история молодого человека». «Эсмонд» анализируется как роман воспитания – Bildungsroman, познания жизни и саморазвития многими критиками [7]. Итог воспитания героя самой жизнью дается в традициях XVIII столетия – «в согласии с просветительским идеалом герой решил “обрабатывать свой сад” на табачных плантациях Виргинии...» [8]. Добровольно изолированный от общественной деятельности, ведущий сугубо частный образ жизни, Эсмонд подтверждает невозможность гармонии частной и гражданской жизни, тем самым вписываясь в общую тенденцию английского Просвещения, которое надеялось добиться изменения общества в лучшую сторону через нравственную природу частных индивидов.

В «Истории Генри Эсмонда» схема просветительского романа не только возрождается, но и переосмысливается. Рэйчел Каслвуд напоминает во многом «голубую» традиционную положительную героиню романов. В её портрете преобладают золотистые цвета, мягкие полутона, подчеркивается кротость взгляда, нежность улыбки. Но подобное представление о ней не выдерживает проверки жизнью. Проверка жизнью – излюбленный филдинговский прием. К нему прибегает и Теккерей. Ангелоподобная кроткая Рэйчел проявляет ревность и эгоизм. Её дочь, тщеславная красавица Беатриса, стремится к богатству и величию, выставляя свою красоту как товар в брачной сделке. Многими она воспринимается как традиционная героиня-злодейка, антипод ангелоподобной матери. Это как бы задано и во внешности героинь – кроткая блондинка противопоставляется коварной брюнетке. Но теккереевские образы не подчиняются установленным схемам. За внешними проявлениями эгоизма и тщеславия трудно бывает увидеть душевное благородство Беатрисы. Она искренне и глубоко любит мать и всячески способствует её счастью с Эсмондом. Этот характер выглядит более живым и интересным.

Переосмыслению подвергается и роль случая как литературного приема. В просветительском романе тайна рождения героя открывалась благодаря счастливому случаю, в результате чего герой находил семью, обретал благополучие и вступал в счастливый брак в финале (как это происходит, например, с Томом Джонсом у Филдинга). Наиболее точные вариации этой схемы в XIX в. мы находим у Диккенса. Теккерей подобные счастливые случайности считает неправдоподобными. В «Рейнской легенде» (1845) он высмеивает такие случайности, характерные для авантюрно-исторических романов первой половины XIX в.: «Судьба словно следит за подобными героям; события происходят с ними в точности в должный миг... необходимо ли им приключение – и приключение немедленно подвергается; и мне часто приходилось восхищенно недоумевать... каким образом самый скромный из романтических героев – синьор Клоун – безотлагательно раздобывает себе все нужное ему для пантомимы» [9].

В «Эсмонде» подобных случайностей нет. Случай иногда круто поворачивает судьбу героев, но он обычно имеет социальную или психологическую подоплеку (несостоявшийся брак Беатрисы с Гамильтоном, провал заговора в пользу Претендента). Ничего не меняет в судьбе Гарри и раскрывшаяся тайна его рождения. В чистом виде «счастливый случай» проявляет себя лишь на войне, где Гарри удалось избежать роковой пули в отличие от Джорджа Осборна. И, пожалуй, единственная романтическая случайность – сходство внешности Фрэнка Каслвуда и Претендента, на котором обыгрывается сцена заговора. Такая «случайная» основа заговора в пользу Пре-

тендента подчеркивает обреченность Стюартов, лишенных реальных исторических перспектив. В статье «Английская история и герой на французской сцене» Теккерей критикует пьесу французского драматурга Скриба «Стакан воды». Теккерей называет концепцию Скриба «вульгарной», поскольку она отрицает понятие исторической причинности и ставит судьбу Англии и Франции в зависимость от нечаянно пролитого на платье королевы стакана воды. Теккерей же утверждал, что «тривиальные обстоятельства в этой жизни являются предложениями, а не причинами». Писатель стремится объяснить мотивы поведения своих героев, тем самым вскрыть истинные причины событий. «У людей, – пишет Теккерей, – бывают разные мотивы, которые ведут их в жизни... и у каждого сотни причин» [10].

Как правило, гомансе, восходящий к рыцарскому роману, имел счастливую концовку. Не любил плохих концовок и В. Скотт. Неприятие Теккереем традиционного “happy end” проявляется в иронии автора, его сомнении в самой возможности личного счастья. В «Истории Генри Эсмонда» отступление от счастливого конца ощущается в настроении грусти и печали. В брак вступает не юная цветущая пара, полная радужных надежд, перед нами – зрелые, много пережившие и осознавшие люди, которые вступают в «осеннюю» пору своей жизни, пору тихих радостей и покоя. Сама любовная линия была обязательной для приключенческих романов, где герой, пускаясь в опасные авантюры и выходя победителем из них, получает в конце достойную награду – возлюбленная вступает с ним в брак. «Награда» Эсмонда неожиданна для читателя и не соответствует первоначальным устремлениям героя. Совершая подвиги ради юной красавицы, он получает в «награду» прекрасную матрону.

В романе Теккерее обыгрываются сюжетообразующие элементы готического романа – мотив тайны рождения героя, опасных приключений, рыцарского поклонения даме, тяжелых испытаний. Элементом готики можно назвать родовой замок с тайным ходом, о котором знали лишь патер Холт и Эсмонд. Воссоздается сюжетный мотив готических романов Х. Уолпола «Замок Отранто» (1765) и К. Рив «Старый английский барон» (1777) – мотив законного наследника, ущемленного в своих правах. Вместе с тем Генри Эсмонд вовсе не демоническая фигура, а его меланхолия далека от мрачной философии «мирового зла». Это не романтический герой, а обыкновенный человек, реализующий себя в условиях, лишенных всякой мистики.

Даже такое необычное событие, таящее в себе опасность, как заговор, рисуется Теккереем в иронично-насмешливом тоне. Принц не внушает священного трепета и оказывается легкомысленным волокитой, а один из его верных сторонников, патер Холт – неудачником-интриганом, чьи усилия заговорщика постоянно терпят фиаско. Таким образом, в романе «История Генри Эсмонда» Теккерей переосмысливает и развенчивает основные мотивы гомансе и пользуется методом *novel*, создавая картины реальной действительности, объясняя их реальными социально-историческими условиями.

Вопрос об отношении У. Теккерее к романтизму – один из проблемных в отечественном литературоведении. Делались отдельные замечания об использовании Теккереем романтической иронии и гротеска (Е. Гениева, А. Елистратова), более детально обосновывалось игровое начало в поэтике Теккерее (В. Вахрушев). Но устойчивой и традиционной оставалась точка зрения, будто Теккерей отвергал все формы романтического искусства (В. Жирмунский, А. Аникст, В. Ивашева). Однако резкое отрицание романтической идеализации, чрезмерной аффектации, полярности добра и зла в характеристике романтиков вовсе не исключает глубоких связей творчества Теккерее с романтизмом, а через него и с более ранней традицией карнавальная народная культура.

Теккерее свойственно иронически-игровое отношение к действительности: он активно пользуется романтической иронией, которая универсальна, стремится к целостной истине, но при этом ничего не отрицает и не утверждает окончательно. Целостная истина требует сращения многих частных истин. Невозможность достижения всей полноты истины и порождает иронический акт: сомнение, самопародирование, шутовство, игру различными ролями и мнениями, манипулирование несовпадающими точками зрения.

Теккерей сомневается в целесообразности истории и убеждается в тщетности человеческих усилий. Не могут предугадать результатов своей деятельности ни исторические персонажи (Наполеон, Дж. Вашингтон), ни вымышленные герои (полковник Ньюком, Генри Эсмонд). Эсмонд вступает на путь военной карьеры, чтобы воинскими доблестями завоевать сердце Беатрисы, ради этого организует политический заговор. Результат же совершенно противоположный – он разочаровывается и в общественной деятельности, и в возлюбленной. Писатель играет различными точками зрения на один и тот же предмет, отрицая абсолютность истины: «У каждого... своя правда...» («Пенденнис»), «Друзья рисуют нас так, враги иначе, и... обе стороны правы...» («Ньюкомы»). Эта же мысль повторяется в «Эсмонде»: «Стоит лишь изменить угол зрения, и величайший подвиг покажется низостью... великан превращается в пигмея, если заглянуть в подзорную трубу с другого конца» [11]. Уже феноменализм философов XVIII в. выдвигал принцип относительности наших суждений. Проблема видимости и сущности находит, например, осмысление в творчестве любимого Теккереем Г. Филдинга.

Трагикомическое восприятие мира Теккереем близко мировосприятию романтиков, которые уподобляли жизнь театру. Принцип театрализации жизни воплощается в ранних произведениях Теккерей («Кэтрин», «Барри Линдон»). Наиболее ярко театрализация жизни представлена в «Ярмарке тщеславия», где жизнь – балаган, люди – марионетки, а кукольник – всесильная судьба, дергающая марионеток за нитки. Тема Судьбы, традиционная в романтизме, очень сильно звучит в творчестве Теккерей. «О всесильная Судьба, ты, верховная правительница над нами, жалкими смертными», – восклицает писатель в повести «В благородном семействе» [12]. Для Эсмонда власть судьбы проявилась в любви к Беатрисе, страсти, не контролируемой, не подчиняющейся доводам рассудка.

С романтиками роднит Теккерей интерес к внутреннему миру человека, к сложной психологической жизни личности. Теккерей придавал огромное значение в жизни человека страстям. Любовь-страсть для Теккерей – одна из тех роковых сил, которая правит миром, играя судьбами людей. Множество подтверждений этому Теккерей находит в истории человечества: «Не полна ли история, и до и после Троянской войны, примеров необъяснимой страсти?... Любовью управляет рок, а не воля человека; её возникновение не объяснишь, а её рост не остановишь» [13]. В эстетике романтиков важное место занимала категория мифа. Миф рассматривался как некий сверхобраз, максимально обобщенное выражение природы и человека. Театрализация жизни у Теккерей часто проявляется в её мифологизации. Герои эсмондовской летописи играют старые, давно известные роли. История милорда Каслвуда и «покинутой» им Рэйчел напоминает Эсмонду Париса и Энону, Язона и Медею. Беатрису он сравнивает с Дианой-охотницей, Омфалой и Далилой. Самого себя – с Исавом, переосмысливая библейскую притчу об Исае, отдавшем своему брату Иакову право первородства, свою любовь к Рэйчел – с любовью Иакова к Рахили. А, в конечном счете, история каждого мужчины и женщины восходит к истории Адама и Евы: «Ни одному из сыновей Адама и Евы не избежать того пути любви и страданий, на который впервые ступили их отец и мать... если проследить путь каждого в жизни, непременно найдется женщина, которая или висит на нем тяжелым грузом... или подбодряет и гонит вперед... или протягивает ему яблоко и говорит “Ешь!” или вкладывает в руку кинжал и шепчет “Убей!”» [14]. Теккерей рассматривает любовь как всепоглощающую страсть, движущую устремлениями и поступками человека. Это своеобразный рок и тайна. В подобной трактовке любви он сближается с романтиками и поистине с романтическим пафосом слагает гимн в её честь: «...любовь – блаженство, пред которым все утехи земные не имеют цены; думать о ней – значит славить господа» [15].

Ироническое отношение Теккерей к окружающему часто реализуется с помощью гротеска и пародии. На контрасте великого и низкого, храбрости и подлости, воинского таланта и продажности, бездушности строится образ герцога Мальборо, сочетающий черты правдоподобия и карикатуры. С романтическим гротеском связан прием маски, где утрачивается момент перевоплощения. Маска как чуждая герою социально-психологическая роль, навязанная ему обстоятельствами, – ведущий прием в создании образов Бекки Шарп («Ярмарка тщеславия»), Рэйчел Касвуд, Беатрисы, Марии Каслвуд, героини романа «Виргинцы» (продолжении «Истории Генри Эсмонда»). Игровое начало романа обнаруживает себя в литературной мистификации, каковой можно рассматривать роман «История Генри Эсмонда». Авторство приписывается вымышленному лицу, джентльмену XVIII в. Его записки создают и образ этого мнимого автора, и его стилистическую манеру, соответствующие описываемой эпохе. Сама стилизация под XVIII в. ориентирует нас на очерки Стиля и Аддисона, манере которых Теккерей подражает, когда рассуждает о морали, о женщинах, о человеческой природе и её свойствах. Блестящим образчиком такой стилизации служит листок «Зрителя», где Эсмонд сотрудничает с известными литераторами эпохи. Поэтому писатель обращается к художественным средствам, присущим изображаемой эпохе, создает роман-документ, имитирующий подлинные мемуары.

Таким образом, У. Теккерей творчески переосмысливает традиции романтизма. Творчество Теккерей – синтез жизнеподобных реалистических и условно-игровых романтических форм отражения действительности. Новаторское использование Теккереем жанрово-стилистических традиций просветительского романа содействовало поискам новых путей развития английского реалистического романа XIX в., вместе с тем устанавливало тесную взаимосвязь с принципами просветительского гуманизма.

Примечания

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 132, 256, 277.
2. Демидова Т. Э. Духовное и мирское в «метафорической теме» дороги в «Путешествии пилигрима» Д. Беньяна и «Ярмарке тщеславия» У. Теккерей // Филологические науки. 1993. № 2. С. 107.
3. Бахтин М. М. *Указ. соч.* С. 265.
4. Tilford J. E. *The Love Theme of "Henry Esmond"* // Thackeray: A collection of critical essays / ed. by A. Welsh. N. Y., 1968. P. 145–146; Garson M. *Henry Esmond's Love of Children* // Nineteenth-Century Fiction. 1982.

- № 4. Vol. 36. P. 406; *Ивашева В.* Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. М., 1974. С. 247; *Овчинникова Ф. Г.* История нравов английского общества в романах В. Теккерея 1850-х годов // Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена. 1958. Т. 170. С. 376.
5. *Wheatley J. H.* Patterns in Thackeray's fiction. Cambridge. L., 1969. P. 106–107.
6. *Williams I.* "The History of Henry Esmond": Thackeray's anatomy of a sentimental man // The realist novel in England: a study in Development. L., 1974. P. 156.
7. *Fleishman A.* The English Historical Novel. L., 1971. P. 138–140; *Sinha S. K.* Thackeray: a Study in technique. Salzburg, 1979. P. 146.
8. *Саруханян А.* Исторический роман У. Теккерея // Теккерей У. М. История Генри Эсмонда. М., 1989. С. 470.
9. *Теккерей У. М.* Собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. А. Аникста, М. Лорие, М. Урнова. М., 1974–1980. Т. 2. С. 184.
10. Цит. по: *Colby Robert A.* Thackeray's canvass of Humanity. Columbus, 1979. P. 336, 338.
11. *Теккерей У.* История Генри Эсмонда / пер. Е. Калашниковой. М., 1989. С. 241.
12. *Теккерей У.* Собр. соч.: в 12 т. Т. 1. С. 432.
13. Там же. С. 232.
14. *Теккерей У.* История Генри Эсмонда... С. 372–373.
15. Там же. С. 459.

Notes

1. Bakhtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poehtike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics] // Literaturno-kriticheskie stat'i – The literary-critical articles. M. 1986. Pp 132, 256, 277.
2. Demidova T.E. Duhovnoe i mirskoe v "metaforicheskoy teme" dorogi v "Puteshestvii piligrima" D. Ben'yana i "YArmarke tshcheslaviya" U. Tekkereya [Spiritual and temporal in the "metaphorical theme" of road in the "Pilgrim's Progress" of D. Bunyan and "Vanity Fair" by W. Thackeray] // Filologicheskie nauki – Philology. 1993, № 2, p. 107.
3. M.M. Bakhtin Op. cit. P. 265.
4. Tilford J. E. The Love Theme of "Henry Esmond" // Thackeray: A collection of critical essays / ed. by A. Welsh. N. Y., 1968. P. 145–146; Garson M. Henry Esmond's Love of Children // Nineteenth-Century Fiction. 1982. № 4. Vol. 36. P. 406; *Ivasheva V.* [English realistic novel of the XIX century in its modern sound]. M. 1974. P. 247; *Ovchinnikova F.G.* Istoriya нравов anglijskogo obshchestva v romanah V. Tekkereya 1850-h godov [History of manners of English society in the novels of Thackeray W. of the 1850s] // Uch. zap. Leningr. ped. in-ta im. Gercena – Scient. notes of Leningrad. Ped. Inst named after Herzen. 1958. Vol. 170. P. 376.
5. *Wheatley JH* Patterns in Thackeray's fiction. Cambridge. L., 1969. P. 106–107.
6. *Williams I.* "The History of Henry Esmond": Thackeray's anatomy of a sentimental man // The realist novel in England: a study in Development. L., 1974. P. 156.
7. *Fleishman A.* The English Historical Novel. L., 1971. P. 138–140; *Sinha S. K.* Thackeray: a Study in technique. Salzburg, 1979. P. 146.
8. *Sarukhanyan A.* Istoricheskij roman U. Tekkereya [Historical novel of William Thackeray] // Thackeray W.M. Istoriya Genri EHsmonda – History of Henry Esmond. M. 1989. P. 470.
9. W.M. Thackeray Sobr. soch.: v 12 t. [Coll. Cit.: in 12 vols.] / under gen. ed. of A. Anikst, Lorie M., M. Urnov. M. 1974–1980. Vol. 2. P. 184.
10. Cit. by: *Colby Robert A.* Thackeray's canvass of Humanity. Columbus, 1979. Pp. 336, 338.
11. W. Thackeray Istoriya Genri EHsmonda [Henry Esmond History] / transl. E. Kalashnikova. M. 1989. P. 241.
12. Thackeray W. Sobr. soch.: v 12 t. [Coll. Cit.: in 12 vols.] Vol. 1. P. 432.
13. Ibid. P. 232.
14. Thackeray W. Istoriya Genri Ehsmonda... [Henry Esmond history ...] Pp. 372–373.
15. Ibid. P. 459.

УДК 82-1(2Р)5

К. С. Лицарева

«Всечеловеческая» диалектичность поэзии Яна Райниса

В статье утверждается необходимость новой литературоведческой оценки творчества выдающегося латышского поэта и драматурга Яна Райниса, подчеркивается диалектичность его авторского сознания. Поднимается проблема судьбы национальных литератур в советское и постсоветское время на примере художественного наследия Яна Райниса. Затрагиваются вопросы, связанные с эволюцией мировоззрения писателя и изменением его эстетических установок, а также причины ухода от изображения социальных проблем и более пристального внимания к личным, внутренним переживаниям. Показывается, как повлияло на творчество Яна Райниса его увлечение идеалистическими теориями, марксизмом и учением И. Диггена. В заключение подчеркивается сопричастность жизни и творчества латышского мыслителя и писателя с Вятской землей.

This article states for necessity of the new literary evaluation of the creations of the outstanding Latvian poet and dramaturge Janis Rainis. It stands for the dialectics of his author's sense. It raises the problem of the national literatures in the Soviet and post-Soviet periods showing the artistic heritage of Janis Rainis. The article raises issues connected with the evolution of writer's ideology and changing of his aesthetic policy, as well as reasons for avoiding imaging social problems and more close attention to the personal experience. It shows how the passing for idealistic theories, marxism and Dietzgen influenced Janis Rainis creation. In conclusion it is highlighted the complicity of life and creation of the Latvian thinker and writer with Vyatka.

Ключевые слова: диалектика, интерпретация, Ян Райнис, романтизм, символика, метафоричность, экспрессия, «Диенас лапа».

Keywords: dialectics, interpretation, Janis Rainis, romanticism, symbolism, metaphor, expression, "Dienas lapa".

В 1934 г., выступая на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, Максим Горький назвал Яна Райниса «мощным поэтом» Латвии. Эта характеристика остается удивительно точной и справедливой и в XXI в. Ян Райнис (1865–1929) – величайший национальный поэт мирового уровня, к сожалению, из-за прямолинейной идеологизированности и чрезвычайно односторонней интерпретации потерявший актуальность в последние десятилетия и практически не знакомый современному русскоязычному читателю. Советская литературная критика, высоко оценивая художественную самобытность творчества поэта и драматурга, всё же «втискивала» его в прокрустово ложе революционных настроений конца XIX – начала XX в.: «События 1905 года стали для Райниса главным политическим и идейным центром, без которого его поэзия немыслима, точно так же как борьба латышского пролетариата и крестьянства немыслима вне пафоса и духовного величия, увиденного и воплощенного в ярком и вдохновенном слове поэта. Слово Яна Райниса неразрывно связано с этикой социализма» [1]. «Своим революционным порывом его творчество устремлено к будущему, романтически предвидя светлые перспективы социалистического общества... Народ Райниса – полноправный член братского союза свободных советских народов. Осуществлен боевой девиз поэта: "Свободная Латвия в свободной России!"» [2]

После крушения СССР интерес к национальным литературам практически угас. Может быть, 150-летие со дня рождения яркого поэта, по сути создавшего латышский литературный язык и изобразительный язык искусства Латвии в целом, станет отсчетом создания нового, менее идеологизированного взгляда на интимный дневник (так сам поэт назвал свое художественное творчество) Яна Райниса, позволит дать более объективную оценку его словесному наследию, используя опыт и достижения литературоведения конца XX и начала XXI в.. Известно, что Райнис не признавал никаких компромиссов и реформ капиталистической власти. Он был убежден, что «до самого основания всё новым станет». Он неустанно искал пути и средства развития «новой поэзии», «нового искусства». Он разделял взгляды молодого М. Горького на литературу, которая должна быть и «бичом», и «благородным колоколом». Именно эта двуединая задача обусловила стилевое своеобразие и романтически-экспрессивное начало в творчестве Яна Райниса.

Нельзя отрицать, что мировоззрение Райниса было тесно связано с начальным периодом развития массового революционного движения как в Латвии, так и в России. Напомним, что в конце 80-х гг. XIX в. в Латвии начинает развиваться «Новое течение». В студенческие годы Янис Плиекшанс (будущий Ян Райнис) публикует в революционно настроенной демократической газете «Диенас лапа» свои статьи, а став в 1891 г. ответственным редактором этой газеты, Райнис сближается с «новотеченцами», изучающими марксизм, тесно связанными с рабочими кружками, распространяющими нелегальную литературу. Поэт был убежден, что только «серьезное, методическое мышление» поможет понять «современные перемены, их значение и конечный исход» (литературно-критический очерк «Новейшая французская литература»), что у писателя есть право совершенствовать литературный язык, что «истинно свободное искусство создает только будущее» («Возчик Геншель» (о пьесе Г. Гауптмана)). Новое время требовало новых художественных форм, а для Райниса они были неразрывно связаны с эстетикой идеологии пролетариата. Поэтому основные ее черты – осознание силы и неизбежности перемен, энергия борьбы, радостное предчувствие изменений, вера в правильность революции, высота человеческого духа – всё это найдёт воплощение в романтическом пафосе его произведений, в метафорическом языке, в образной системе, отличающейся метафоричностью и экспрессией.

Безусловно, Ян Райнис как выдающийся художник, чуткий мыслитель, теоретик искусства, глубокий философ ясно осознавал, что старыми художественными приемами, используемыми реалистами, не отразить точно и правдиво современную историческую ситуацию. Революционные предчувствия, нацеленность на поиск новых форм, новой художественной системы вносили в его творчество героический принцип органического единства, страстное утверждение ново-

го свободного сильного человека-героя. Но, как и когда наступят революционные перемены, Райнис, впрочем, как и все, не знал, поэтому облачал свои произведения в аллегорические сказки, метафорические легенды и т. п., пытаясь пробудить в читателях действенное отношение к жизни, духовную силу, активность, смелость:

Дари свой труд, но сил приумножением
Сам ведай, каждый миг живя борьбою.
Тогда ты сам – владыка поля боя,
Хозяин своего вооружения...

Сам бейся, сам суди и сам твори,
Сам дверь себе для счастья отвори. [3]

Или в стихотворении «О мелочах» (1908):

В будничных мелких делах
Да не забудем о звёздах!
В копоты мы и в пыли,
Светел зато небосвод!

Мелочи для мелочей
Душу мельчат человеку.
Только великая цель
Смысл придает мелочам. [4]

Гимназические стихи («Не отчаиваться!», «Духу ни вперед, ни ввысь», «Сердце изгрызла горечь сомнений» и другие), а также студенческие дневники и литературные опыты тех лет («Юношам», «Он это знал», «Сердце холодное, сердце гордое» и другие) позволяют утверждать, что наряду с формированием образа идеального человека-гуманиста в авторском сознании формируется тяга к внутренним противоречиям, постоянная неудовлетворенность собой, невозможность соответствовать возвышенной цели; крайняя самокритичность и взыскательность. Именно из склонности к внутреннему разладу и желанию соответствовать идеалу художника и человека и возникает оригинальная, самобытная диалектичность поэзии Яна Райниса. Так, в сохранившемся черновике письма Ян Райнис раскрывает секреты замысла и создания философской драмы, драмы идеи «Огонь и ночь» (1905), отличающейся сложной символикой и художественным новаторством. «Я хотел отобразить идеи в их диалектическом развитии... Этому я придаю особое значение, это я бессознательно нашел в своем труде... Принцип развития надо применять в поэзии, только тогда в искусстве можно выразить движение (материальное и духовное) масс, тогда появится так называемое новое искусство, которого так ищут» [5]. Как отмечали исследователи творчества Райниса, перед началом Первой мировой войны поэт все чаще уходит от изображения социальных проблем и более пристально всматривается в личные, интимные переживания. И одной из причин таких изменений можно назвать увлечение различными идеалистическими теориями, желание пересмотра ряда идей марксистской философии и усовершенствование марксизма учением И. Дицгена, не отвергавшего классовой борьбы, но доказывавшего значительную роль духовного фактора в истории, необходимость морального совершенствования. Пролетариат должен обладать высокими моральными качествами и твердостью идейных убеждений. В 1915 г. в письме к большевику Паулю Дауге, своему другу, Ян Райнис писал: «Любовь также движущая сила истории: она в этом отношении родственна интеллекту, духу, героизму. Исторический материализм правилен в своей основной концепции, но он недостаточно оценил эту духовную силу. Объясняется это диалектически: исторический материализм возник как антагонизм против старого идеализма, но синтеза еще не мог дать. Синтез возникает лишь теперь, когда мы видим силу развития духа» [6]. Райнис как тонкий лирик и верный сын своего народа пытается решить вопрос о соотношении человека и человечества, показывая ретроспективно движение от «предпочтения целого» к «мелкой частице» в стихотворении «Вопрос»:

Да, человечество больше,
Чем человека, любил я...
...Нам человечества мощь
Лишь в человеке видна. [7]

Личность – элементарная частица народной массы, но от ее качества, от ее устремленности зависит в итоге качество и ценность самого народа. Яна Райниса всегда отличал, по его собственному определению, «здоровый фанатизм», который он сохранял в тюрьмах Паневежиса, Лиепая и Риги; и ссылках в Пскове и Слободском, и в эмиграции – это право человека на свободу творчества, выбора, на высокое служение истине и искусству.

В истории, как и в жизни, случаются невероятные переплетения встреч и событий. Так, навсегда Вятская земля связана с именем Яна Райниса, который с июня 1899 по май 1903 г. отбывал ссылку в Вятской губернии в уездном городе Слободском. И никакие политические метания, к счастью, никогда уже не смогут разорвать эту прочную связь, навеки запечатленную в лирике удивительного латышского поэта Яна Райниса, подарившего своему народу бессмертие в величайшем из искусств – поэзии:

...А он ушел с душой открытой, светлой,
Подобной солнцу утренней порой,
Стремясь вперед за свежим, вольным ветром.
(«Равнодушные», между 1899 и 1902, Слободской) [8]

Примечания

1. Виесе С. Поэзия Яна Райниса // Ян Райнис. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние. 1981. С. 3.
2. Краулинь К. Ян Райнис. М., 1957. С. 5.
3. Райнис Я. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние. 1981. С. 59.
4. Там же. С. 177.
5. Краулинь К. Указ. соч. С. 79.
6. Там же. С. 134–125.
7. Райнис Я. Указ. соч. С. 204.
8. Там же. С. 73.

Notes

1. Viesse S. Poehziya YAna Rajnisa [Poetry of Janis Rainis] // YAn Rajnis. Izbrannye proizvedeniya – Janis Rainis. Selected Works. Leningrad. Sov. writer. Leningrad Dep. 1981. P. 3.
2. Kraulin K. YAn Rajnis [Janis Rainis]. M. 1957. P. 5.
3. J. Rainis Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. L. Sov. writer. Leningrad. Dep. 1981. P. 59.
4. Ibid. P. 177.
5. Kraulin K. Op. cit. P. 79.
6. Ibid. Pp. 134–125.
7. Rainis J. Op. cit. P. 204.
8. Ibid. P. 73.

УДК 811.161.1'33:801.81

М. Н. Осадчая

Модель автоинтертекстуального смыслообразования в художественном дискурсе О. Мандельштама

Исследование прагматического потенциала дискурсивно обусловленных номинаций опирается на понимание их когнитивной природы, моделируемой в процессе смыслообразования. Выявленные интертекстуальные связи различных текстов, созданных одним автором, понимаются как автоинтертекстуальность, свойственная индивидуально художественному дискурсу и рассматриваемая в числе прагматически нагруженных дискурсивных авторских приёмов. На материале художественных текстов О. Э. Мандельштама, рассматриваемых нами в качестве материально зафиксированного результата дискурсивной деятельности авторского языкового сознания, выявлены примеры автоинтертекстуальности, обеспечивающей как особое средство прагматического плана авторского художественного дискурса возможность прочитывания подтекстового смысла. В авторском художественном дискурсе номинирование имеет ценностно-смысловое основание. Соответственно, ценностные ориентиры языковой системы, заданные особенностями этноязыкового сознания как коллективного феномена, преломляются под «деформирующим» воздействием системы ценностей конкретного автора, обуславливая особенности его индивидуального языкового сознания.

Pragmatic potential of discursive naming is determined by discourse and cognitive factors, which are generated by process of meaning-making. Found intertextual relations of different texts, which are generated by the same author, are described as autointertextuality. Individual artistic discourse autointertextuality is described as pragmatically actualized instrument of author's discourse. Literary texts are considered as real result of mental-discursive activity of author's artistic discourse. In O. E. Mandelstam's literary discourse we consider examples of autointertextual naming, which provide ability to recognize deep meaning. Author's artistic discourse has axiological-meaning basis for naming. Therefore, axiological markers of language are defined within features of ethnos-linguistics' consciousness as common phenomenon. So, author's linguistic consciousness is refracted by deforming influence of author's scheme of values.

Ключевые слова: художественный дискурс, когнитивные структуры, автоинтертекстуальность, концептуализация образа, смыслообразование.

Keywords: artistic discourse, cognitive structure, autointertextuality, conceptualization of image, meaning-making.

Введение. Исследование художественного дискурса как когнитивно-коммуникативного явления отвечает задачам антропоцентристского подхода к изучению индивидуальной «составляющей» в функционировании языка. Действительно, «дискурс соединяется с языком», поскольку языковую систему составляют «следы предшествующих конструкций, как комбинации языковых элементов, уже сформулированные в прошлых дискурсах» [1]. Дискурсивная деятельность представляет собой индивидуально обусловленный способ функционирования языка, при этом дискурс понимается как среда, в которой взаимодействуют язык и сознание человека. Соответственно, художественный текст рассматривается нами как зафиксированный результат дискурсивной деятельности автора; деятельности коммуникативно ориентированной, и при этом представляющей собой процесс вербализации когнитивных структур языкового сознания автора. Индивидуальная «ментальная деятельность подвергается влиянию сопутствующих процессов: очевидно, что это мысли, память, желания и мотивация» [2], следовательно, в авторском дискурсе коррелируют когнитивные и психологические процессы. Исследование художественного текста как результата «эстетической речевой деятельности» базируется на том основании, что индивидуальная организация «психической деятельности изоморфна структуре речевой деятельности» [3], соответственно, художественный дискурс можно рассматривать как особую психологическую реальность, в которой протекает творческая деятельность автора. Коммуникативно-деятельностный подход позволяет исследовать дискурс как особую лингвоментальную среду реализации языкового сознания – и продуцирующего текст, и воспринимающего текст в ходе авторской саморефлексии.

Дискурсивная деятельность автора генерируется особой установкой авторского сознания, активирующей «дискурсивную» открытость к самовыражению. Импульсом для порождения художественного дискурса помимо динамики в авторской концептуализации фрагментов окружающего мира рассматривается и весь комплекс экстралингвистических и личностно обусловленных факторов: психологических аспектов творчества, социального и биографического фона, историко-культурных реалий. Индивидуальный опыт и ментальные установки, эмоции и намерения – всё это не поддаётся строгой формализации, поэтому авторское мировидение проявляет себя в продуцировании оценочных смыслов, представляющих собой своеобразную «идиостилю» корректировку вербализации художественных образов.

Для художественного дискурса индивидуализированно-авторский посыл к читателю – это один из факторов авторской прагматики, если понимать дискурс как «коммуникативное событие между креативным (производящим) и рецептивным (принимающим) сознаниями» [4]. С данной позиции можно утверждать, что «дискурс сам предполагает и создаёт своего идеального адресата» [5], поскольку он является особой средой, способной порождать образы в другом сознании – воспринимающем, и тем самым получающем возможность смыслообразования в ходе чтения текста. Именно для художественного дискурса значима особая ориентация авторского языкового сознания на «универсальный художественный опыт» [6]. Соответственно, когнитивная основа смыслообразования имеет при этом неизбежно дискретный и сугубо личностный характер: языковое сознание конкретного человека не может включать всё открытое множество художественных текстов как составляющих этого «фона».

Обусловленная данными факторами смысловая неисчерпаемость и непредсказуемость подтверждает исследовательскую значимость соотношения категорий значения и смысла. Действительно, конвенциональная основа языковых значений составляет «каркас» этноязыкового сознания, в основе же порождения смыслов лежит «спрессованный» личностный опыт. Смысловое пространство художественного дискурса конденсирует влияние субъективных особенностей, в числе которых нюансы авторского мировоззрения и его ценностных приоритетов. Поэтому в

данном исследовании применительно к описанию ведущих категорий художественного дискурса смысл рассматривается как «ментальное содержание, связывающее когнитивное и языковое сознание» [7]. Поскольку «творчество всегда связано с изменением смысла» [8], то и восприятие, и порождение художественного текста требует каждый раз нового выявления смысла. Обеспечивается же возможность смыслообразования всей совокупностью прагматических средств художественного дискурса.

Методика. Разработка методики когнитивно-прагматического моделирования художественного дискурса О. Мандельштама базируется на понимании художественного текста как продукта дискурса, генерирующего вербализацию когнитивных структур и образов авторского сознания. Учитывается и тот факт, что когнитивная основа индивидуально-авторских номинаций и их прагматическая значимость взаимообусловлены как составляющие единого речемыслительного процесса. Механизмы языкового сознания, активируемые авторскими интенциями, определяют отбор прагматически «нагруженных» языковых единиц. Дискурсивная среда таким специфически-авторским средствам номинации задаёт дополнительные смысловые векторы, тем самым расширяет их прагматический потенциал. Соответственно, можно говорить об интенциональности, присущей дискурсу как особой ментальной среде. Таким образом, согласно Н. Н. Семененко, интенциональность дискурса понимается как «влияние событийного фона и прагматики дискурса» [9], которое и обуславливает смысловые приращения готовых языковых знаков, попавших в дискурсивное пространство.

В данном исследовании под когнитивным моделированием понимается выявление типовых структур, возникающих в ходе формализации категорий, механизмов и процессов деятельности языкового сознания по преобразованию образов сознания в вербализованную форму. Данная лингвокогнитивная деятельность выступает как собственно дискурсивная, «достраивающая» к концептуальной основе постоянно новые аксиологически обусловленные прагматические элементы, структурированные в соответствии с устойчивыми фреймовыми «узлами».

Когнитивное моделирование осуществляется в последовательной реализации следующих исследовательских шагов, позволяющих определить дополнительные смысловые приращения использованных автором языковых знаков в ходе анализа когнитивной основы уникальных авторских номинаций:

1. Определение когнитивно-дискурсивной основы авторских репрезентаций в микроконтекстах исследуемого дискурса.

- 1.1. Выявление характера дискурсивной интенции, определяющей конфигурацию репрезентированных когнитивных структур.

- 1.2. Определение характера когнитивной интеграции в ходе смыслопорождения.

- 1.3. Определение субъективной/объективной основы ценностной репрезентации.

2. Выявление и обоснование прагматически значимых интертекстуальных доминант, репрезентированных средствами лексики и знаков косвенно-производной номинации.

3. Определение влияния фактора поликультурных аллюзий на интерпретацию дискурсивно обусловленных смысловых приращений.

Основная часть. Характерная для художественного дискурса Осипа Мандельштама усложнённая образность, намеренная фрагментарность изложения и частые нарушения нормативных смысловых связей в синтагматических отрезках текстов способствуют проявлению особой прагматики в его художественном дискурсе. В то же время данные особенности текстов Мандельштама актуализируют необходимость когнитивно-прагматического подхода к исследованию его художественных текстов как продукта дискурсивной деятельности.

Выявление и анализ индивидуально-авторских номинаций как «эксплицитного» результата творческой деятельности автора позволяет определить репрезентированные когнитивные структуры, рассматривая авторское языковое сознание как «индивидуально упорядоченную совокупность когнитивных моделей» [10]. Как вербализованный результат деятельности языкового сознания автора, уникальные авторские номинации, немотивированные на первый взгляд, могут получить объяснение, если исходить из понимания деятельности языкового сознания автора как аксиологически обусловленной. В терминах когнитивистики, индивидуально-авторские номинации свидетельствуют о «когнитивной работе» индивидуального языкового сознания в процессе рефлексивного переосмысления того, что для автора ценностно значимо.

Например, часто сходные комплексы лексических единиц в разных фрагментах художественного дискурса Мандельштама формируют узнаваемые микроконтексты, в когнитивном плане организованные индивидуальными наслоениями в концептуализации «Поэзии» и образа Поэта. Такая устойчивая вербализация позволяет выявить вовлечённость именованного явления в сферу интересов автора. Образ живущего в обществе и не принятого им Поэта-изгнанника, пытающегося вклю-

читься в энтузиазм общественной жизни, неоднократно представлен в контекстах произведений позднего творчества Мандельштама, вербализующих идею 'жизнь подобна смерти':

*Помоги, Господь, эту ночь прожить,
Я за жизнь боюсь, за твою рабу...
В Петербурге **жить** – словно **спать в гробу** [11].*

В традиционной русской лингвокультуре концепты «Жизнь» и «Смерть» воспринимаются как «изначально нерасчленимые в соответствии со своей взаимоопределяемой природой» [12], поэтому в таком дискурсивном их отождествлении видится намеренная апелляция к общекультурным ценностям, использованная как эксплицитный прагматический посыл:

*Листаю книги в глыбках подворотнях,
И **не живу**, и всё-таки **живу** [13].*

Тексты написаны с разницей в месяц, в короткий период очередной попытки Мандельштама «вписаться» в советское общество. А через четыре года автор сам подведёт итог этому периоду: «Я должен **жить**, хотя я **дважды умер**» [14]. Очевидно, что интеграция концептов «Поэт-Изгнанник» и «Общество» вербализована в схожих контекстах. Поэтому вполне допустимо рассмотрение последнего фрагмента как интертекстуально связанного с вышеприведёнными, которые и объясняют прежнее *умирание* автора. Интертекстуальность рассматривается как черта, неизбежно присущая художественному дискурсу, ориентированному на нетривиальное словесное облачение авторской идеи, когда «дискурсивные аномалии могут быть разрешены только за счёт выхода в другой текст» [15]. Соответственно, в художественном дискурсе автора интертекстуальные связи с его собственными текстами можно рассматривать как автоинтертекстуальные.

Интересно, что тот же концепт «Поэт-Изгнанник», реализованный в дискурсе Мандельштама в контекстах, когда поэт в духовной изоляции существует фактически вне общества, репрезентируется в иной когнитивной модели. Репрезентация когнитивной интеграции во фреймовой модели, включающей концепты «Поэт-Изгнанник» и «Одиночество», формирует прагматический смысл 'вне общества не одинок, поскольку сам с собой', демонстрируя самодостаточность благодаря внутреннему раздвоению. При этом раздвоение на две взаимообусловленные составляющие – 'сам себе «ведущий» и «ведомый»'. Это отчётливо видно при сопоставлении микроконтекстов в следующих примерах, также устойчиво перекликающихся в разные годы:

(1937 г.) *Сам себе немил, неведом, / И **слепой**, и **поводырь** [16].*

(1909 г.) *Я и **садовник**, я же и **цветок**. / В темнице мира я не одинок [17].* В когнитивной структуре образных контекстов, вербализующих концепты «Поэт-Изгнанник» и «Одиночество», меняется лишь набор слотовых элементов того же фрейма «Внутреннее раздвоение». При этом денотативная основа авторских именовании размыта, поскольку лексические номинации *садовник, цветок, слепой, поводырь* не столько метафоризируют образ поэта, сколько попарно репрезентируют ментальную модель 'сам себе «ведущий» и «ведомый»'. Более подробную интерпретацию данной модели находим в тексте статьи 1910 г. о Ф. Вийоне: «...лирический поэт по природе своей **двуполое существо**, способное к бесчисленным расщеплениям во имя **внутреннего диалога** <...> разнообразный подбор очаровательных дуэтов: *огорчённый и утешитель, мать и дитя, судья и подсудимый, собственник и нищий*...» [18]. Для Мандельштама из немногих известных фактов биографии средневекового поэта особенно значимо неприятие Вийона обществом (анализируемый контекст как раз является фрагментом описания тюремного заточения Вийона). Очевидно, что в данном случае различные в словесном оформлении образы художественных текстов вербализуют единую смысловую модель, и при этом маркируют доминантные дискурсивные средства авторского языкового сознания.

Для исследования автоинтертекстуальности как прагматического средства художественного дискурса продуктивно выявление когнитивно-дискурсивной основы авторских репрезентаций и в таких контекстах, где лексические средства номинации можно трактовать как почти совпадающие, однако наблюдается репрезентация различных когнитивных элементов. Показательный пример уникальной авторской концептуализации обнаруживается при сопоставлении различной когнитивной основы авторских контекстов, когда в лексических номинациях очевидны переклички и прямые совпадения: «В тексте ещё **рукоплещет раёк**, но Яхонтов уже показывает **гайдуков с шубами** или **мёрзнувших кучеров**, раздвигая картину до цельного **театра**, с площадью и морозной ночью» [19]. Прагматический смысл и хвалебный пафос контекста (как и всей статьи в целом) адресованы актёру В. Яхонтову. В другом фрагменте более раннего текста Мандельштама 1914 г. сценарный фрейм «Театр» реализован с тем же слотовым заполнением: повторены «персонажи» театральной площади к моменту завершения представления. Однако в когнитивном плане наблюдается вербализация иной концептуальной основы: в поздней статье коннотативно осмыслено актёрское мастерство, но не театральное действо. И данная концептуализация в прозаическом микроконтексте «Лицедейства» и «Игры» показывает, что Мандельштам лишь использовал позже в статье образный ряд своего же раннего стихотворного текста 1914 г.:

... Громоздкая **опера** к концу идёт.
 С тяжёлыми **шубами гайдуки**
 На мраморных лестницах ждут господ.
 <...> Ещё **рукоплещет в райке** глупец,
Извозчики пляшут **вокруг костров**... [20]

В этой ранней поэтической зарисовке как раз интеграция концептов «Театр» и «Праздник» выступает основой авторской номинации во фреймовой структуре «Мир обыденный – Мир театральный». Показателен в приведённых примерах тот момент, что лексические повторения репрезентируют разные когнитивные структуры, соответственно средством интертекстуальным их считать нет достаточных оснований.

При этом совпадения словесных комплексов в разных произведениях Мандельштама иногда позволяют объяснить аллюзии в произведениях, не поддающихся расшифровке в силу бессюжетности их нарративной структуры. Например, необъясним текст известной «сталинской оды», трактуемой как хвалебное воспевание вождя, но непонятное и лишённое синтагматической связности в общепринятом смысле. В выявлении когнитивной интеграции концептов «Вождь» и «Указание – Повеление» кроется возможность объяснить коннотации и раскрыть прагматическую направленность:

Когда б я **уголь** взял для высшей похвалы,
 Для радости **рисунка непреложной**,
 Я б воздух **расчертил** на острые углы [21].

В данном фрагменте текста оды вербализована та же когнитивная основа, что раньше появлялась в упомянутой выше статье об актёре Яхонтове: «...в то время как режиссёр Владимирский зорко следит за игрой вещами, подсказывая Яхонтову **рисунок** игры – до такой степени **чёткий** и математически **строгий**, словно он сделан **углем**» [22]. Следует учитывать и внеязыковую обусловленность имплицитной негативной коннотации образа: для художника уголь – это материал для исполнения черного наброска, от схематичных линий которого и не требуется плавности точного контура: *воздух расчертил на острые углы*. Наблюдаемая ментальная структура, вербализованная в данном контексте, в своей основе представляет тот же фреймовый узел «Вождь – Указание / Схема – Подчинённый / Исполнитель», интерпретированный и в другом микроконтексте этой же статьи: [о Яхонтове] «...учится у великих мастеров организованной речи, чтобы **дать** массам **графически точный** и сухой **рисунок**, рисунок движения и узор слова» [23]. При этом важным и прагматически значимым слотом в данной фреймовой модели является образ режиссёра (вождя), указывающего точные направления. В статье Мандельштам не упоминает о том, что этот же актёр Яхонтов к юбилеям революции в качестве режиссёра готовил грандиозные, прославляющие Сталина постановки. Думается, именно эта биографическая деталь может предполагаться стимулом, позволяющим объяснить смысл контекста. Когнитивная интеграция в концептуализации «Наброска – Указания к исполнению» связывает образы Режиссёра и Вождя как единый слот, не вербализованный, однако, в позднем и необъяснимом тексте «Оды». Именно когнитивный анализ позволяет восстановить основания подтекстовой «скрытой» информации.

Рассмотренные примеры автоинтертекстуальных переключек объяснимы только как результат вербализации ментальной основы. Очевидно, что дискурсивная интенция как фактор, обеспечивающий прагматическую значимость элементов текста, обеспечивает актуализацию глубинных смыслов, переформируя когнитивную структуру. Актуализированные таким образом определённые элементы когнитивной модели способствуют прочтению подтекстовой информации, индуцируя дополнительные смысловые приращения как дискурсивно обусловленную «надстройку» к конвенциональным значениям использованных лексических средств. Тем самым проецируется в явном или имплицитном виде постоянное взаимодействие противоположных факторов – общепринятого понимания использованных языковых единиц и субъективно подразумеваемого смысла.

В текстах последнего периода творчества Мандельштама большинство использованных лексем функционирует, предельно отклоняясь от значения, конвенционально закреплённого в языковой системе. В подобных случаях в процессе смыслообразования неизбежны аллюзивные попытки соотнести лексические единицы замысловатых контекстов с прежними фрагментами ранних авторских именовании. Такие автоинтертекстуальные доминанты позволяют выстроить сугубо «мандельштамовскую» систему семантических аллюзий. Так, в той же оде, воспевающей Сталина, есть текстовые фрагменты, почти целиком состоящие из набора автоинтертекстуальных повторов:

Глазами Сталина раздвинута гора
 И вдаль **прищурилась равнина**.
 Как море **без морщин**, как завтра из вчера –
 До солнца борозды от плуга исполина [24].

Коннотации данного контекста определить невозможно вне анализа множества фрагментов прежнего творчества Мандельштама. Например, дискурсивно обусловленные дополнительные смысловые приращения для *равнины* в дискурсе Мандельштама объяснимы прежним негативным авторским восприятием воронежской равнинной местности как места своей ссылки:

*Что делать нам с убитостью равнин,
С протяжным голодом их чуда* [25].

Интересно, что данная концептуальная интеграция собственной «Нереализованности» и «Одиночества» номинируется словесным комплексом, всегда включающим различные дериваты лексемы *чудо* (в неоднократно перефразированных пугающих контекстах *чудо* ассоциативно связывается со словом *чудовище*):

*И всё утюжится, плотится без морщин
Равнины дышащее чудо <...>
Его прищур спокоен и утешен* [26].

Автора на равнинах настораживает то, что мы открытостью в них мним [27], Мандельштам представляет тем самым *равнину* и открытое пространство опасным, и, соответственно, себя – беззащитным, открытым для надзора. Простор вместо положительно коннотированного пространства, что типично для русской лингвокультуры, предстаёт для Мандельштама пустотой, негативно окрашенной из-за отсутствия событий и достойных собеседников. Подобные интертекстуальные переключки с их отклонениями от общепринятых коннотаций функционируют как прагматическое средство дискурса. Выявление же прагматического потенциала дискурсивных единиц как своеобразной опоры для смыслообразования в текстах поздних произведений Мандельштама требует вовлечения всего макроконтраста его творчества. Поэтому, по нашему мнению, аллюзивные отсылки к прежде встречавшимся своим же текстам можно рассматривать и как намеренный авторский приём.

Выявленные примеры вербализации значимых концептуальных структур посредством набора узнаваемых вербальных комплексов позволяют утверждать, что в дискурсивной деятельности языковое сознание автора, функционируя, накладывает на речепорождение своеобразный «отпечаток» индивидуального опыта собственной дискурсивной деятельности. Авторское языковое сознание «замкнуто» на собственных текстах, чем и обусловлена та индивидуальная специфика, которую приобретает общезыковая картина мира у отдельного автора. При этом интерференция в семантике дискурсивных номинаций обусловлена и обеспечивается «прагматическим спектром синергетики художественного дискурса» [28], следовательно, смысловой потенциал слова индуцируется самой средой художественного дискурса.

Номинативная авторская избирательность задана спецификой авторского языкового сознания, поскольку «непосредственное личностное восприятие “фильтруется” с помощью нормативно-ценностного элемента сознания» [29]. Соответственно, прагматическая составляющая дискурсивной деятельности выражает «вектор оценки» в индивидуальной системе ценностей. Наше исследование показывает, что особенности уникального психологического опыта отдельной языковой личности и авторская система ценностей выступают как корректирующий фактор в процессе смыслообразования.

Выводы. Художественный дискурс понимается как особая текстопорождающая среда, в которой авторские номинации обретают смысловые «приращения», становясь специфическими дискурсивными знаками, определяющими своеобразие прагматики художественного дискурса. Выявление и анализ реализованных в художественном дискурсе прагматических средств опирается на понимание их когнитивной природы, поскольку «дискурсивная ситуация предполагает обращение к когнитивному множеству собеседника» [30]. Таким образом, когнитивная и коммуникация тесно связаны, и художественный дискурс, как особая среда реализации языкового сознания, в своём прагматическом плане отражает динамику когнитивных и аксиологических структур, моделируемых в процессе смыслообразования. При этом важным является тот факт, что ментальная репрезентация сама и формируется в этом лингвокогнитивном процессе.

Когнитивно-прагматический анализ художественного дискурса позволяет фиксировать в ментальном пространстве авторского дискурса репрезентации устойчивых когнитивных моделей индивидуальной конфигурации, присущих миру художественного дискурса конкретного автора. Соответственно, этим когнитивным фактором обусловлена особенность художественного дискурса отдельного автора, связанная с авторским «погружением» в непрерывное пространство собственного творчества. Средством прагматического плана, позволяющим выявить данную специфику эстетической речемыследеятельности, выступают автоинтертекстуальные отсылки к фрагментам собственных произведений. Погружение языкового сознания автора в пространство текстов (как уже созданных им, так и формирующихся в замысле), думается, можно

считать системным свойством авторского художественного дискурса. Автоинтертекстуальность, таким образом, выступает как особое средство прагматического плана художественного дискурса, позволяющее в лингвокреативной деятельности выразить прагматическое сопряжение индивидуально-авторской оценочности и коннотативной семантики использованных лексических средств, в дискурсивной среде получающих уникальные смысловые приращения.

Примечания

1. Серию П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ Прогресс, 1999. С. 40.
2. Bara Bruno G. Cognitive pragmatics: the mental processes of communication. Cambridge: MIT Press, 2010. P. 262.
3. Пищальникова В. А. Проблема смысла художественного текста: психолингвистический аспект. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1992. С. 14.
4. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М.: ИЦ «Академия», 2008. С. 273.
5. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 674.
6. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. С. 90.
7. Озерова Е. Г. Русский лирикопрозаический текст: дискурсивно-когнитивный аспект. Белгород: ИПК НИУ БелГУ, 2012. С. 72.
8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1986. С. 261.
9. Семенов Н. Н. Русские пословицы: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2011. С. 336.
10. Бутакова Л. О. Отношения «автор – текст» и построение модели авторского сознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул, 2000. С. 19.
11. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Стихотворения. Проза. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. С. 44.
12. Там же. С. 55.
13. Там же. С. 89.
14. Семенов Н. Н. Указ. соч. С. 29.
15. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности. М.: КомКнига, 2007. С. 19.
16. Мандельштам О. Э. Указ. соч. С. 109.
17. Мандельштам О. Э. Указ. соч. Т. 1... С. 37.
18. Там же. С. 173.
19. Мандельштам О. Э. Указ. соч. Т. 2... С. 461.
20. Мандельштам О. Э. Указ. соч. Т. 1... С. 99.
21. Мандельштам О. Э. Указ. соч. Т. 3. С. 101.
22. Мандельштам О. Э. Указ. соч. Т. 2. С. 461.
23. Там же. С. 460.
24. Мандельштам О. Э. Указ. соч. Т. 3. С. 114.
25. Там же. С. 111.
26. Там же. С. 110.
27. Там же. С. 111.
28. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 250.
29. Бутакова Л. О. Указ. соч. С. 20.
30. Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М. Языки славянской культуры. 2005. С. 41.

Notes

1. Serijo P. Kac chitajut texty vo Franciji [Text reading in France] // Quadrature of meaning: French school of discourse analysis. Moscow. OAO IG Progress. 1999. P. 40.
2. Bara Bruno G. Cognitive pragmatics: the mental processes of communication. Cambridge. MIT Press. 2010. P. 262.
3. Pishchal'nikova V. A. Problema smysla chudozhestvennogo teksta: psychollingvisticheskiy aspekt [A problem of meaning literary text: psycholinguistic aspect]. Novosibirsk. Novosibirsk State University. 1992. P. 14.
4. Tjupa V. I. Analiz chudozhestvennogo teksta [An analysis of literary text]. Moscow. Publishing centre "Academy". 2008. P. 273.
5. Stepanov J. S. Jazyk i method. K sovremennoj filosofiji jazyka [A language and method. Revisiting modern philosophy of language]. Moscow. Languages of Russian culture. 1998. P. 674.
6. Chumak-Zhun I. I. Poeticheskij text v russkom lirichescom discursе contca XVIII – nachala XXI vekov [Poetic text in lyric discourse of fin. XVIII – XXI centuries]. Belgorod. Belgorod State University. 2009. P. 90.
7. Ozerova E. G. Russkij lirikoprozaicheskij text: discursivno-cognitivnyj aspekt [Russian lyric-prose text: discursive and cognitive aspects]. Belgorod. Belgorod State University. 2012. P. 72.

8. Bachtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorчества* [Esthetic of word's art]. Moscow. Art. 1986. P. 261.
9. Semenenko N. N. Russian proverbs: functions, semantics, pragmatics. Stary Oskol: Publishing house ROSA. 2011. P. 336 p.
10. Bytakova L. O. Otnoschenija "avtor – text" i postrojenije modeli avtorskogo soznanija [Relations "author – text" and modeling author's consciousness] // *Language's being of and ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects*. Barnaul. 2000. P. 19.
11. Mandelstam, O. E. *Sobranije sochinenij v 4-h tomah. Poezija i proza. T. 3.* [Collected works issued in four volumes. V. 3. Poesy and prose]. Moscow. Art-Business-Center, 1994. P. 44.
12. Mandelstam, O. E. Op. cit. P. 55.
13. Mandelstam, O. E. Op. cit. P. 89.
14. Semenenko N. N. Op. cit. P. 29.
15. Fatejeva N. A. Intertext in the world of texts: counterpoint of intertextuality. Moscow. KomKniga. 2007. P. 19.
16. Mandelstam, O. E. Op. cit. P. 109.
17. Mandelstam O. E. *Sobranije sochinenij v 4-h tomah. Poezija i proza. T. 1.* [Collected works issued in four volumes. V. 1. Poesy and prose]. Moscow. Art-Business-Center, 1994. P. 37.
18. Mandelstam, O. E. Op. cit. P. 173.
19. Mandelstam O. E. *Sobranije sochinenij v 4-h tomah. Poezija i proza. T. 2.* [Collected works issued in four volumes. V. 2. Poesy and prose]. Moscow. Art-Business-Center, 1994. P. 461.
20. Mandelstam O. E. *Sobranije sochinenij v 4-h tomah. Poezija i proza. T. 1.* [Collected works issued in four volumes. V. 1. Poesy and prose]. Moscow. Art-Business-Center, 1994. P. 99.
21. Mandelstam, O. E. *Sobranije sochinenij v 4-h tomah. Poezija i proza. T. 3.* [Collected works issued in four volumes. V. 3. Poesy and prose]. Moscow. Art-Business-Center, 1994. P. 101.
22. Mandelstam O. E. *Sobranije sochinenij v 4-h tomah. Poezija i proza. T. 2.* [Collected works issued in four volumes. V. 2. Poesy and prose]. Moscow. Art-Business-Center, 1994. P. 461.
23. Mandelstam, O. E. Op. cit. P. 460.
24. Mandelstam, O. E. *Sobranije sochinenij v 4-h tomah. Poezija i proza. T. 3.* [Collected works issued in four volumes. V. 3. Poesy and prose]. Moscow. Art-Business-Center, 1994. P. 114.
25. Mandelstam, O. E. Op. cit. P. 111.
26. Mandelstam, O. E. Op. cit. P. 110.
27. Mandelstam, O. E. Op. cit. P. 111.
28. Alefirenko N. F. «Zhivoje» slovo: problemy funkcional'noj lingvistiki [A "living" word: problems of functional linguistics]. Moscow. Flinta: Nauka. P. 250.
29. Bytakova L. O. Op. cit. P. 20.
30. Jocojama O. B. *Cognitivnaja model' discursa i russkij porjadok slov* [Cognitive model of discourse and Russian word order]. Moscow. Languages of Slavic culture. 2005. P. 41.

УДК 882/09

Н. В. Алексеева

«Ункарада» А. Ремизова – Н. Рериха: автономность и взаимопроникновение слова и краски

В статье исследуется проблема самодостаточности (автономности) и взаимопроникновения разных видов искусств. Материал исследования – «Трагедия о Иуде, принце Искаротском» А. Ремизова, картина Н. Рериха «Ункарада», «подпись» к картине «Ункарада» и одноименный лирический этюд из цикла «Жерлица дружинная» А. Ремизова. В анализе диалогических отношений наряду с традиционным литературоведческим инструментарием используется понятие «двойного кода» Р. Барта. Рассматриваются индивидуально неповторимые, специфически присущие литературе и живописи пути и средства изображения. При этом всякий раз под пером Ремизова и кистью Рериха рождается новое самодостаточное произведение искусства. В картине Н. Рериха Ункарада, героиня из «Трагедии о Иуде...», обрела характер романтически возвышенного символа. «Подпись» и лирический этюд Ремизова нагружают ее новыми смыслами. За рериховским романтизированным «ликом древнего Севера» вставал осязаемый образ ремизовской многострадальной Руси. Проведенный анализ убеждает в том, что эстетическое двуединство диалога Ремизова – Рериха приводит к взаимообогащению живописного и словесного «языков» художественной культуры.

The article deals with the problem of the self-sufficiency (autonomy) and interpenetration of different types of arts. The object of investigation is A. Remizov's "Tragedy of Judas Iscariot Prince", N. Roerich's picture titled "Unkrada", Remizov's "signature" to picture titled "Unkrada" and identical title lyrical sketch of the series "Zherlitsy družina". Made use of traditional literary tool and Roland Barth's concept of "double code". Analyzed are the

unique, specifically inherent for literature and painting ways and means of presenting one and the same subject. In this case, wherever Remizov's pen and Roerich's brush birth of a new self-contained work of art. In Roerich's picture Unkrada, the heroine of "The Tragedy of Judas...", acquires the character of the romantic symbol. Remizov's "signature" and the lyrical sketch loaded it with new meanings. For Roerich's romanticized "face of the ancient North" rose tangible way Remizov's suffering Rus. The study clearly proves that the esthetic two-unity of the dialogue between Remizov and Roerich leads to the mutual enrichment of painting and verbal arts "languages".

Ключевые слова: Ремизов, Рерих, литература, живопись, самодостаточность, взаимопроникновение, диалог.

Keywords: Remizov, Roerich, literature, painting, autonomy, interpenetration, dialogue.

Тема «Ункрады» возникла в процессе работы над поэтикой малых форм в цикле «Жерлица дружинная» А. М. Ремизова [1]. Поиск этимологических и культурологических корней Ункрады – имени заглавного образа лирического этюда, не дав ответа на вопрос, как оно пришло к Ремизову, привел к постановке одной из интереснейших для исследования проблемы «стыков», самодостаточности и взаимопроникновения различных «языков» культуры.

Идея диалогичности, возможность взаимосвязи и взаимопроникновения разных искусств, имеющая давние корни в истории эстетической мысли [2], методологически обоснованная в трудах М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана и других отечественных теоретиков искусства [3], является сегодня насущной задачей практического анализа. В данной статье сделана попытка выявить «диалогические отношения» двух великих мастеров культуры – Алексея Ремизова и Николая Рериха – на материале пьесы А. М. Ремизова «Трагедия о Иуде, принце Искаротском», картины Н. К. Рериха «Ункрада», «подписи» к картине и лирического этюда «Ункрада» А. М. Ремизова. Наряду с традиционным инструментарием анализа в статье используется понятие «двойного кода» в трактовке Р. Барта, употребляемое, по его словам, не в строго научном значении термина постструктурализма, а как «ассоциативные поля». «Код, как мы его понимаем, принадлежит главным образом к сфере культуры; коды – это определенные типы уже виденного, уже читаемого, уже деланного; код есть конкретная форма этого уже» [4].

Применительно к исследуемому материалу бартовское «уже» конспективно можно представить следующим образом. Алексей Ремизов пишет «Трагедию о Иуде, принце Искаротском» (1908); Николай Рерих на материале «уже» созданного пишет картину «Ункрада» (1909); спустя несколько лет (1915) Ремизов со-творит «подпись к картине» из им когда-то «уже» сделанного» в пьесе и увиденного в картине Рериха, и еще через десять лет ремизовско-рериховское «уже» виденно-читанно-сотворенного обретет новую «сверхтекстовую» целостность в жанре малой прозы цикла «Жерлица дружинная» (1924).

А теперь развернем конспект и попытаемся выявить, как благодаря индивидуально неповторимым путям и средствам изображения одного и того же предмета всякий раз рождалось новое произведение искусства, за которым четко просматривалась природа поэтического дара художника, его представления о человеке и мире, эстетической и внеэстетической реальности.

«Трагедия о Иуде, принце Искаротском» [5] создавалась А. Ремизовым для театра В. Ф. Комиссаржевской. Пьесой заинтересовалась сама Вера Федоровна и даже собиралась играть в ней главную героиню, которая, по воспоминаниям Ремизова, пришлась ей по душе за извечный «наперекор». И, хотя Комиссаржевской не довелось сыграть эту роль (в 1910 г. великой актрисы не стало), писалась Ункрада «под голос Комиссаржевской». Сценическое оформление спектакля было заказано Н. Рериху, известнейшему живописцу, активно сотрудничавшему в те годы с театрами [6], непререкаемому знатоку Севера – его природы, культуры, археологии. «Рерих единственный поэт севера, – писал Леонид Андреев, – единственный певец и толкователь его мистически-таинственной души, глубокой и мудрой, как его черные скалы, созерцательной и нежной, как бледная зелень северной весны, бессонной и светлой, как его белые мерцающие ночи» [7].

Впервые эскизы Рериха к спектаклю вместе с публикацией самой пьесы были воспроизведены в последних номерах журнала «Золотое руно» за 1909 г. под названием «Декорации трагедии "Иуда Искаротский" и "Иерусалим"» [8]. Картина «Ункрада», написанная в том же году, в процессе работы над театральными декорациями, – самостоятельное художественное полотно, навеянное образом ремизовской героини, точнее, одной из его граней – глубокой печалью о севере – родине матери, царицы-пленницы, мечтой вернуться на далекий север, к «белым родным берегам» [9].

Это необходимо подчеркнуть потому, что в пьесе Ункрада, творимая Ремизовым с ориентацией на исполнение В. Ф. Комиссаржевской, – героиня трагическая и лирическая одновременно, характер сложный и неоднозначный. Племянница искаротского царя, царская дочь («Отец ее был настоящий царь – брат нашему, а мать, хоть и царского рода, да пленная: с севера, из дремучих ле-

сов, там, где белое море» [10], Ункарада – натура страстная, сильная, властолюбивая. «Её слова крепче серого камня», – говорит о ней преданный слуга Зиф. Она способна на решительные поступки, вплоть до тщательно спланированного убийства принца Стратима, стоящего на пути к ее счастью с возлюбленным принцем Иудой, которого видит царем своей «белой родины». «Мы покорим запад до Океана, восток до Кавказа. Переплывем море вдоль и поперек. <...> Весь свет покорим, весь мир будет наш!» [11]. Больше того, Ункарада готова вступить в единоборство даже с роком, если он стоит на ее пути к счастью. «Насказали странницы, – говорит она, – будто бы Иуда убьет царя отца, женится на матери царице и станет сам царем» [12]. «Если это так, если предсказание исполнится... – я разрушу небо! И увидим, кто сильнее? И узнаем, кто из нас крепче?» [13]. А в минуты крайнего отчаяния, когда Иуда, пытаясь перехитрить судьбу, покидает ее, в Ункараде просыпаются страсти демонической силы. «Знаю я, как мне быть, – говорит она. – Облокусь облаком, подпояшусь зарей, огорожусь месяцем, обычусь звездами, освечусь красным солнцем <...> я отыщу на море ключ, я отомкну замок, я подыму неподъемную железную доску, возьму из-под нее все горе и всю тоску и понесу в моих руках, не уроню, а уроню на землю – земля загорится, а уроню на воду – вода загорится <...> – будет рвать на себе одежду, будет кровь из себя сосать» [14].

Эту непосильную борьбу пытается вести хрупкая, очаровательная и мечтательная юная девушка («уница»), «сам свет и огонь и краса. Брови густые, длинные и такие черные, словно два ворона сидят на ее глазах. Разгорится лицо – не уймется. А голос такой, вольный – говор лебединый. Как запоет – старики запляшут, каменный запляшет, горит гора гор» [15]. На протяжении всей пьесы с помощью прямых авторских ремарок («задумываясь», «как во сне») Ремизов фиксирует внимание на скрытом от посторонних глаз состоянии героини. Ремизовская Ункарада как бы вслушивается в свой внутренний голос, ведет нескончаемый разговор с милым ее сердцу севером.

Именно этот голос, эту песню о белом весеннем северном ветре «услышал» Николай Рерих и нашел средства живописного воплощения образа, адекватные его художественному восприятию мира, создал свой образ Ункарады. С того времени Ункарада получила новую, не зависимую от пьесы (кроме имени) судьбу и жизнь в творческом наследии Н. К. Рериха, а затем и ее первотворца А. М. Ремизова.

Картина Н. Рериха «Ункарада» – конечно же, не эскиз к сценическому оформлению пьесы А. Ремизова, а художественное полотно, относящееся, вероятнее всего, к станковой живописи. Репродуцированное воспроизведение картины (судьба оригинала неизвестна) не позволяет говорить о ней с объективно желаемой полнотой и точностью [16]. Однако дает все основания для понимания поэтического замысла и тех средств изобразительности, благодаря которым, как писал А. Бенуа, фигура Ункарады «не потонула в пейзаже», а заняла в ней центральное место.

Общий колорит картины – «грустная северная гармония» [17]. Бледно-зеленый цвет весенней зелени, синяя гладь водного пространства, серое, низкое северное небо, излюбленные рериховские нагромождения как бы сглаженных, пологих холмов со множеством разбросанных по ним скромных березок и елей. Букетик белых цветов [18] в опущенной вниз левой руке и один, бережно поднятый, – в правой; небесно-белое платье, проглядывающее из-под наброшенного темно-коричневого, почти вишневого, платя и расшитое по низу цветным орнаментальным узором [19], зеркально отражаются в белоствольных березах, в разбросанных по холмам белых цветах, создают настроение умиротворенности и благодати, разлитых в безгранично разомкнутом художественном пространстве картины.

Неброский пейзаж оживляется и одухотворяется мягким, теплым светом, идущим от фигуры прелестной юной девушки, выдвинутой на передний план полотна. Она стоит на перекрестье стелющихся по холмам светолитневых потоков и в то же время как бы приподнята над ними. Во всем облике Ункарады, в ее фигуре, наклоне головы, в легко и свободно струящихся по плечам волосах, в одежде, богатой и скромной одновременно, в немногочисленных драгоценных украшениях солярной символики чувствуются врожденное благородство и достоинство, естественная простота и аристократизм. Примененный Рерихом композиционный прием обратной перспективы, характерный для иконописи, наряду с господством в общей цветовой гамме белого цвета как цвета чистоты и святости [20], решает вопросы не только формальной структуры (диспропорции в масштабах соотношения фигуры с элементами пейзажа), но и смыслообразующие прежде всего. В сравнении со своим литературным «прототипом» Ункарада в мировидении Рериха приобретает черты «Вечной Женственности»: мадонны и богородицы, – «чистейшей прелести чистейший образец». Эта ассоциация органически возникает из совокупности всех структурных элементов художественного полотна. В нем нет ничего случайного: ни одного необязательного цветового пятна, графического штриха или детали, без которых можно было бы обойтись, не нарушив творческого замысла.

По мнению С. Эрнста, Рерих относится к художникам, которые «перерабатывают свой художнический материал в формы, может быть, несколько неожиданные, но служащие вящей вы-

разительности, крепости и своеобразности» [21]. К числу таких форм (о некоторых из них частично уже было сказано) относится искусное владение мифопоэтическими культурными кодами Древней Руси. Накидка, свободными складками ниспадающая поверх платья Ункрады, ассоциативно вызывает в памяти одежду Богородицы – мафорий [22]. Среди изображений Богородицы в иконографии Древней Руси посчастливилось найти иллюстрацию иконы «Устюжское Благовещение» [23], в которой обнаруживается поразительное пластическое сходство портретной фигуры Ункрады с юной будущей Божьей Матерью. Та же строгая сдержанность стройного, легкого стана, та же пластика рук, наклона головы, то же выражение душевного покоя и просветленности, которыми дышит каждая ниспадающая складка плата-мафория, и то же ощущение погруженности в нездешние миры, в невидимые горние дали.

Как показывает проведенный анализ, ремизовская героиня из «Трагедии о Иуде Искарите...» под кистью Рериха обрела характер романтически возвышенного символа, национального и общечеловеческого одновременно, а картина в целом явилась пленительной сказкой художника о русском Севере, «его древнем лике». «Пусть наш Север кажется беднее других земель. Пусть закрылся его древний лик. Пусть люди о нем знают мало истинного. Сказка Севера глубока и пленительна. Северные ветры бодры и веселы. Северные озера задумчивые. Северные реки серебристые. Потемнелые леса мудрые. Зеленые холмы бывалые. Серые камни в кругах чудесами полны. Сами варяги шли с Севера. Все ищем красивую древнюю Русь» [24]. В «Ункраде», как и в творчестве в целом, Н. Рерих «среди видимого открывает невидимое и дарит людям... совсем новый прекрасный мир» – «мудрый, преображенный, прозрачно-светлый и примиренный, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей» [25].

Очередной виток в художественной судьбе Ункрады связан с серией «подписей к картинам Рериха», над которыми А. Ремизов работал в 1914–1915 гг. Репатриированный с началом Первой мировой войны из Германии в Россию, писатель был буквально ошеломлен ура-патриотической истерией, поразившей Петроград. «Отвратительное время», – писал он жене в дарственной надписи на сборнике «Укрепа», – «все приспособились», «война стала для некоторых выгодной» [26].

*Забедно мне, кровь во мне болит русская о тебе,
моя родина!*

*Ведь и ныне, как исстари, старые русские князья
продают тебя половцам – недругам.*

А с ними кто еще не охочь?

(«Зловещее», 1915 г.) [27]

Это обострившееся «чувство Родины» проявилось как в отборе картин Рериха, так и в их трактовке. Из многочисленных полотен, написанных художником в разные годы, Ремизов отобрал лишь те, которые отвечали его тревожным настроениям о судьбах Родины: Русской земли – Руси – России. Среди них и «Ункрада».

Возвращаясь к образу Ункрады, драматургическая версия которого была уже создана, а живописный портрет – уже написан, А. Ремизов не полемизирует со своим великим современником, через «каменные глаза» которого смотрят, как он писал, 200 000 лет истории [28]. Не повторяет он и себя прежнего. «Я никогда не мог рассказать, как было в действительности <...> Я никогда не мог передать рассказанное слово в слово, я рассказываю по-своему – украшая уже этот скелет, так как для меня *рассказанное уже было скелетом*» [29]. В жанре литературной подписи Ремизов контаминирует и свою собственную (драматургическую), и рериховскую (живописную) трактовку Ункрады под новым углом зрения, в соответствии с новой внеэстетической реальностью: войной и своей обострившейся тревогой за судьбы родины.

Менее чем односторонний текст «подписи» структурируется Ремизовым по классическим законам поэтического произведения: композиционное кольцо, состоящее из риторических фигур, и внутри него, по контрасту с ним, – эпически развернутая картина северной природы. В драме она занимает центральное положение в решающем диалоге Ункрады с Иудой (сцена III). Ункрада убеждает своего возлюбленного уйти с ней на Север, обещая царство и власть над миром. «Словно колдуя», указывает Ремизов в ремарке, рисует она волшебный мир Севера. Творящая героиней магия волшебства [30] должна заморозить, околдовать, «убаюкать» избранника. «Это я запою тебе песню – уласкаю тебя...» [31]. Функциональная роль замораживающего образа «белой родины» здесь очевидна. В «подписи» Ремизов заменяет два последних слова («уласкаю тебя») на «моя родина привольная» – и тот же текст (не меняется ни одного слова!) наполняется новым содержанием, обретает характер эпического звучания. «Это я запою тебе песню, моя родина привольная, о твоей шири и воле, о вольности русской, Русь моя, Россия родимая!» [32]. Песня о «шири и воле, о вольности русской» собственно уже и не песня, а – песнь, величание.

Этот смысловой «скачок» стал возможным благодаря «прологовой» части композиционного кольца. В его основе другой внутренний монолог, открывающий уже упоминаемую сцену

встречи Ункады с Иудой. Предчувствие трагически неразрешимой ситуации и своего одиночества всколыхнули в героине глубоко затаенные чувства любви и тревоги о родине, которые неожиданно прорвались в прямом к ней обращении: «Береза, родимая береза! Кто тебя, березу, так опечалил?» [33] Сохранив форму риторических фигур и их интонацию, писатель полностью реконструировал, а точнее – заново написал эту часть монолога.

В поисках «взаимных переходов», адекватных искусству слова, Ремизов решает тему Ункады не в стилизованной символике вековых образов, а в мифологизированной многоуровневой семантике фольклорных образов, поэтическими средствами устного народного творчества. На уровне диалогических «схождений» образ березы в «подписи» продолжает жить в семантически уже знакомых эмоционально-ценностных значениях: как овеществленная мечта Ункады о Севере, ее «белой родине» (пьеса Ремизова) и как один из символически нагруженных компонентов пейзажа в картине Рериха. Параллельно с этим Ремизов выстраивает новый семантический ряд, в котором благодаря цепочке ассоциативно-олицетворенных уподоблений: береза – сестра – родина – фразеологически устойчивое сочетание «белая береза» обретает характер образа-тропа [34], наполненного качественно иным эмоционально-ценностным содержанием. «Белая береза» – «сестра моя родимая» – «родина родимая» – это три грани единого лика Родины, лейтмотивно взаимосвязанные, перетекающие друг в друга, нерасчленимые по определению, по святости духовного родства («родимые»). В нем реактуализируется ремизовский миф, имя которому – Русь: Россия – родина привольная – ширь и воля – вольность русская – белая береза – сестра родимая. «Подпись», как видим, раздвигала хронотопические границы картины, углубляла смысловую наполненность живописного полотна. За рериховским лирико-романтизированным «ликом древнего Севера» вставал осязаемо чувственный образ ремизовской многострадальной Руси: *«Если б Бог тебе послал на долю счастье! – много по тебе прошло беды, труда и горя – Если б Бог тебя помиловал!»* [35].

На этом можно завершить исследование столь глубоко и органично развернувшихся «диалогических отношений» писателя-драматурга Ремизова с художником Рерихом, но не Ремизова с Ремизовым. В художественном сознании писателя, как известно, не существовало понятия «окончательный текст», так как «жизнь» многих ранее написанных и опубликованных произведений продолжалась в новых контекстах, обретая дополнительные краски и смыслы. В полной мере сказанное относится к «жизни» Ункады.

В 1921 г. произошел трагический разрыв А. Ремизова с Родиной. «Это такое проклятье – вот уж подлинное несчастье! – оставить родную всколыхнутую землю, Россию...», – жалуется он в мысленном разговоре с А. Блоком [36]. Все, чему писатель был свидетелем в России, по словам Е. Обатниной, «приобрело совсем иной смысл за ее пределами и потребовало своеобразного оформления материала. Переосмысляя в начале 1920-х гг. смену эпох и культур, Ремизов создает принципиально новую прозу, оригинальные решения которой основывались, впрочем, на старом фундаменте» [37]. Такой новой прозой на старом фундаменте была и «Жерлица дружинная», включенная как литературный цикл вместе с Николиными притчами в книгу «Звенигород Окликаный» [38].

Прямая связь между картинами Рериха и «подписями» Ремизова к тому времени была практически утрачена, и произведения, когда-то навеянные сюжетами, образами, красками живописных полотен Рериха, в новом литературном и историческом контексте не могли не наполниться новыми смыслами. «Перенесение образа из одного контекста в другой вызывает, – по справедливому утверждению Г. Г. Шпета, – перемену в его эстетическом понимании и толковании. Образ требует своей *точности*. Контекст его модифицирует, и он влияет на образование контекста» [39].

В новой редакции «Ункады», на первый взгляд, нет существенных изменений. Убран порядковый номер, под которым она, как и другие тексты, значилась в «подписях»; сняты кавычки, выделяющие картину северной природы как собственно прямую речь героини; орнаментирован текст. Однако все они для Ремизова-художника – принципиально значимы. Снятие нумерации, этих своеобразных «пограничных столбов», разрушало автономность «куртметражей» [40], включало их в единое ассоциативное поле цикла. Снятие кавычек по сути означало смену «корректирующего голоса» – одного из важнейших понятий в поэтике Ремизова. Лирический монолог, прежде принадлежавший героине, в новой редакции становится автобиомифологизированным пространством памяти писателя о Русском космосе в его цикличности и первозданности. <...> *зимы там долги и темны, завеют свирепые сиверы. зацветут окна морозными цветами; а придет весна, звери встанут из спячки, солнце опустит к людям золотые качели, сеет золотом; не заметишь – лето приспело: песни, хороводы... Ходит медведь. Колесом пошло солнце под гору. Это – осень. Унывно, тихо, прозрачно. По небу плывут облака-лебеди <...> А лес расшумится – и уж в бую и в шуму его ничего не слышно, только слышен человеческий голос.* Тревожный, проникновенный,

полный нескрываемой любви, муки, отчаянья – и все-таки надежды! – это голос автора, непосредственно обращенный к «России родимой», а «диалогически» направленный на читателя – современного и надвременного. Ибо «...нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и в безграничное будущее)» [41].

Текст, как известно, – «один из компонентов художественного произведения» [42]. Виртуозно выполненная орнаментовка визуально изменила текст. Укороченные строки, строки-отточия, поэтическая строфика, неожиданные пробелы, грамматически немотивированное удвоенное, а то и утроенное тире, – всё в новой редакции «Ункрады» функционально и эстетически важно и значимо. «Распахнутость» текстового пространства за счет его нового графического рисунка позволила увидеть то, что существовало в скрытом виде, открыть произведение для нового прочтения. В контексте циклического единства «Жерлицы дружинной» и в принципиально иной исторической, «внетекстовой действительности» (М. Бахтин) взгляд Ремизова на Русский космос изнутри был неизбежно откорректирован взглядом извне, из далекого «чужбинного» далека, что усилило трагическое звучание лирического этюда.

Устойчивые лексико-семантические единицы как своеобразный тип мыслеобразов (весть недобрая; замученная душа; тоска, как тьма вечерняя; родина далекая...), повторы-«наваждения» (что стоишь невеселая, одна дума и один сон на чужбине, вижу тебя...), семантически уплотненная строка, пронзительность эмоционально-экспрессивной интонации, – все это в единой системе ремизовских соответствий и параллелей, характерных для цикла в целом, вызывает непроизвольные исторические ассоциации, порождая дополнительные коннотации в раскрытии сокровенной авторской мысли о «подлинном несчастье» для русского человека быть вне родины. Сквозная ремизовская тема Родины – Руси – России, страдания по судьбе – воспринимается как проблема онтологическая, извечно повторяющаяся.

Эстетическое двуединство диалога Ремизова – Рериха на тему «Ункрада», самодостаточность, взаимопроникновение и как результат взаимообогащение живописного и словесного «языков» художественной культуры убеждает, что богатство диалогических отношений находится в непосредственной связи с масштабами творческой личности, уникальностью поэтического дара. Возможности нового прочтения когда-то «уже» созданного, своего или «чужого», сопряжены как с эстетической чуткостью художника, так и с внеэстетической реальностью, «внетекстовыми структурами» (Ю. Лотман). При этом чем разнообразнее и неожиданнее формы взаимопроникновения «языков» разных искусств, тем большая вероятность многоканальности «диалогических отношений»: с культурой, эпохами, с современниками и потомками.

Примечания

1. См.: *Алексеева Н. В.* Цикл А. М. Ремизова «Жерлица дружинная: поэтика малых форм» // Уральский филологический вестник. Сер. «Русская литература XX–XXI веков: направления и течения». 2014. № 4. С. 107–120.
2. *Лессинг Г. Е.* Лаокоон, или О границах живописи и поэзии // Избранное. М., 1953. С. 385–516.
3. *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках, К методологии гуманитарных наук, Ответ на вопрос редакции «Нового мира». Из записей 1970–1971 годов // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986; *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967; *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970; Статьи по топологии культуры. Тарту, 1973, Культура и взрыв. М., 1992.
4. *Барт Р.* Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 1989. С. 455–456.
5. *Ремизов А. М.* Трагедия о Иуде, принце Искаротском // Ремизов А. Сочинения. СПб.: «Шиповник», 1910–1912. Т. 8. С. 91–181.
6. Его кисти принадлежат эскизы декораций к постановкам: «Снегурочка» Римского-Корсакова, «Князь Игорь» Бородина, «Весна Священная» Стравинского, «Пер Гюнт» Ибсена, «Тристан и Изольда» Вагнера и др.
7. *Андреев Л.* Держава Рериха / сост. Д. Н. Попов. М.: Изобраз. искусство, 1993. С. 97.
8. *Короткина Л. В.* Рерих и художественная жизнь России на рубеже веков // Творческий путь Н. Рериха. СПб., 2001. С. 67.
9. *Ремизов А.* Трагедия о Иуде, принце Искаротском... С. 108.
10. Там же. С. 128.
11. Там же. С. 110–111.
12. Об апокрифических истоках и трансформациях эдипова комплекса в пьесе см.: *Розанов Ю. В.* Драматургия Алексея Ремизова и проблема стилизации в русской литературе XIX–XX вв. Гл. III. Иуда Искарот и Георгий Храбрый. Вологда, 1994, а также: Легенда о кровосмесителе // Костомаров Н. И. Собр. соч. Кн. I. Т. I. СПб., 1903. С. 179–196.
13. *Ремизов А.* Трагедия о Иуде... С. 108.
14. Там же. С. 121.

15. Там же. С. 128.
16. В различных изданиях репродукции картины различны по качеству их воспроизведения: степени интенсивности цветового фона, сглаженности или четкости графического рисунка и т. п. Автор статьи пользовался репродукцией, воспроизведенной в книге «Держава Рериха» (сост. Д. Н. Попов). М.: Изобр. искусство, 1993.
17. Эрнст С. Н. К. Рерих // Держава Рериха. Сост. Д. Н. Попов. М.: Изобразит. искусство, 1993.
18. Варианты: «охапка белых цветов» (Л. Короткина); «желтые скромные лютики» (С. Эрнст); о «белых цветах» вспоминает героиня пьесы Ремизова.
19. Венчает узор зубчатая волнистая линия – традиционное для северного орнамента древнего извода изображение воды. См. подробнее: Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. С. 159.
20. См.: Белый А. Священные цвета // Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Изд-во «Республика», 1994. С. 201–209.
21. Эрнст С. Н. Указ. соч.
22. Мафорий (греч. накидка) – большой четырехугольный плат, покрывающий голову и укрывающий всю фигуру; в иконографии преимущественно темно-красных тонов.
23. См.: Всеобщая история искусств: в 6 т. Т. 2. Кн. 1. М.: «Искусство», 1960. Илл. № 99.
24. Рерих Н. К. Подземная Русь // Рерих Н. К. Глаз добрый. (Забытая книга). М.: Худож. лит., 1991. С. 147.
25. Андреев Л. Указ. соч. С. 97.
26. Данилова И. Ф. Примечания // Собр. соч.: в 10 т. М.: Рус. кн., 2000–2002. Т. 2. С. 652.
27. Ремизов А. Жерлица дружинная // Ремизов А. М. Сочинения: в 2 кн. Кн. 1. М., 1993. С. 332.
28. См.: Анненков Ю. Алексей Ремизов и Сергей Прокофьев // Дневник моих встреч: в 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 212.
29. Там же. С. 214 (курсив наш. – Н. А.).
30. Крада – вторая составляющая часть имени героини. В сакральном смысле крада – атрибут магического волховского, жреческого и бытового язычества. URL: web-kapiche.ru/234-что-такое-krada.html. 29.11.2014.
31. Ремизов А. Трагедия о Иуде... С. 111.
32. Ремизов А. Жерлица дружинная... С. 342.
33. Ремизов А. Трагедия о Иуде... С. 108
34. Шкловский В. Б. Розанов // В. Б. Шкловский. Гамбургский счет М.: Сов. писатель, 1990. С. 136–137.
35. Ремизов А. Жерлица дружинная... С. 341.
36. Ремизов А. К звездам // Собр. соч. Т. 7. С. 6.
37. Обатнина Е. Р. Творчество памяти. Мифологическое пространство художественной прозы Алексея Ремизова // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 481–482.
38. Ремизов А. Жерлица дружинная // Ремизов А. Звенигород Окликанный. Николины притчи. Изд-во «Алатас»: Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин, 1924.
39. Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Сочинения. М.: «Правда», 1989. С. 369.
40. "Court-metragе" (короткометражка) – кинематографический термин, которым Ремизов называл свои короткие сцены, подчеркивая монтажный принцип организации текста и его «семантическое сжатие» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 4).
41. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 393.
42. Лотман Ю. М. Анализ художественного текста. Л., 1972. С. 24.

Notes

1. See: Alekseeva N.V. Cikel A. M. Remizova "Zherlica družinnaya: poehtika mal'nykh form" [Series of A.M. Remizov "Sword fishing tackle: poetics of small forms"] // Ural'skij filologičeskij vestnik. Ser. "Russkaja literatura XX–XXI vekov: napravleniya i tehnika" – Ural Philology Herald. Ser. "Russian literature of XX–XXI centuries: styles and trends." 2014, № 4, pp. 107–120.
2. G.E. Lessing Laokoon, ili O granicah zhivopisi i poezii [Laocoon or On the limits of painting and poetry] // Izbrannoe – Favorites. M. 1953. Pp. 385–516.
3. Bakhtin M.M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukah, K metodologii gumanitarnykh nauk, Otvet na vopros redakcii "Novogo mira". Iz zapisej 1970–1971 godov [The problem of text in linguistics, philology and other humanities, To the methodology of the Humanities, the answer to the question of editorial of "New World." From the records of 1970–1971 years] // Bakhtin M.M. EHstetika slovesnogo tvorčestva – Aesthetics of verbal creativity. M. Iskustvo. 1986; Likhachev D.S. Poehtika drevnerusskoj literatury [The poetics of Old Russian literature]. L. 1967; Lotman Y.M. Struktura hudozhestvennogo teksta [Structure of literary text]. M. 1970; Stat'i po topologii kul'tury – Articles on the topology of culture. Tartu 1973. Kul'tura i vzryv – Culture and explosion. M. 1992.
4. Bart R. ekstovij analiz odnoj novelly EHdgara Po [Text analysis of a short story by Edgar Allan Poe] // Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poehtika – Selected Works: Semiotics. Poetics: transl. from Fr. / comp., gen. ed. and introd. art. G.K. Kosikov. M. 1989. Pp. 455–456.
5. A.M. Remizov Tragediya o Iude, prince Iskariotskom [Tragedy of Prince Judas Iscariot] // Remizov A. Works. SPb. "Shipovnik". 1910–1912. Vol. 8. Pp. 91–181.
6. To his hands belong sketches of scenery for productions: "Snow Maiden" by Rimsky-Korsakov, "Prince Igor" by Borodin, "The Rite of Spring" by Stravinsky, "Peer Gynt" by Ibsen, "Tristan and Isolde" by Wagner et al.

7. Andreev L. Derzhava Reriha [The Power of Roerich] / comp. D. Popov. M. Izobr. Iskusstvo. 1993. P. 97.
8. Korotkina L.V. Rerih i hudozhestvennaya zhizn' Rossii na rubezhe vekov [Roerich and artistic life of Russia at the turn of the century] // Tvorcheskij put' N. Reriha – Creative path of Roerich. SPb. 2001. P. 67.
9. A. Remizov Tragediya o Iude, prince Iskariotskom... [Tragedy of Prince Judas Iscariot ...] P. 108.
10. Ibid. P. 128.
11. Ibid. Pp. 110–111.
12. On apocryphal origins and transformation of the Oedipus complex in the play see: Rozanov Yu.V. Dramaturgiya Alekseya Remizova i problema stilizacii v russkoj literature XIX–XX vv. [Drama of Alexei Remizov and the problem of stylization in Russian literature of the nineteenth and twentieth centuries]. Ch. III. Judas Iscariot and George the Brave. Vologda. 1994, as well as: Legenda o krovosmesitele – The Legend of incestuous // Kostomarov N.I. Coll. of works. Bk. I. Vol. I. SPb. 1903. Pp. 179–196.
13. A. Remizov Tragediya o Iude... [Tragedy of Judas ...] P. 108.
14. Ibid. P. 121
15. Ibid. P. 128.
16. In various editions reproductions paintings vary in the quality of their replay: the degree of intensity of the background color, smoothness and clarity of graphic design, and so on. The author used a reproduction, reproduced in the book "The Power of Roerich" (ed. D. Popov). M. Izobr. Iskusstvo. 1993.
17. Ernst S. N. N. K. Rerih [N.K. Roerich] // Derzhava Reriha – Power of Roerich. Comp. D.N. Popov. M. Izobr. Iskusstvo. 1993.
18. Options: "armful of white flowers" (L. Korotkina); "Modest yellow buttercups" (S. Ernst); the "white colors" says the heroine of Remizov's play.
19. Pattern is crowned with gear wavy line – a traditional ornament for the northern recension ancient image of water. See more: G.S. Maslova Ornament russkoj narodnoj vyshivki kak istoriko-etnograficheskij istochnik [Ornament of Russian folk embroidery as a historical and ethnographic source]. M. Nauka. 1978. Pp. 159.
20. See A. Belyj Syvashchennye cveta [Sacred colors] // A. Belyj Simvolizm kak miroponimanie [Symbolism as the outlook]. M. Publishing House "Respublika". 1994. Pp. 201–209.
21. Ernst S.N. Op. cit.
22. Mafory (Greek cape) is a large rectangular board that covers the head and lodges the whole figure; predominantly in the iconography if of dark red tones.
23. See: The Universal History of Art: in 6 vols. Vol. 2. Bk. 1. M. "Iskusstvo". 1960. Fig. № 99.
24. N.K. Roerich Podzemnaya Rus' [Underground Rus] // N.K. Roerich Glaz dobryj. (Zabytaya kniga) – Good eye. (Forgotten book). M. Khudozh. Lit. 1991. P. 147.
25. Andreev L. Op. cit. P. 97.
26. Danilova J.F. Primechaniya [Notes] // Coll. cit.: 10 vols. M. Rus. kn. 2000–2002. Vol. 2. P. 652.
27. A. Remizov ZHerlica družinnaya [Sword fishing tackle] // Remizov A.M. Works: in 2 books. Bk. 1. M. 1993. P. 332.
28. See: Annenkov Yu. Aleksej Remizov i Sergej Prokof'ev [Alexei Remizov and Sergei Prokofiev] // Dnevnik moih vstrech – Diary of my meetings: in 2 vols. Vol. 1. M. 1989. P. 212.
29. Ibid. P. 214 (Italics is our – N.A.).
30. Krada – the second component of the name of the heroine. In the sacred sense Krada is magical attribute of priestly and domestic paganism. Available at: web-kapiche.ru/234-chto-takoe-krada.html. 11/29/2014.
31. A. Remizov Tragediya o Iude... [Tragedy of Judas ...] P. 111.
32. A. Remizov ZHerlica družinnaya... [Sword fishing tackle] P. 342.
33. A. Remizov Tragediya o Iude... [Tragedy of Judas ...] P. 108
34. Shklovsky V.B. Rozanov [Rozanov] // V.B. Shklovsky. Gamburskij schet – Hamburg bill. M. Sov. Pisatel. 1990. Pp. 136–137.
35. A. Remizov ZHerlica družinnaya... [Sword fishing tackle] P. 341.
36. Remizov A. K zvezdam [To the stars] // Coll. works. Vol. 7. P. 6.
37. Obatnina E.P. Tvorchestvo pamyati. Mifologicheskoe prostranstvo hudozhestvennoj prozy Alekseya Remizova [Creativity of memory. Mythological space of fiction prose of Alexei Remizov] // Remizov A.M. Coll. works. Vol. 7 Pp. 481–482.
38. A. Remizov ZHerlica družinnaya... [Sword fishing tackle] // Remizov A. Zvenigorod Oklikannyj. Nikoliny pritchi – Zvenigorod hail. Nikola's parables. Publishing house "Alatas". Paris; New York; Riga; Harbin. 1924.
39. Shpet G.G. EHsteticheskie fragmenty [Aesthetic fragments] // Sochineniya – Works. M. "Pravda". 1989. P. 369.
40. "Sourt-metrage" (Short) – a cinematic term which Remizov called his short scenes, highlighting the mounting principle of the organization of the text and its "semantic compression" (Remizov A.M. Coll. Works. Vol. 10. P. 4).
41. M.M. Bakhtin K metodologii gumanitarnyh nauk [Methodology of the Humanities] // Aesthetics of verbal creativity. M. Iskusstvo. 1986. P. 393.
42. Lotman Y.M. Analiz hudozhestvennogo teksta [Analysis of literary text]. L. 1972. P. 24.

Выявление языковых и содержательных признаков речевого акта угрозы в экспертной деятельности лингвиста

В статье освещаются методы и способы определения и квалификации языковых и содержательных признаков речевого акта угрозы в спорных текстах при производстве судебно-лингвистической экспертизы. Речевой акт угрозы рассматривается как разновидность речевого правонарушения – деликта. Научная обоснованность теоретических положений, анализа фактических данных и, в том числе, предлагаемых методов исследования во многом определяется применением экспертом-лингвистом новейших идей и принципов современной науки о языке. В соответствии с этим в работе используется научный инструментарий теории речевых актов и логического анализа естественного языка. Угроза трактуется как некооперативная разновидность класса речевых актов – комиссивов. Особое внимание уделяется технологии выявления косвенных речевых актов угрозы.

The methods and ways of definition and qualifying of language and content indications of speech act of disaster in disputable texts when processing forensic linguistic expertise are discussed in the work. Speech act of disaster is considered as kind of speech offence – delict. Scientific validity of theoretical propositions, analysis of factual data including offered methods of investigation is in many ways determined by expert's applying of the newest ideas and principles of the modern linguistics. According to this, research instrumentality of speech act theory and logical analysis of natural language is used in the work. Disaster is treated as non-cooperative kind of standard speech acts – comisives. The authors give particular attention to technology of revelation of indirect speech acts of disaster.

Ключевые слова: речевой акт, деликт, угроза, судебно-лингвистическая экспертиза.

Keywords: speech act, delict, disaster, forensic linguistic expertise.

В современной практике проведения судебно-лингвистических экспертиз исследований отчетливо осознается необходимость использования научного инструментария новейших достижений лингвистической теории. Это связано с качественным усложнением и существенным расширением массива спорных текстов, подлежащих лингвистическому экспертному исследованию. Часто именно «правильный» выбор лингвистической теории в качестве методологической основы исследования дает желаемый результат.

Так, в числе самых востребованных категорий запросов на проведение лингвистической экспертизы находятся задачи определения и квалификации в предоставленных на анализ текстовых материалах содержательных и речевых признаков вербальной агрессии (выражения враждебного отношения к к.-л. / ч.-л., побуждение к враждебным действиям против к.-л. / ч.-л., унижения чести и достоинства лица, оскорбления, угрозы и пр.). На наш взгляд, в решении этой задачи существенную помощь может оказать методологический инструментарий постклассической, расширенной теории речевых актов. На важность использования идей лингвистической прагматики и теории речевых актов указывается, например, в работах [1]. Также и в наших предыдущих исследованиях было показано, как «работает» прагматика и теория речевых актов, например, в определении и квалификации речевых актов недобросовестного информирования, языкового манипулирования, вообще имплицитной информации любого типа [2].

В настоящей работе мы рассмотрим возможности выявления языковых и содержательных признаков речевого акта **угрозы**. Угроза может рассматриваться в психологическом, в юридическом и в собственно лингвистическом аспектах.

С психологической точки зрения угроза – вид психического воздействия (насилия), выражающийся в запугивании лица или группы лиц причинением физического, материального или иного вреда или наступлением для них каких-либо неблагоприятных или нежелательных по-

следствий. Угроза должна реально восприниматься им как исполнимая (угроза применения физического насилия, уничтожения имущества, лишение денежных средств и пр.). Для квалификации угрозы не имеет значения, реализовал виновный высказанные намерения или нет, имел ли он намерения осуществить угрозы в момент высказывания или в будущем.

С юридической точки зрения угроза подпадает под действие Уголовного и Гражданского Кодекса России. Применительно к Уголовному Кодексу России, как минимум, в пяти случаях угроза выступает в качестве непосредственно деяния – это угроза убийством (ст. 119 УК РФ), угроза как альтернативное действие в терроризме (ст. 205 УК РФ), угроза в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ч. 1, 2 ст. 296 УК РФ), угроза насилием в отношении представителя власти (ч. 1 ст. 318 УК РФ) и угроза применения насилия при дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ). Угроза, связанная с нанесением морального вреда, регламентирована ст. 151 Гражданского Кодекса РФ «Компенсация морального вреда».

Угроза имеет следующие разновидности: 1) угроза жизни Адресата; 2) физический ущерб (угроза здоровью) Адресата; 3) моральный ущерб Адресату, т. е. такие действия, которые способны нанести вред эмоционально-психическому состоянию Адресата: лишение последнего неких прав и привилегий, санкции со стороны институтов власти, возложение на Адресата ответственности за происходящее; 4) «смешанный ущерб» (в высказываниях угрозы в данном случае комбинируется потенциальный моральный и физический ущерб Адресату; 5) ущерб собственности Адресата.

С лингвистической точки зрения угроза трактуется как «запугивание, обещание причинить кому-н. вред, зло» [3] или как «обещание причинить зло, неприятность» [4].

Теория речевых актов рассматривает угрозу как речевой акт деликта, т. е. вербальной агрессии. Угроза является некооперативной, т. е. конфликтной разновидностью стандартного речевого акта комиссива – речевого акта принятия на себя обязательства (типа обещания) [5].

Каждый речевой акт, согласно концепции Дж. Р. Серля, характеризуется определенными условиями успешности, соблюдение которых необходимо для признания речевого акта уместным, а несоблюдение одного или нескольких условий успешности, напротив, ведет к коммуникативным неудачам. Дж. Р. Серль выделяет четыре основных группы условий успешности:

1) предварительные условия – это условия, которые отражают объективные (ситуационные) и субъективные (психологические) предпосылки, совместимые с выдвижением данной иллюкутивной цели, т. е. обстоятельства речевого акта, при отсутствии которых он потерпит коммуникативную неудачу;

2) существенные условия – это условия, которые прямо соответствуют коммуникативному намерению говорящего (выражение в определенной языковой форме утверждения, вопроса, побуждения, обязательства и пр.), которое говорящий стремится донести до сознания слушающего при помощи своего высказывания;

3) условие искренности – это условие, которое отражает внутреннее (психологическое) состояние, которое может быть приписано говорящему, исходя из предположения об искренности и серьезности данного речевого акта;

4) условия пропозиционального содержания – это условия, которые налагают ограничения на выбор языковых средств для совершения того или иного речевого акта (так, например, акт сообщения не может включать глагол в повелительном наклонении, а акт просьбы – глагол в изъявительном наклонении в прошедшем времени и пр.) [6].

Для речевого акта угрозы можно выделить следующие условия успешности:

1) предварительные условия: а) наличие определенного психологического состояния враждебности говорящего и наличие адресата или объекта угрозы; б) физическая возможность говорящего осуществить требуемое действие;

2) существенное условие: четко оформленное намерение (обещание) нанести вред кому-либо, что в общем и относит данный акт к классу комиссивов (акты, в которых говорящий берет на себя обязательство совершить какое-либо действие);

3) условие искренности: говорящий искренне намерен совершить данное действие, но не в любом случае, а при условии неисполнения необходимых с его точки зрения требований;

4) условие пропозиционального содержания: акт угрозы должен относиться к плану будущего времени (как и любые другие речевые акты обещания или побуждения).

Как и любой речевой акт, речевой акт угрозы может быть выражен **эксплицитно**, т. е. в прямой форме, и **имплицитно**, т. е. в косвенной форме [7]. Квалификация вербальной угрозы, выраженной в прямой форме, в общем не представляет особых трудностей. Стандартная структура такого речевого акта – глагол в 1 л. ед. ч будущего времени с существительным или местоимением в дательном падеже, замещающим позицию Адресата: «Я тебе морду набью». Гораздо сложнее вы-

явить угрозу в косвенной форме. Для косвенной формы выражения акта угрозы характерна элиминация (ослабление) некоторых компонентов угрозы – например, скрытое, явно не выраженное обозначение Говорящего, ослабление выражения побуждения к разрушительному действию, неконкретное выражение характера ущерба/ вреда для Адресата, «размывание» конкретного Адресата и пр. Но все равно при этом сохраняются различительные признаки коммуникативного намерения угрозы: идея причинения вреда Адресату, направленность акта в будущее время, идея неотвратимости и, следовательно, обязательности данного действия ущерба / вреда и пр.

Ниже приведем некоторые примеры выявления косвенного речевого акта угрозы из нашей реальной экспертной практики.

Так, в статье одного из интернет-изданий, направленной против журналистов «Коммерсанта» и известного журналиста-правозащитника Кашина, в заголовке содержится высказывание: *«Журналисты-предатели должны быть наказаны!»*. – Заголовок в теории текста является сильной позицией текста, в которой выражается или основная тема текста, или его основная идея / проблема, или, в случае с инвективными, т. е. обвинительными, текстами – основное коммуникативное намерение.

В данном случае можно увидеть как раз коммуникативное намерение – скрытое побуждение к разрушительному для объекта действию, выраженное с помощью модальной конструкции долженствования (здесь элиминирован, т. е. не выражен Субъект угрозы, т. е. **кем должны быть наказаны**, не обозначено конкретное действие ущерба – **как именно наказаны**, и не конкретизирован Адресат угрозы – **кто именно из журналистов должен быть наказан**). Однако из контекста статьи, по крайней мере, третий, последний компонент – Адресат угрозы, легко восстанавливается. Это Кашин и другие журналисты «Коммерсанта», включая его главного редактора. Таким образом, признаки имплицитного косвенного речевого акта угрозы сохраняются.

При этом данный косвенный акт угрозы значительно усиливается с помощью кольцевой композиции – ср., как та же мысль звучит и в финале статьи: *«Подобная ситуация не может остаться без самых серьезных последствий. У информационных экстремистов нельзя идти на поводу. Они – враги, значит они будут наказаны!»*. – Подобный кольцевой повтор считается средством языковой суггестии, т. е. внушения, и однозначно должен оцениваться как средство (прием) языкового манипулирования сознанием аудитории. Такие приемы выступают как средство скрытого, неявного усиления речевого воздействия на публику.

Также в имплицитной косвенной форме речевой акт угрозы выражается в следующем фрагменте: *«Нет, одним следователем тут не отделаешься. Нужна целая бригада, целая команда по дезинфекции, чтобы выкурить этих пишущих клопов, изгнать их поганой метлой из журналистики, дабы не порочить профессию!»*

Здесь косвенно-речевой акт угрозы выражен в форме косвенного призыва-побуждения с помощью модальной конструкции необходимости: *«Нужна целая бригада, целая команда по дезинфекции, чтобы...»* Признаки ослабления коммуникативного намерения угрозы здесь следующие: не конкретизирован Субъект разрушительного действия – неясна референция «команда по дезинфекции» (т. е. конкретно – кто именно); в образной форме обозначен неконкретный референт Адресата угрозы – «пишущие клопы», не конкретизировано Действие ущерба / вреда – «гнать поганой метлой из журналистики», т. е. что именно конкретно следует сделать. Однако общие коммуникативные признаки угрозы остаются – это призыв к разрушительным действиям вреда /ущерба против неопределенной группы лиц, которая, однако, легко восстанавливается и может быть конкретизирована из предыдущего контекста – имеются в виду опять же Кашин и другие журналисты «Коммерсанта», включая его главного редактора.

Таким образом, был сделан вывод о том, что в представленных для исследования материалах содержатся косвенно-речевые акты угрозы в адрес Кашина и других журналистов «Коммерсанта», включая его главного редактора, в том числе с использованием приемов и средств языкового манипулирования сознанием аудитории.

Примечания

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011; Каневский Б. С., Босов А. Е. Напутственное слово председательствующего с точки зрения речевых актов // Уголовное право. 2013. № 2. С. 97–103.

2. Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3(2). С. 18–21; Радбиль Т. Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146–149.

3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 15-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1998.

4. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. II.
5. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов: сб. науч. тр. / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
6. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 160–166.
7. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов: сб. науч. тр. / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 195–222.

Notes

1. Baranov A.N. Lingvisticheskaya ehkspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika: ucheb. posobie [Linguistic examination of the text: the theoretical bases and practice: tutorial]. 3rd ed. M. Flinta: Nauka. 2011; Kanevskiy B.S., Bosov A.E. Naputstvennoe slovo predsedatel'stvuyushchego s tochki zreniya rechevyh aktov [Parting words of the presiding terms of speech acts] // Ugolovnoe pravo – Criminal Law. 2013, № 2, pp. 97–103.
2. Radbil T.B., Yumatov V.A. Sposoby vyyavleniya implicitnoj informacii v lingvisticheskoy ehkspertize [Methods for identifying implicit information in the linguistic expertise] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Herald of the Nizhny Novgorod University named after Lobachevsky. 2014, № 3 (2), pp. 18–21; Radbil T.B. Vyyavlenie soderzhatel'nyh i rechevyh priznakov nedobrosovestnoj informacii v ehkspertnoj deyatel'nosti lingvista [Identification of substantial and unfair speech feature information in linguist's expert activity] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Herald of the Nizhny Novgorod University named after Lobachevsky. 2014, № 6, pp. 146–149.
3. Ozhegov C. I. Shvedova N. Yu Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Dictionary of Russian language: 80 000 words and idiomatic expressions]. Russian Academy of Sciences, Institute of Russian lang. named after Vinogradov. 15th ed., add. M. Azbukovnik. 1998.
4. Efremova T.F. Novyj tolkovo-slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka [New explanatory-word formation dictionary of the Russian language]: in 2 vols. M. Rus. yaz. 2000. Vol. II.
5. Searle J. R. Klassifikaciya illokutivnyh aktov [Classification of illocutionary acts] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17. Teoriya rechevyh aktov: sb. nauch. tr. – New in foreign linguistics. Is. 17. The theory of speech acts: col. scientific proc. / gen. ed. B. Yu Gorodetsky. M. Progress. 1986. Pp. 170–194.
6. Searle J. R. CHto takoe rechevoj akt? [What is the speech act?] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17. Teoriya rechevyh aktov – New in foreign linguistics. Is. 17. The theory of speech acts / gen. ed. B. Yu Gorodetsky. M. Progress. 1986. Pp. 160–166.
7. Searle J. R. Kosvennye rechevyje akty [Indirect speech acts] // ovoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17. Teoriya rechevyh aktov: sb. nauch. tr. – New in foreign linguistics. Is. 17. The theory of speech acts: col. scientific proc. / gen. ed. B. Yu Gorodetsky. M. Progress. 1986. Pp. 195–222.

УДК 347.113

Я. Н. Караваева

Соотношение категории «обычай» со сходными юридическими конструкциями

На основании Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в ГК РФ категория «обычай делового оборота» была заменена категорией «обычай». В связи с этим в рамках данной статьи автором была предпринята попытка проанализировать такие категории, как «обычай», «обыкновенное», «заведенный порядок», а также провести системное соотношение между ними. В статье исследованы существующие в российской цивилистике доктринальные взгляды, а также зарубежное законодательство, регулирующие аналогичные правовые конструкции. Рассмотрены материалы из судебной практики Международного коммерческого арбитражного суда (МКАС) при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. В работе представлены предложения по совершенствованию действующего законодательства в указанной сфере.

On the basis of the last changes of the legislation in the Civil code of the Russian Federation the category “customs of a business conduct” was replaced the categories “custom”. In this regard within this article the author analyzes such categories as “custom”, “usage”, “course of dealing” and also carries out a system ratio between them. The article studies existing in the Russian civil law doctrinal views, as well as foreign legislation regulating similar legal structures. Discuss the materials of judicial practice of the International Commercial Arbitration Court for Russian Chamber of Commerce (ICAC). Suggestions for improvement of the current legislation are reflected in the specified sphere.

Ключевые слова: обычай, обыкновение, заведенный порядок.

Keywords: custom, usage, course of dealing.

В отечественной цивилистике на протяжении долгого времени не прекращаются дискуссии по вопросу соотношения правового обычая со сходными юридическими конструкциями (обыкновение, заведенный порядок, практика, установившаяся во взаимных отношениях сторон). Актуальность вопроса определена той ролью, которую имеют данные юридические конструкции для толкования договора. Статья 8 Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (заключена в г. Вене 11.04.1980), как и ст. 431 ГК РФ, предписывают, что при определении намерения стороны или понимания, которое имело бы разумное лицо, необходимо учитывать все соответствующие обстоятельства, включая переговоры, любую практику, которую стороны установили в своих взаимных отношениях, обычаи и любое последующее поведение сторон.

Однако в гражданском законодательстве Российской Федерации лишь термин «обычай» имеет официальное толкование. В соответствии с п. 1 ст. 5 ГК РФ под обычаем понимается «сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе». В то же время смысл широко используемых в договорном праве терминов «практика, которую стороны установили в своих взаимных отношениях», «обыкновение» и «заведенный порядок», до сих пор не получил закрепления в акте официального толкования, что зачастую приводит к путанице при их применении.

К примеру, в Международный коммерческий арбитражный суд (МКАС) при Торгово-промышленной палате Российской Федерации поступило исковое заявление Общества с дополнительной ответственностью, имеющего местонахождение на территории Республики Беларусь («Истец»), к Обществу с ограниченной ответственностью, имеющему местонахождение на территории России («Ответчик»), о взыскании задолженности. Как следует из искового заявления и материалов дела, между Истцом в качестве покупателя и Ответчиком в качестве продавца 28 мая 2010 г. был заключен Договор купли-продажи № 10-598044/1EXP (далее «Договор»), по которому Истец согласился купить, а Ответчик продать товары, указанные в соответствующих спецификациях, которые являются неотъемлемой частью Договора после их подписания сторонами. Согласно Договору «продавец оставляет за собой право выплачивать покупателю премии (бонусы). При достижении покупателем определенного объема закупок продукции и/или других экономических показателей, а также при выполнении обязательных условий сотрудничества продавец может осуществлять выплату премий (бонусов), как установлено в приложении "F" «Общие условия дистрибуции и выплаты премий (бонусов)» и протоколах к Договору и вышеуказанному приложению "F", если действие вышеперечисленных документов распространяется на стороны. Данные премии (бонусы) являются выплатами, стимулирующими сотрудничество с покупателем, однако они не влияют на цену приобретаемого им товара... Все намеченные показатели и системы выплаты премий (бонусов) должны конкретизироваться и определяться сторонами путем периодического оформления отдельных протоколов, которые становятся неотъемлемой частью настоящих Условий и Договора после их подписания сторонами. В таких протоколах стороны будут вправе установить как виды премий (бонусов) за достижение тех или иных результатов, так и размеры таких премий (бонусов), и порядок их расчета и выплаты покупателю».

Возражая против исковых требований, ответчик заявлял, что у МКАС отсутствует компетенция по рассмотрению настоящего спора в связи с тем, что заявленные исковые требования выходят за пределы арбитражного соглашения. По мнению Ответчика, спор между сторонами возник по поводу выплаты Ответчиком Истцу премий (бонусов), предусмотренных не Договором купли-продажи № 10-598044/1EXP от 28 мая 2010 г. (далее Договор), а сложившейся между сторонами практикой отношений – обычаем. Рассмотрение споров, возникших из обычаев, к компетенции МКАС не относится [1].

Как видно из примера, на практике происходит не только смешение таких понятий, как «обычай» и «сложившаяся практика взаимоотношения сторон», но и их подмена, объединение в единый термин, что недопустимо. Обычаи следует отличать от сложившейся практики взаимоотношений сторон договора, которую нередко называют заведенным порядком.

Заведенный порядок взаимоотношений сторон отражает лишь некоторые подразумеваемые условия договора, которые прямо не зафиксированы в договоре, но «фактически соблюдались (исполнялись) сторонами в их предшествующих договорных взаимосвязях и тем самым выражали их согласованную волю (например, периодическая выдача постоянным оптовым покупателем товара

указаний его продавцу относительно того, в чей адрес следует отгружать конкретные партии товара)» [2]. Поэтому заведенный порядок является только восполнением «обычной картины отношений, из которой выводится субъективное право» [3], тогда как обычай содержит в себе норму объективного права. «Устанавливая свои отношения в каждом конкретном случае, люди не определяют их полностью, исходя из предположения само собою разумеющегося. Так, например, при найме квартиры не условливаются, должен ли квартирант приносить плату домохозяину или домохозяин должен приходить или присылать за нею, – все дело в заведенном порядке. Заведенный порядок может существовать для одного конкретного отношения или для ряда отношений... Заведенный порядок представляет не норму права, а только факт, часто повторяющийся, который дает основание к заключению о том, как стороны предполагали определить свое отношение» [4].

«Сила обычного права определяется его значением как источника положительного права. В области своего применения оно имеет такую же силу, как и закон – “повальный обычай, что царский указ”. Только действие обычного права начинается там, где молчит закон. Сила заведенного порядка иная – она только восполняет волю контрагентов, насколько она не успела ясно выразиться в договоре» [5]. Заведенный порядок – это фактически согласованное сторонами договорное условие, и потому в силу ст. 431 ГК РФ имеет приоритет в применении перед обычаем.

Понятие «обычай» необходимо отличать и от понятия «обыкновение», поскольку смешение данных понятий происходит и в научной литературе, и в правоприменительной практике. Примером может послужить спор относительно правовой природы Правил Международной торговой палаты для толкования торговых терминов «Инкотермс». Российские цивилисты оценивают Инкотермс как «базисные условия поставки» [6], либо как «неофициальную систематизацию обычаев, приобретающих, однако юридическое значение лишь для конкретного договора в случае ссылки на них контрагентов, т. е. по сути имеющих значение не обычаев, а обыкновений», действующих в сфере международной торговли товарами [7], либо как «сборник торговых обычаев (обычаев торгового оборота)» [8].

Торгово-промышленная палата РФ признает правила Международной торговой палаты для толкования торговых терминов «Инкотермс-2000» торговым обычаем (Постановление Правления ТПП РФ от 28.06.2001 n 117-13 «Развитие законодательства о предпринимательстве и роль Торгово-промышленных палат в этом процессе»), Правила по использованию национальных и международных торговых терминов «Инкотермс 2010» (Публикация Международной торговой палаты № 715) – торговым обычаем (обычаем делового оборота) (Постановление Правления ТПП РФ от 28.06.2012 № 54-5 «О свидетельствовании торгового обычая (обычая делового оборота), принятого в Российской Федерации»). Ранее Международный коммерческий арбитражный суд (МКАС) при Торгово-промышленной палате Российской Федерации признал Инкотермс-1990 сводом ориентиров, отражающих обыкновения международной торговли (Решение МКАС при ТПП РФ от 06.06.2000 по делу № 406/1998).

В научной литературе существует несколько точек зрения по проблеме соотношения понятий «обычай» и «обыкновение». Первая – обыкновение является разновидностью обычая, вторая – обыкновение есть «подразумеваемое условие договора», третья – «обыкновение есть этап на пути становления обычая».

Так, по мнению И. С. Зыкина, обыкновение является разновидностью обычая. Он рассматривает термин «обычай» в широком и узком значении. «Термин “обычай” в широком значении применяется в нашей литературе для обозначения сложившихся на практике правил, как являющихся нормами права (правовыми обычаями), так и не являющихся таковыми (в том числе действующих в неправовой сфере). Под этот термин в данном случае подпадает и понятие обыкновения. В более узком смысле под термином “обычай” может пониматься одна из форм выражения права, правовой обычай» [9].

В. С. Нерсисянц придерживается такой же точки зрения, рассматривая обыкновение как разновидность неправового обычая, действующего в сфере, регулируемой правом [10]. В. В. Ровный также рассматривает обыкновение как неправовой обычай: «Обыкновение – обычай неправовой, не является источником права, не обладает юридической нормативностью, выступает в качестве фактической нормы, может иметь юридическое значение и применяться в процессе регулирования договорных отношений при наличии его восприятия контрагентами» [11].

Е. А. Суханов определяет обыкновение как «сложившееся правило, которым согласились руководствоваться стороны договора, и только по тому оно приобрело для них юридическое значение. Иначе говоря, оно представляет собой подразумеваемое условие договора» [12]. И. И. Лукашук отмечает, что «обыкновения зачастую предшествуют обычаю в процессе его формирования» [13]. По мнению В. В. Наумкиной, «обыкновение может трансформироваться в правовой обычай при условии санкционирования со стороны государства» [14].

Вопрос о разграничении правового обычая и обыкновения был весьма детально разработан С. И. Вильнянским. Он предложил следующую формулировку «некоторых признаков различия между правовым обычаем и деловым обыкновением: 1) установление существования обычая (это – вопрос права и входит в обязанность суда, тогда как наличие принятого обыкновения – вопрос факта и требует доказательств от сторон); 2) обыкновения должны быть известны сторонам (во всяком случае, должно предполагаться намерение сторон им подчиниться, а правовой обычай обязателен для сторон, независимо от того, знали ли они о его существовании и имели ли намерение ему подчиниться); 3) применение юридического обычая может быть допущено только в том случае, если закон отсылает к нему, деловое же обыкновение (поскольку это не норма права) применяется независимо от специальной отсылки со стороны закона; 4) в международном частном праве принципы, применяемые в случае коллизии правовых норм (законов и обычного права), не относятся к деловым обыкновениям» [15]. Подобной точки зрения придерживается и И. Б. Новицкий [16].

Несомненно, общей чертой правового обычая и обыкновения можно назвать их общественный характер. В то же время они имеют отличительные признаки.

Во-первых, правовой обычай содержит в себе норму права и является источником права, обыкновение – это лишь распространенная практика, сложившееся правило поведения в какой-либо сфере человеческой деятельности, не являющееся нормой права.

Во-вторых, являясь источником права, правовой обычай подлежит применению даже в том случае, если стороны не знали о его существовании, обыкновение же применяется только в том случае, если стороны договорились о его применении либо договор позволяет предположить намерение сторон руководствоваться тем или иным обыкновением. Следовательно, применение обыкновения предполагает, что стороны осведомлены о его существовании.

В-третьих, установление существования обычая является вопросом права и входит в обязанность суда, тогда как наличие принятого обыкновения – это вопрос факта и требует от сторон доказательств его существования.

В-четвертых, обычай подлежит применению только в том случае, если возможность его применения прямо санкционирована государством. Обыкновение, входя в состав волеизъявления сторон по сделке, применяется по инициативе сторон договора.

В-пятых, правовой обычай является более консервативным, чем обыкновение. Для его формирования необходим более продолжительный период времени, чем для обыкновений.

Проблема отсутствия аутентичного толкования рассматриваемых юридических категорий могла бы быть решена путем закрепления его на законодательном уровне. К примеру, Единообразный Торговый кодекс США (ЕТК) определяет торговое обыкновение (tradeusage) как такую практику деловых отношений, соблюдение которой в том или ином месте, профессии или сфере деятельности настолько постоянно, что оправдывает ожидание такого соблюдения также и в связи с конкретной сделкой (п. 2 ст. 1-205 ЕТК). Заведенным порядком (courseofdealing) признается единообразие поведения сторон в предшествующих сделках между ними, которое позволяет рассматривать его как основу выяснения их намерений в конкретной сделке. Допустимо признавать таковым и повторяющееся поведение участников сделки в ходе ее исполнения, который иногда обозначается специальным термином «порядок исполнения» (course of performance) и признается составной частью заведенного порядка [17].

В Российской Федерации толкование указанных терминов можно было бы закрепить в ст. 5 ГК РФ, дополнив статью п. 3 следующего содержания: «Не являются источником права обыкновения, а также практика, установившаяся во взаимных отношениях сторон (заведенный порядок).

Под обыкновением признается сложившееся правило поведения в какой-либо сфере деятельности, которое применяется достаточно постоянно и воспринимается сторонами сделки в качестве примера.

Под заведенным порядком (практикой, установившейся во взаимных отношениях сторон) признается единообразие поведения сторон в предшествующих сделках между ними, которое позволяет выявить их намерения по конкретной сделке».

Также предлагается изложить абз. 2 ст. 431 ГК РФ в следующей редакции: «Если правила, содержащиеся в части первой настоящей статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон (заведенный порядок), обыкновения, обычаи, последующее поведение сторон». Указанные дополнения, на наш взгляд, приведут к единообразному применению субъектами гражданского права таковых правовых конструкций как обычай, практика, которую стороны установили в своих взаимных отноше-

ниях (заведенный порядок), обыкновение, при формировании условий договора и к выявлению действительной воли сторон договора при необходимости его судебного толкования.

Примечания

1. Решение МКАС при ТПП РФ от 04. 06. 2013 по делу № 157/2012. Доступ из справ-информ. системы «КонсультантПлюс».
2. Договор: Постатейный комментарий глав 27, 28 и 29 Гражданского кодекса Российской Федерации / Б. М. Гонгало, М. Ф. Казанцев, П. В. Крашенинников и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: «Статут», 2010. Доступ из справ-информ. системы «КонсультантПлюс».
3. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 1. М.: «Статут», 2005.
4. Там же.
5. Гражданское и торговое право капиталистических государств: учебник / под ред. Е. А. Васильева. М.: Междунар. отношения, 1992. С. 314.
6. Гражданское право: учебник / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. М.: ВолтерсКлувер, 2004. Т. 1. С. 93.
7. *Фонотова О. В.* Применение Инкотермс в торговом обороте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. URL: <http://lawtheses.com/primenenie-inkotermov-v-torgovom-oborote>.
8. *Зыкин И. С.* Обычай и обыкновения в международной торговле: дис. канд. юрид. наук. М., 1979. С. 26.
9. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. С. 268.
10. *Ровный В. В.* Обычай в частном праве. Иркутск: Иркут. ун-т, 2004. С. 64.
11. Гражданское право: учебник / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. Т. 1. М.: ВолтерсКлувер, 2004. С. 93.
12. *Лукашук И. И.* Источники международного права. Киев, 1966.
13. *Наумкина В. В.* Соотношение категорий «правовой обычай» и «обыкновение» // *Materially V Miedzynarodowej naukow – praktycznej konferencji «Naukowa przestrzen Europy – 2009» Voiume 9 Prawo.: Przemysl. Nauka i studia*, 2009. С. 13.
14. *Вильнянский С. И.* Обычай и правила социалистического общежития // *Ученые записки Харьковского юридического института*. Вып. 5. Харьков, 1954. С. 15.
15. *Новицкий И. Б.* Источники советского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1959. С. 67.
16. Гражданское и торговое право зарубежных государств: учебник / отв. ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 85.

Notes

1. The decision of ICAC with the CCI of the Russian Federation on 04.06.2013 in the case N 157/2012 // Access from sprav. legal system "ConsultantPlus".
2. Contract: article-by-article review of chapters 27, 28 and 29 of the Civil code of the Russian Federation / B. M. Gongalo, M. F. Kazantsev, PavelKrasheninnikov, etc.; under the editorship of P. V. Krasheninnikov. Moscow: Statut, 2010 // Access from sprav. legal system "ConsultantPlus"
3. Shershenovich G. F. the Textbook of Russian civil law. Vol. 1 URL: [http:// library.brstu.ru/static/bd/klaskika_ros_civilizac/Elib/1538.html](http://library.brstu.ru/static/bd/klaskika_ros_civilizac/Elib/1538.html).
4. Ibid.
5. Ibid.
6. Civil and commercial law of the capitalist States: the Textbook. / under the editorship of E. A. Vasilieva. M.: International relations, 1992. S. 314.
7. Civil law: Textbook. / Under the editorship of E. A. Sukhanov. 3-e Izd. M: Walters Kluver, 2004. Vol. 1. S. 93.
8. O. V. Fontova the Use of Incoterms in trade, the dissertation on competition of a scientific degree of candidate of legal Sciences, Moscow – 2006 URL: <http://lawtheses.com/primenenie-inkotermov-v-torgovom-oborote>
9. Zykin I. S. Customs and usages in international trade : Dis... . candidate. the faculty of law. Sciences: 12.00.03 Moscow, 1979. S. 26.
10. Problems of the General theory of law and state: textbook for high schools / under the General editorship of academician of RAS, doctor of law. I., Professor V. S. Nersesyants). — M.: Norma, 2004. S. 268.
11. Rovnyy B. B. Customs in private law: scientific publisher. Irkutsk: Irkut. Univ., 2004. P. 64
12. Civil law: textbook. / under the editorship of E. A. Sukhanov. 3-e Izd. Vol. 1. M: Walters Kluver, 2004. S. 93
13. Lukashuk I. I. Sources of international law. – Kiev, 1966.
14. Naumkin V. V. correlation of the categories "legal custom" and "custom" // the Material of the V International scientific – practical conference "Scientific space of Europe – 2009" Voiume 9 Right.: Think about it. Science and higher education, 2009. C. 13.
15. Wilmanski S. I. Customs and rules of a socialist hostel // scientific notes of the Kharkov legal Institute, vol. 5. Kharkiv, 1954. S. 15.
16. Novitsky I. B. Sources of Soviet civil law. M.: Legal. lit., 1959. S. 67.
17. Civil and trade law of foreign countries: textbook / OTV. edited by E. A. Vasiliev, A. S. Komarov. Vol. 1. M.:Intern. relations, 2004. S. 85.

Интерактивный ресурс по математике для студентов биологических и экологических направлений подготовки

В статье описывается опыт создания интерактивного электронного ресурса по математике. Данный ресурс знакомит студентов биологических и экологических направлений подготовки с основами дискретной математики, теории вероятности и математической статистики, а также демонстрирует применение дискретных методов в математическом моделировании биологических и экологических процессов и объектов. Отбор математического содержания ресурса обоснован возрастающим интересом к изучению дискретных и стохастических свойств биологических систем. Электронная форма ресурса с элементами интерактивности дает возможность пользователю оперативно ознакомиться с теоретическим материалом по математике и методам математического моделирования в биологии, применить полученные знания при решении прикладных математических задач. Ресурс может быть полезен в подготовке студентов к решению учебных исследовательских задач биоинформатики.

The article describes the experience of creating an interactive electronic resource in mathematics. This resource introduces students to the biological and ecological areas of training with the basics of discrete mathematics, probability theory and mathematical statistics, and also demonstrates the use of discrete methods in mathematical modeling of biological and ecological processes and objects. The selection of the mathematical content of the resource justified growing interest in the study of discrete and stochastic properties of biological systems. The electronic form of the resource with the elements of interactivity allows the user to quickly become familiar with the theoretical material on mathematics and mathematical modeling methods in biology, to apply their knowledge in solving applied mathematical problems. The resource could be useful in the preparation of students for the academic research tasks of bioinformatics.

Ключевые слова: дискретная математика, теория вероятностей и математическая статистика, математические модели, электронный образовательный ресурс.

Keywords: discrete mathematics, probability theory and mathematical statistics, mathematical models, electronic educational resources.

Использование математики в исследовании предметной области реализуется в виде такого научного метода, как математическое моделирование. Существующие учебные курсы по изучению математических методов и моделей в биологии и экологии посвящены в основном моделям, инструментом для создания и анализа которых выступает аппарат непрерывной математики. Результаты, полученные в этой области, сыграли огромную роль в становлении нового научного направления – математической биологии. На рубеже XX и XXI вв. это научное направление получило новый импульс развития благодаря использованию современных информационных технологий. Поэтому в настоящее время говорят о такой области знаний, как математическая биология и биоинформатика. Новое научное направление является результатом объединения усилий биологов, математиков и специалистов в области информационных технологий в решении задач исследования биологических объектов и процессов.

Наряду с методами непрерывной математики в современных математических методах исследования всё больше прослеживается использование инструментария дискретной математики, на основе которой создана и развивается компьютерная математика. Включение в математическую подготовку студентов биологических и экологических специальностей разделов дискретной математики даёт возможности данным студентам в учебной и исследовательской работе применять более разнообразные математические методы изучения объектов биологического и экологического характера, а также знакомиться с современными направлениями в математической биологии и биоинформатике. Поэтому нами была сделана попытка создать образователь-

ный ресурс, который знакомит студентов естественнонаучных направлений подготовки с основами дискретной математики, а также демонстрирует применение её методов в математическом моделировании биологических процессов и объектов.

На современном этапе благодаря внедрению в образовательный процесс информационных технологий наиболее востребованными являются электронные образовательные ресурсы интерактивного характера. Появление любого электронного образовательного ресурса, и в особенности интерактивного, сопряжено с достаточно серьезными интеллектуальными и материальными затратами, так как обычно предполагает создание или использование специальных программных продуктов.

Первым опытом разработки такого рода ресурсов для автора является «Дискретная математика с приложениями в области биологии». Нужно отметить, что подготовленный ресурс на данный момент не является методическим оснащением какого-либо существующего учебного курса, согласованного с действующим учебным планом. Он создавался с целью помочь студентам-биологам и экологам в исследовательской работе или подготовке к ней, если она предполагает использование математических методов. Содержание ресурса знакомит с основами дискретной математики, которые не входят в классический курс высшей математики, изучаемый на биологических факультетах.

Созданный образовательный ресурс основан на следующих принципах:

- Самостоятельная познавательная деятельность студента.
- Принцип интерактивности учебного материала.
- Принцип соединения учебной и исследовательской деятельности.

Для реализации этих принципов необходим обоснованный отбор предоставляемой информации, обеспечение удобного доступа пользователя ресурса к необходимой информации, обеспечение методическим руководством по её использованию.

Поэтому созданный ресурс имеет структуру, которая позволяет пользователю:

- находить теоретический материал по определенной математической тематике, представленный для первичного ознакомления с основными понятиями, классами задач и методами их решения;
- иметь возможность самостоятельно усвоить основные методы решения прикладных задач с опорой на имеющиеся рекомендации;
- ознакомиться с применением основных идей и принципов предлагаемой математической теории при решении исследовательских задач в области биологии и экологии;
- выполнить задания, сформулированные, например, в рамках учебной исследовательской работы, используя предлагаемый программный продукт или известные пользователю математические пакеты программ.

Содержание ресурса имеет следующую структуру: инструкция по работе с ресурсом; справочник по теории, задачник, библиотека; практикум (лабораторная работа). В содержание также включен раздел «Математические модели в биологии», в котором в обзорном плане приводятся примеры дискретных математических моделей биологического характера.

Немного более подробно остановимся на описании этих элементов ресурса.

Справочник по теории содержит теоретический материал по разделам дискретной математики, который дается в ознакомительном плане. В справочнике представлены разделы: теория множеств и комбинаторика, логика, теория графов, теория вероятностей и математическая статистика. Материал этих разделов разбит по темам. В основе изложения теоретического материала – переработанные учебные математические курсы, которые в разное время читались автором ресурса. Интерактивный элемент ресурса в виде навигации с помощью гиперссылок позволяет перейти к рекомендованной научной публикации из библиотеки для более подробного ознакомления с приложениями данного математического материала в моделях биологического, экологического или медицинского содержания. Отбор математического материала был выполнен на основе анализа источников [1].

В задачнике собраны несложные математические задачи, позволяющие получить навыки применения теории. Задачный материал также соответствует названным разделам справочника по теории и взят из существующих учебных пособий [2], а также разработан специально для этого ресурса. Многие задачи снабжены подробными решениями или ответами, так как ресурс ориентирован на самостоятельную работу студентов. Интерактивный элемент ресурса в виде навигации с помощью гиперссылок позволяет от формулировки или решения задачи перейти к необходимому теоретическому материалу из справочника.

Для того чтобы проиллюстрировать особенности математического материала в справочнике по теории и задачнике, приведем несколько примеров из их содержания.

1. Справочник по теории, раздел «Теория графов». При изучении структуры биоразнообразия, например, в экологической системе, приходится выявлять различные бинарные отношения: отношения принадлежности, отношения сравнения, отношения различия и другие. Естественным математическим аппаратом при этом является использование графов. Примером использования ориентированных графов является построение сетей питания, которые демонстрируют пищевые (трофические) связи в экологических сообществах. Вершины такого графа – виды, а направление ребер указывает на направление потока вещества или биомассы в данном сообществе. Рассмотрим несколько различных видов, составляющих некоторую экосистему. Сеть питания в данной экосистеме – граф отношения xRy : « x может использовать в качестве питания y ». Если в пищевой цепи сообщества выделяются уровни, то граф может напоминать диаграмму Хассе [3] конечного упорядоченного множества. В этом случае говорят о построении трофических пирамид. Тогда виды, не связанные между собой отношением xRy , но имеющие один и тот же трофический уровень в данной цепи питания, изображаются вершинами графа одного уровня. Трофические уровни определяют группы видов, между которыми невозможны прямые пищевые связи. Если данные виды имеют общий источник питания (вид), то элементы одного уровня такой диаграммы определяют конкурирующие виды. Такие графы – наглядное представление трофических отношений в системе.

2. Пример задачи из раздела «Теория вероятностей и математическая статистика». Одна из форм шизофрении наследуется как рецессивный признак. Определить вероятность рождения ребенка с шизофренией от здоровых родителей, если известно, что бабушка со стороны отца и дед со стороны матери страдали этими заболеваниями.

Решение. Обозначим доминантный ген – (А), рецессивный ген – (а). Мужчина и женщина здоровы, следовательно, они несут доминантный ген (А). У каждого из них один из родителей несет рецессивный признак шизофрении, следовательно, в их генотипе присутствует также рецессивный ген (а), и их генотип – (Аа). Используя схему анализа задачи на нахождение вероятности события, сформулируем опыт: появление определенного генотипа у ребенка. Событие, вероятность которого нужно найти: появление генотипа (аа), так как только в таком случае проявляется заболевание. Общее число исходов опыта равно четырем, так как возможны четыре генотипа: (аа), (Аа), (аА), (АА). Генотипы являются равновероятными. Появление генотипа (аа) связано с одним из этих исходов. По формуле классической вероятности находим вероятность этого события:

Решение. Обозначим доминантный ген – (А), рецессивный ген – (а). Мужчина и женщина здоровы, следовательно, они несут доминантный ген (А). У каждого из них один из родителей несет рецессивный признак шизофрении, следовательно, в их генотипе присутствует также рецессивный ген (а), и их генотип – (Аа). Используя схему анализа задачи на нахождение вероятности события, сформулируем опыт: появление определенного генотипа у ребенка. Событие, вероятность которого нужно найти: появление генотипа (аа), так как только в таком случае проявляется заболевание. Общее число исходов опыта равно четырем, так как возможны четыре генотипа: (аа), (Аа), (аА), (АА). Генотипы являются равновероятными. Появление генотипа (аа) связано с одним из этих исходов. По формуле классической вероятности находим вероятность этого события:

$$P = \frac{m}{n} = \frac{1}{4}.$$

Следовательно, вероятность рождения больного ребенка у таких родителей составляет 25%.

3. Пример задачи из раздела «Теория графов». Есть бактерия, которая делится на три бактерии. В дальнейшем появляющиеся бактерии могут делиться на четыре бактерии, могут на две, а могут и не делиться. Образовалось 102 бактерии. Определите число делений, если известно, что число бактерий, разделившихся на две, в шесть раз больше, чем число бактерий, разделившихся на четыре.

Решение. Процесс деления бактерии можно изобразить корневым деревом. Любая бактерия, разделившаяся на четыре бактерии, будет соответствовать вершине дерева степени 5, бактерия, разделившаяся на две, – вершине степени 3. Кроме этих вершин в дереве еще есть вершина степени 3, соответствующая начальной бактерии, и 102 вершины степени 1, соответствующие бактериям, которые не делились. Пусть n – число бактерий, которые разделились на 4, тогда $6n$ – число бактерий, которые разделились на две. Дерево, описывающее деление бактерий, будет иметь $7n + 103$ вершину и $7n + 102$ ребер. Воспользовавшись леммой «о рукопожатиях», имеем

$$5n + 18n + 3 + 102 = 2(7n + 102).$$

Из уравнения $n = 11$. То есть 11 раз в этой схеме бактерии делились на четыре, и 66 раз – на две бактерии.

Элемент ресурса под названием «Библиотека» состоит из текстов исследовательских и теоретических работ, посвященных математическому моделированию биологических и экологических объектов. Из всего многообразия работ отобраны те, в которых обсуждаются общие вопросы математического моделирования в биологии, или те, в которых используется аппарат дискретной математики. Приведенные работы предназначены для иллюстрации применения изучаемого математического материала, а также для ознакомления с используемыми математическими методами и моделями в биологии. Все приведенные в ресурсе работы других авторов взяты из свободного доступа и включены в список используемой литературы ресурса.

Для реализации принципа интерактивности и принципа соединения учебной и исследовательской деятельности в ресурс включен раздел «Лабораторная работа», содержащий программу BioComparison. Программа разработана М. В. Горшковым [4] и предлагается для использования в свободном доступе. Эта программа предназначена для сравнительного анализа биологических объектов с помощью специально разработанных математических методов. Примеры применения этой программы в конкретных исследованиях также приводятся в данном ресурсе. Кроме того, для пользователя ресурса сформулировано задание, которое можно выполнить с использованием данной программы. В структурном отношении BioComparison представляет собой программу для среды MS Excel, созданную с помощью языка VBA (Visual Basic for Applications). Для работы с этой программой требуется знание MS Excel на уровне пользователя.

Подводя итоги работы по созданию данного электронного образовательного ресурса, нужно отметить, что существующие на данный момент программные продукты, например, такие как MatLab, Mathematica, Anylogic, позволяют решать несравненно больший класс задач, возникающих при математическом моделировании биологических и экологических объектов, чем включенная в ресурс программа BioComparison. Однако использование таких пакетов программ требует специальной подготовки пользователя, что ещё раз подтверждает необходимость комплексного подхода к разработке подобных ресурсов, в том числе привлечения специалистов разных областей: информатиков, математиков, биологов.

Примечания

1. Бейли Н. Математика в биологии и медицине. М.: Мир, 1970; Галанин А. В. Флора и ландшафтно-экологическая структура растительного покрова. Владивосток: ДВО АН СССР, 1991; Подлевских М. Н. Использование графов в дискретных математических моделях биологического и экологического содержания // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. Вып. 17: периодич. межвуз. сб. науч.-метод. работ. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. С. 145–150; Ризниченко Г. Ю., Рубин А. Б. Математические модели биологических продукционных процессов: учеб. пособие для вузов по направлению «Прикладная математика и биология». М.: Изд-во МГУ, 1993; Ризниченко Г. Ю. Математические модели в биофизике и экологии. М.; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2003; Робертс Ф. С. Дискретные математические модели с приложениями к социальным, биологическим и экологическим задачам. М.: Наука, 1986; Романов М. Ф., Фёдоров М. П. Математические модели в экологии. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001; Семкин Б. И., Орешко А. П., Горшков М. В. Об использовании биоинформационных технологий в сравнительной флористике. Схемно-целевой подход. Абсолютные меры сходства и различия // Бюллетень Ботанического сада института ДВО РАН, 2009. Вып. 3. С. 102–111; Фомин С. В., Беркинблит М. Б. Математические проблемы в биологии. М.: Наука, 1973; Фридман М. В., Фридман В. С. Логика для биологов. ВНИИ «Генетика», Биологический факультет. М.: МГУ, 2006; Шитиков В. К., Розенберг Г. С., Зинченко Т. Д. Количественная гидроэкология: методы системной идентификации. Тольятти: ИЗВБ РАН, 2003.

2. Елисеев Е. М., Елисеев М. Е. Элементы дискретной математики: учеб. пособие. Арзамас: АГПИ им. А. П. Гайдара, 2003; Мельников О. И. Теория графов в занимательных задачах. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009; Подлевских М. Н. Теория вероятностей и математическая статистика: учеб.-метод. пособие. Киров: ФГБОУ ВПО «ВятГУ», 2014.

3. Вечтомов Е. М. Основные математические структуры. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. С. 122.

4. Горшков М. В. Программа для сравнительного анализа биологических объектов «BioComparison» // Хроники объединенного фонда электронных ресурсов «Наука и образование». 2010. № 8 (15) С. 29. URL: <http://ofernio.ru/portal/newspaper/ofernio/2010/8.doc>

Notes

1. N. Bailey Matematika v biologii i medicine [Mathematics in biology and medicine]. M. Mir. 1970; Galanin A.V. Flora i landshaftno-ehkologicheskaya struktura rastitel'nogo pokrova [Flora and landscape-ecological structure of vegetation]. Vladivostok. Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences. 1991; Podlevskikh M.N. Ispol'zovanie grafov v diskretnykh matematicheskikh modelyakh biologicheskogo i ehkologicheskogo soderzhaniya [Using graphs in discrete mathematical models of biological and ecological maintenance] // Matematicheskij vestnik pedvuzov i universitetov Volgo-Vyatskogo regiona. Vyp. 17: periodich. mezhvuz. sb. nauch.-metod. rabot – Mathematical herald of pedagogical institutes and universities of the Volga-Vyatka region. Is. 17: periodical Intercollege col. of scientific-method. works. Kirov: Publishing house LLC "Raduga-PRESS". 2015. Pp. 145–150; Riznichenko G.Y., Rubin A.B. Matematicheskie modeli biologicheskikh produkcionnykh processov: ucheb. posobie dlya vuzov po napravleniyu "Prikladnaya matematika i biologiya" [Mathematical models of biological production processes: tutorial for schools in "Applied mathematics and biology."]. M. MGU 1993; Riznichenko G.Y. Matematicheskie modeli v biofizike i ehkologii [Mathematical models in ecology and biophysics]. M.; Izhevsk. Institute of Computer Science. 2003; Roberts F.S. Diskretnye matematicheskie modeli s prilozheniyami k social'nym, biologicheskim i ehkologicheskim zadacham [Discrete mathematical models with applications to social, biological and environmental targets]. M. Nauka. 1986; Romanov M.F., Fedorov M.P. Matematicheskie modeli v ehkologii [Mathematical models in ecology]. SPb. Publishing house SpbGTU. 2001; Semkin B.I., Oreshko A.P., Gorshkov M.V. Ob ispol'zovanii bioinformacionnykh tekhnologij v sravnitel'noj floristike. Skhemno-celevoj podhod. Absolyutnye mery

skhodstva i razlichiya [On the use of bioinformatics technologies in comparative floristry. The circuit-oriented approach. Absolute measures of similarity and difference] // Byulleten' Botanicheskogo sada instituta DVO RAN – Herald of the Botanical Garden of Institute FEB RAS. 2009. Is. 3. Pp. 102-111; S.V. Fomin, Berkinblit M.B. Matematicheskie problemy v biologii [Mathematical problems in biology]. M. Nauka. 1973; Friedman M.V., Friedman V.S. Logika dlya biologov [Logic for biologists]. Institute "Genetics", Faculty of Biology. M. Moscow State University. 2006; Shitikov V.K., Rosenberg G.S., Zinchenko T.D. Kolichestvennaya gidroekologiya: metody sistemnoy identifikatsii [Quantitative hydroecology: system identification techniques]. Togliatti. IEVB Russian Academy of Sciences. 2003.

2. Eliseev E.M., Elisha M. E. EHlementy diskretnoy matematiki: ucheb. posobie [Elements of Discrete Mathematics: tutorial]. Arzamas. ACRI named after A.P. Gaidar. 2003; Melnikov O.I. Teoriya grafov v zanimatel'nykh zadachakh [Graph Theory in entertaining tasks]. M. Bk. House "LIBROKOM". 2009; Podlevskikh M.N. Teoriya veroyatnostey i matematicheskaya statistika: ucheb.-metod. posobie [Probability theory and mathematical statistics: tutorial]. Kirov. VPO "Vyatka State University". 2014.

3. Vechtomov E.M. Osnovnye matematicheskie struktury [Basic mathematical structures]. Kirov. Publishing house LLC "Raduga-PRESS". 2013. P. 122.

4. Gorshkov M.V. Programma dlya sravnitel'nogo analiza biologicheskikh ob"ektov «BioComparison» [Program for the comparative analysis of biological objects «BioComparison»] // Hroniki ob"edinennogo fonda ehlektronnykh resursov «Nauka i obrazovanie» – Chronicles of joint fund of electronic resources "Science and Education". 2010, № 8 (15), p. 29. Available at: <http://ofernio.ru/portal/newspaper/ofernio/2010/8.doc>

УДК 796.323

М. П. Бандаков, В. С. Попереков, Е. Ю. Овсянникова

Методические приемы использования средств и методов развития координационных способностей у баскетболистов 10–11 лет, имеющих «сильную» и «слабую» нервную систему

Научная статья посвящена проблеме развития координационных способностей баскетболистов 10–11 лет, имеющих различные типологические свойства нервной системы. В ходе многолетних психолого-педагогических исследований подтверждено предположение о необходимости создания условий для максимально успешного развития индивидуальных способностей спортсменов как важного направления процесса дифференцированного обучения. При этом подразумевается формирование отдельных групп из числа занимающихся, в том числе с учетом различия их типологических свойств нервной системы. При исследовании путей эффективности начального этапа обучения детей физическим упражнениям установлено, что к достижению высоких результатов в спорте учащиеся со «слабой» и «сильной» нервной системой идут различными путями. В научной статье представлены результаты экспериментальной методики, посвященной выявлению новых методических подходов к совершенствованию процесса физической подготовки юных баскетболистов. Это может обеспечить разработку экспериментальной методики дифференцированного использования средств и методов развития координационных способностей баскетболистов 10–11 лет, имеющих различные типологические свойства, а потому представляется актуальным направлением научных исследований.

The scientific article is devoted to the development of coordination abilities of basketball players 10–11 years with different typological properties of the nervous system. During long-term psychological and pedagogical research confirmed the assumption about the need to create favourable conditions for the successful development of individual abilities of the athletes, as an important area of the process of differentiated instruction. This implies the formation of separate groups of number involved, including taking into account the differences in their typological properties of the nervous system. Exploring the way the effectiveness of the initial stage of teaching children physical exercise established that to achieve high results in sports, students with “weak” and “strong” nervous system come in a variety of ways. The article presents the results of experimental techniques, is devoted to the identification of new methodical approaches to improving the process of physical training of young basketball players. This can ensure the development of experimental techniques differential use of means and methods of development of coordination abilities of basketball players 10–11 years with different typological properties, and because it seems relevant area of research.

Ключевые слова: баскетболисты, координационные способности, типологические свойства нервной системы.

Keywords: basketball players, coordination abilities, typological properties of the nervous system.

В настоящее время высокие показатели результатов в спорте высших достижений неуклонно связывают с научно обоснованным управлением системой подготовки юных спортсменов за счет дифференциации методик обучения.

Задачи экспериментальной методики развития координационных способностей (КС) баскетболистов 10–11 лет с учетом типологических свойств их нервной системы (НС) были одинаковы. Однако в средствах и методах в содержании экспериментальных блоков учебно-тренировочного процесса юных баскетболистов с «сильной» и «слабой» НС были сходства и различия (табл. 1).

Таблица 1

**Средства и методы в содержании экспериментальных блоков
для баскетболистов 10–11 лет с «сильной» и «слабой» НС**

Блоки	Баскетболисты с «сильной» НС		Баскетболисты со «слабой» НС	
	Средства	Методы	Средства	Методы
Обучающий	Обучение технико-тактическим действиям в нападении и защите	1. Словесные. 2. Метод разучивания движений по частям	Обучение технико-тактическим действиям в нападении и защите	1. Наглядные. 2. Метод целостного разучивания движений
Развивающий	Упражнения разной координационной сложности; повышенной интенсивности; с изменением и чередованием способов выполнения заданий; зеркальное выполнение упражнений	1. Вариативный. 2. Стандартно-повторный	Упражнения разной координационной сложности; с увеличением количества повторений; с уменьшением площади опоры; с противод. партнера; задания состязательного характера	1. Стандартно-повторный. 2. Последовательный
Игровой	Подвижные и учебные игры	Игровой и соревновательный	Подвижные и учебные игры	Игровой и соревновательный

Из табл. 1 видно, что в содержании *Обучающего блока* для баскетболистов с «сильной» и «слабой» НС различий в применяемых средствах не было, т.к. при обучении технико-тактическим действиям баскетболистов использовались одни и те же средства действующей Программы по баскетболу. Но имелись различия в преимущественном использовании *методов обучения* технико-тактическим действиям: для баскетболистов со «слабой» НС в начале обучения применялись преимущественно *наглядные методы и метод целостного разучивания движений*, для баскетболистов с «сильной» НС применялись преимущественно *словесные методы и метод разучивания движений по частям*.

Это связано с тем, что для лиц со «слабой» НС в процессе обучения новым двигательным действиям характерно «зрительное схватывание» после показа упражнения в целом и быстрое вработывание; для лиц с «сильной» НС характерно более длительное вработывание после подробного объяснения, рассказа и показа основных звеньев техники изучаемого двигательного действия [1].

В содержании *Развивающего блока* средства и методы развития *специфических КС* для баскетболистов с «сильной» НС и «слабой» НС были различны. Так, у баскетболистов с «сильной» НС не вызывают затруднений упражнения с относительно высокой интенсивностью и длительные по объему, в том числе требующие выполнения заданий «на силу» [2]. При этом частая смена заданий, необходимость быстрого реагирования, дифференцирования временных параметров движений и перестроения двигательных действий, применяемых *вариативным и стандартно-повторным методами*, вызывают повышенное психическое напряжение, а значит это в конечном итоге может обеспечить развитие специфических КС у баскетболистов 10–11 лет с «сильной» НС [3].

Для баскетболистов со «слабой» НС, наоборот, сложность могут вызывать упражнения высокой интенсивности и к тому же длительные по объему. Также повышенное психическое напряжение создают упражнения на уменьшение площади опоры, ходьба и бег с противодействием партнера; задания состязательного характера, направленные на координированность действий в условиях игровых и соревновательных ситуаций и непосредственного физического контакта в противоборстве с соперником с использованием *стандартно-повторного* метода, требующего монотонного и более длительного повторения заданий; *последовательного*, когда, с учетом способностей быстрого «схватывания» новых движений баскетболистами со «слабой» НС, в первую очередь применялись сложно-координационные задания, затем – более легкие [4].

Основными средствами в содержании *Игрового блока* для баскетболистов 10–11 лет с «сильной» и «слабой» НС являлись: подвижные игры, учебные игры 5 * 5 на два кольца, учебные игры 3 * 3 на одно кольцо – стритбол, применяемые с использованием *игрового и соревновательного методов* [5].

При использовании вышеперечисленных средств и методов часто возникала необходимость в применении методических приемов (табл. 2), рекомендованных Ю. М. Макаровым, Г. В. Ковязиной, Н. Г. Озолиным [6].

Таблица 2

Методические приемы использования средств и методов
в содержании экспериментальных блоков
для баскетболистов с «сильной» и «слабой» НС

Экспериментальные блоки	Методические приемы	
	Баскетболисты с «сильной» НС	Баскетболисты со «слабой» НС
Обучающий: формирование технико-тактических навыков баскетбола	1. Создавать благоприятные психолого-педагогические условия. 2. Избегать наличия психического напряжения. 3. Возможны условия повышения мотивации	1. Создавать благоприятные психолого-педагогические условия. 2. Избегать наличия психического напряжения
Развивающий: дифференцированное развитие «ведущих» и «дополнительных» специфических КС	1. Создавать психическое напряжение. 2. Повышение координационной сложности заданий. 3. Повышать мотивацию к выполнению заданий через «поощрение лучших»	1. Создавать психическое напряжение. 2. Повышение координационной сложности заданий. 3. Создавать атмосферу состязания и противоборства
Игровой: подвижные игры и специализированные учебные игры	1. Постепенное усложнение правил игры. 2. Возможность решения задач индивидуального развития игроков и сплочения команды. 3. Избегать наличия психического напряжения. 4. Участие тренера в играх	1. Постепенное усложнение правил игры. 2. Возможность решения задач индивидуального развития игроков и сплочения команды. 3. Избегать наличия психического напряжения. 4. Участие тренера в играх

Таким образом, использование этих методических приемов обеспечивало решение ряда частных задач экспериментальной методики развития координационных способностей баскетболистов 10–11 лет с учетом типологических свойств нервной системы:

1. В процессе формирования новых технико-тактических умений и навыков (обучающий блок) баскетболистов 10–11 лет с «сильной» и «слабой» НС необходимо создавать благоприятные психолого-педагогические условия, исключая психическое напряжение.

2. При развитии специфических КС у баскетболистов с «сильной» и «слабой» НС (развивающий блок) с помощью заданий повышенной координационной сложности необходимо создавать психическое напряжение, так как наличие такового способствует повышению уровня развиваемых КС.

3. В условиях использования подвижных и специализированных учебных игр в процессе спортивной тренировки баскетболистов 10–11 лет, имеющих различные типологические свойства НС (игровой блок), необходимо повышать мотивационную направленность к занятиям спортом через снятие излишней психической напряженности, в том числе через непосредственное участие тренера в играх.

Примечания

1. Влияние силы нервной системы на двигательную деятельность в спорте / О. В. Соколова [и др.] // Альманах современной науки и образования. 2010. № 5 (36). С. 137–139.

2. Бандаков М. П., Полевой Г. Г. Методика дифференцированного развития специфических координационных способностей футболистов 11–12 лет с учетом типологических особенностей проявления свойств нервной системы // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: www.science-education.ru/119-14507.

3. Баринев В. В. Влияние индивидуальных особенностей личности баскетболиста на успешность соревновательной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2001.

4. Писаренкова Е. П. Развитие специфических координационных способностей у школьников 7–15 лет разных типов конституции: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тула, 2010.

5. Макаров Ю. М. Методологические предпосылки формирования теории игровой спортивной деятельности // Научно-педагогические школы университета: науч. тр.: ежегодник-2014 / Нац. гос. ун-т физ. культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург; редкол.: В. А. Таймазов (гл. ред.) [и др.]. СПб., 2014. С. 41–51.

6. Там же; Ковязина Г. В. Методические подходы к совершенствованию физической реабилитации постинсультных пациентов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 4–3. С. 97; Озолин Н. Г. Настольная книга тренера. Наука побеждать. М.: Астрель, 2004. С. 341–346.

Notes

1. The influence of nervous system on motor activity in sports / O. V. Sokolova [et al.] // Almanah of modern science and education. – Tambov, 2010. – № 5 (36). – P. 137–139.

2. Bandakov M. P., Polevoy, G. G. The technique of differential development of specific coordination abilities of soccer players 11-12 years taking into account the typological peculiarities of the manifestation of the properties of the nervous system // Modern problems of science and education. – 2014. – N. 5; URL: www.science-education.ru/119-14507 (reference date: 30.08.2015).

3. Barinov, V. V. Influence of individual personality characteristics a basketball player for the success of competitive activity : author. dis... . candidate. ped. sciences : 13.00.04 / V. V. Barinov. – M., 2001. – 24 p.

4. Pisarenkova, E. P. The development of specific coordination abilities of pupils 7–15 years of different types of Constitution : author. dis... . candidate. ped. sciences : 13.00.04 / E. P. Pisarenkova ; [Resins. state Acad. physical culture, sports and tourism]. – Tula, 2010. – 20 p.

5. Makarov Y. M. Methodological background of the formation of the theory's sports activity // Scientific-pedagogical schools of the University : publications : Yearbook – 2014 / Nat. state University of physical culture, sport and health n. a. P. F. Lesgaft, St. Petersburg ; SYN. V. A. Taymazov (chief editor) [and others]. – Saint-Petersburg, 2014. – P. 41–51.

6. Makarov Y. M. Methodological background of the formation of the theory's sports activity...; Kovyazina G. V. Methodological approaches to the improvement of the physical rehabilitation of post-stroke patients // Bulletin of Vyatka state Humanities University. – Kirov, 2011. – N. 4–3. – P. 97; Ozolin N. G. Handbook of coach. The science of winning. – Moscow: Astrel, 2004. – P. 341–346.

УДК 37.015.3

С. Ю. Курилова

Самоактуализация личности учителя начальных классов как условие повышения качества образования

Проблема самоактуализации личности учителя относится сегодня к числу ключевых проблем педагогики. Усиление внимания к данной проблеме определяется изменениями, произошедшими в обществе, новыми общественно-политическими и экономическими отношениями, реорганизацией в образовательной системе. Для современной школы необходим педагог-профессионал, учитель-исследователь, знающий прогрессивную психолого-педагогическую теорию, владеющий передовой технологией обучения и стремящийся к реализации своего потенциала.

В связи с этим целью исследования является рассмотрение имеющихся теоретических представлений на определение содержания понятия «самоактуализация» и выявление возможностей школьной образовательной среды в раскрытии личностного и профессионального потенциала учителя начальных классов.

Профессиональная самоактуализация предусматривает непосредственную профессиональную деятельность педагога, она является сознательным стремлением профессионала актуализировать свои внутренние характеристики (свойства, способности, качества) таким образом, чтобы внешняя их форма (профессиональные знания, умения, навыки) соответствовала профессиональным нормативам, а результат профессиональной деятельности получил социальное (профессиональное) признание.

Nowadays the problem of self-actualization teacher is one of the key problems of pedagogy. Increased attention to this issue is determined by changes in the society, the new socio-political and economic relations, and the reorganization of the education system. It is necessary to have the professional teacher for modern school, teacher and researcher who knows the progressive psychological and pedagogical theory, which owns advanced technology learning and striving to realize their potential.

In this connection, the aim of the study is to examine the available theoretical concepts to determine the concept of “self-actualization” and identifying opportunities for school educational environment in disclosing personal and professional capacity of primary school teachers.

Professional self-actualization provides direct professional work of teachers, it is a conscious desire to update their professional internal characteristics (properties, capabilities, quality) so that their outer shape (professional knowledge, skills) met professional standards, and the result of professional work has received social (professional) recognition.

Ключевые слова: самоактуализация личности учителя, образовательная среда, творчество, концепция.

Keywords: self-actualization of primary school teachers, educational environment, creativity, concept.

Начало обучения в школе – один из самых серьезных моментов в жизни ребенка. От того, в какой образовательной среде он окажется, каким будет его первый учитель, во многом зависит его успешность и развитие личности в будущем. На эффективность процесса обучения школьника влияет личность самого учителя, стиль его отношений с учащимися, система педагогических приемов и способов его взаимодействия с учащимися, характер общения, профессиональная подготовленность педагога, уровень психологической культуры, знание и понимание им основных социально-психологических феноменов класса.

Наметившиеся тенденции развития начального образования выявили проблемы, которые требуется решать уже сегодня. Одной из таких проблем является неготовность большей части учителей начальных классов к полной самореализации личностных и профессиональных потенций в педагогической деятельности. Сегодня ведущим является умение создавать условия, в которых ребенок чувствует себя самостоятельным, способным принимать решения, осуществлять выбор и быть за него ответственным. Усиление личностной направленности в процессе деятельности учителя заставляет по-иному оценивать его психолого-педагогическую подготовку [1].

Работы В. П. Зинченко, Б. С. Братусь, Е. И. Исаева, А. В. Мудрик, А. Б. Орлова, В. А. Петровского, В. И. Слободчикова, В. А. Татенко, И. Б. Котовой и других показали, что развитие личности невозможно не только без «значимого другого», но и без «значимого себя для других». Поиски ответа на вопрос о развитии личности привели к открытию той формы активности, которая получила название «устремление», т. е. направленность человека на продуцирование таких действий, которые связаны с расширением возможностей и сферы действий. Выявлено, что каждый из субъектов образования не просто содействует развитию другого, а находит в этом условие для собственного личностного развития.

В основе такого взгляда лежит концепция рассмотрения личности как субъекта идеальной представленности и продолженности человека в другом человеке, разработанная А. В. Петровским и В. А. Петровским. Исходя из этой концепции, педагоги несут ответственность за систему взглядов, ценностей, личностных смысловых установок учащихся.

Успехи учителя заключаются не в том, чтобы быть лучшим педагогом, отличником труда, а выражаются в активном отношении как к собственным психическим резервам, так и к возможностям, которые предоставляет учебно-воспитательная система школы. Успехи учителя прежде всего выражают продуктивность личностного развития в конкретных условиях школы.

Теоретическое и практическое значение в связи с этим приобретает идея единства потенциального и актуального в развитии личности учителя, согласно которой необходимо учитывать не только реальные социальные условия развития личности, но и ее потенциальные характеристики (в том числе природные особенности), которые еще не проявляются по тем или иным причинам. Исследованиями установлено, что сфера потенциального выполняет важнейшую детерминирующую функцию в развитии личности. Она служит источником смыслообразования и временной перспективы (А. С. Макаренко, А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович). Формой потенциального выступают цели, стремления, идеалы личности, а также объективные перспективы и возможности ее развития.

Потенциальное – это та сфера, в которую личность вступает, превращая ее в актуальную. Используя выражение Л. С. Выготского, ее можно назвать «ближайшей зоной развития», видимой человеком издали и намечаемой им в качестве цели развития и профессиональной самоактуализации. Потенциальное может выступать и в качестве объективно заданной общественной задачи. В этом случае оно выполняет стимулирующую, детерминирующую функцию в развитии личности, хотя еще не стало актуальным.

Т. А. Артемьевой были разработаны «потенциальные» и «актуальные» особенности личности. Потенциальные особенности – такие, которые, во-первых, индивидуально характеризуют данную личность; во-вторых, выявляют процесс и диапазон ее развития по многим основаниям – генетическим, физиологическим, психологическим, поведенческим, деятельностью и т. д.; в-третьих, они еще не реализуются в данных условиях жизнедеятельности.

Актуальные – те, которые реально «работают» в разных условиях жизнедеятельности.

При этом «потенциальные особенности не сводятся только к задаткам». Категория «потенциальные особенности», в отличие от категории «задатки», указывает на направление развития личности на всех ее подструктурных уровнях, а не только на физиологической или какой-нибудь иной основе.

Т. А. Артемьева подчеркивает, что новые личностные образования не даются человеку в готовом виде, как результат «развертывания изнутри» ее потенциальных возможностей, а являются следствием активности самой личности во взаимодействии с обществом, результатом присвоения ею достижений человеческой культуры в конкретных социальных условиях.

Динамика потенциальных возможностей в актуальные – основной психологический механизм саморазвития личности (Платонов, Анцыферова).

Этимологически слово «самоактуализация» происходит от слова «актуализация», переход из состояния возможности в состояние действительности. С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что человека как личность характеризует не только то, что есть, но и то, чем он хочет стать, к чему он активно стремится, т. е. характеризует не только то, что уже сложилось, но и то, что составляет сферу возможного развития. Учебно-воспитательный процесс может либо способствовать развитию личности учителя, либо сужать сферу ее возможностей. Необходимо, чтобы учитель психологически был готов к реализации своей собственной личности, уметь преодолевать самого себя. Нужно научить учителя работать изобретательно и творчески, используя собственные психические резервы.

Ученые обращают внимание на необходимость творческого подхода учителя к педагогической деятельности. Современные педагоги-исследователи особую важность придают такой самостоятельной категории, как «творческая самоактуализация» личности учителя, то есть процесс и результат самоосуществления ее творческой сущности в профессиональной деятельности. Творчество учителя – один из важнейших признаков его профессиональной культуры. Еще английский педагог А. Нейлл утверждал, что «творчество и самовыражение являются единственными вещами, с которыми следует считаться в образовании». Отечественный педагог и психолог П. Ф. Каптерев отмечает, что творчество учителя и ученика объединяет, «связывает потребность в самообразовании и самовыражения» [2].

Задачей педагога является облегчение и одновременно стимулирование процесса учения для школьников, т. е. умение создавать соответствующую интеллектуальную и эмоциональную обстановку в классе.

Учитель может создать в классе нужную атмосферу стимулирования школьников к учению, если он будет руководствоваться следующими принципами:

- 1) на всем протяжении учебно-воспитательного процесса демонстрировать учащимся свое полное доверие к ним;
- 2) помогать учащимся в формулировании и уточнении целей и задач, стоящих перед классом и каждым учащимся в отдельности;
- 3) исходить из того, что у учащихся имеется внутренняя мотивация к учению;
- 4) выступать для учащихся как источник разнообразного опыта, к которому всегда можно обратиться за помощью, столкнувшись с трудностями в решении той или иной задачи;
- 5) развивать в себе способность чувствовать настрой класса и принимать его; быть активным участником группового взаимодействия;
- 6) открыто выражать свои чувства и переживания каждого школьника;
- 7) хорошо знать самого себя [3].

В феномене «самоактуализация личности», как отмечал А. Маслоу, содержатся субъективные предпосылки профессионализма в педагогической деятельности. Проведенные впоследствии в США исследования показали, что «самоактуализирующийся» учитель, как творчески настроенный человек, потенциально обладает огромным влиянием на воспитанников. Так, в исследовании Б. Кларка выявлено, что учителя, имеющие общую направленность к самоактуализации, ориентированы на дружескую коммуникацию с людьми, позитивно оценивают себя как способных людей, достойных уважения, которые скорее приятны другим, чем неприятны. Они отличаются энтузиазмом по отношению к преподаваемому предмету, могут пробудить к нему живой интерес, верят в способности своих учеников и подбадривают их. Кроме того, их характеризует теплое отношение к людям, юмор, подлинность эмоциональных проявлений, искреннее сопереживание ученикам, умение укреплять у них чувство самоуважения.

На противоположном полюсе находятся «неэффективные» учителя, которым не свойственна тенденция к самоактуализации. Их отличает равнодушие, язвительность, насмешки над другими людьми, нарушающие у тех чувство безопасности. Такие преподаватели в силу своих характерологических черт подрывают творческие силы учащихся.

Уровень личностного развития учителя начальных классов определяет и его отношение к различным аспектам профессиональной деятельности. В нашем исследовании было выделено три уровня самоактуализации личности учителя: высокий, средний и низкий.

Для учителя с высоким уровнем самоактуализации характерно творческое отношение к результатам своего труда; постоянное стремление к самообразованию, самосовершенствованию; поощрение индивидуальных отличий учащихся; строит свою работу с учетом индивидуальных различий учеников; ежедневно развивает и поощряет успешность всех учеников; основывает свою работу на теории обучения и новейших научных исследованиях; в ходе работы группирует учеников и дает им задание, соответствующее стилю их обучения, интересам, уровню знаний и т. д.; знает сильные и слабые стороны учеников и эффективно работает с другими учителями.

Учителя со средним уровнем самоактуализации осознают индивидуальные различия учеников; создают определенные условия для развития учеников; периодически обсуждают с другими учителями индивидуальные особенности учеников, чтобы оказывать им помощь в обучении; иногда варьируют задания и группируют учеников.

Во вторую группу входят учителя, у которых отмечается стремление реализовать свой потенциал, но не реализующие его.

Учителя с низким уровнем стремления к самоактуализации – работают с «целым классом»; крайне редко делают различия между учениками; при планировании работы не учитывают потребностей учеников и их различные стили обучения, уровень знаний, сформированность учебных умений и навыков. В эту группу входят учителя, имеющие проблемы в своей деятельности. Как правило, такие педагоги чувствуют неудовлетворенность избранной профессией и уходят из школы.

Отвечая на вопрос «Хороший учитель – это...», большинство педагогов с низким уровнем стремления к самоактуализации воспринимают учителя в основном как источник информации. Педагоги, находящиеся на «среднем» уровне, обращают внимание на развитие внутреннего мира ребенка и мастерское владение профессиональными умениями. При этом одни выделяют профессионализм, другие – самосозидание. На «высшем» уровне подчеркиваются личный опыт и рефлексия. Хороший учитель характеризуется способностью преодолевать жизненные трудности, высокими духовными целями и ценностями. Такой учитель стимулирует инициативу, приветствует самостоятельный поиск, побуждает учащихся к постановке проблем, выдвижению гипотез [4].

Устойчивый интерес к применению разнообразных обучающих технологий, к индивидуализации и дифференциации обучения возникает только у учителей, находящихся на «среднем» уровне. На «высшем» уровне появляются осознание ограниченности своих знаний и, как следствие, новая цель – самообразование и самоактуализация. Для учителя с тенденцией к самоактуализации характерно:

- творческое отношение к труду;
- подбор приемов и методов стимулирования учащихся к познавательной активности, самостоятельной творческой деятельности;
- определение степени свободы действий учащихся на уроке;
- реализация учителем на уроке своих проектных разработок.

Учителя с тенденцией самоактуализации делают процесс учения притягательным и в силу этого не только создают на уроке позитивный климат, но и обеспечивают условия для внутреннего развития детей. Впрочем, учителя, не склонные к самоактуализации, тоже могут создавать атмосферу, благоприятную для учения, но, как правило, лишь для отдельных учащихся.

В условиях гуманистического обучения предполагается изменение типа отношений между учителями и учениками, открытость будущему, способность к прогнозированию и переоценке ценностей. Иными словами, ключ к личностному росту ребенка в личностном росте взрослого.

Примечания

1. Алексеев Н. И. Личностно ориентированное обучение: вопросы теории и практики. Тюмень: ТюмГУ, 1997.
2. Большакова О. Н. Самостоятельность, творчество, инициатива: монография. Томск: Изд-во «СТТ», 2010.
3. Сериков В. В. Образование и личность: теория и практика проектирования педагогических систем. М.: Изд. корпорация «Логос», 1999.
4. Курилова С. Ю. Проблема самоактуализации личности молодого учителя начальных классов в педагогической деятельности // Материалы международной научно-практической конференции: альманах «Продуктивное образование»: индивидуальные образовательные траектории: в 2 ч. Ч. 1. Вып. 8. М.: Экшэн, 2006. С. 172–175.

Notes

1. Alekseev N. I. Personality-oriented education: theory and practice. Tyumen, 1997. 120 c.
2. Bolshakov O. Independence, creativity, initiative: a monograph. Tomsk: Izd. of "STT", 2010. 180 c.

3. Serik V. Education and personality: theory and practice of designing educational systems. M.: Corporation "Logos", 1999. 272 c.

4. Kurilova C. Y. Problem of self-actualization of young primary school teachers in teaching activities // Proceedings of the international scientific-practical conference. Almanac "Productive Education": individual educational trajectory. At 2 pm. Part 1. Vol. 8. M.: Ekshen, 2006. C. 172–175.

УДК 378

А. Т. Галиахметова, Е. А. Андреева

Интеграция педагогических технологий как важное направление модернизации профессионального образования

Интеграция педагогических технологий является одним из перспективных направлений повышения качества образования в высших учебных заведениях. В данной статье рассматривается проблема интеграции педагогических технологий как важное средство повышения качества образования. Целью исследования является разработка и построение модели интеграции педагогических технологий. Были использованы такие методы, как моделирование, эксперимент, анализ существующих педагогических технологий. Разработанные модели были экспериментально проверены и свидетельствуют о положительном влиянии на качество педагогического процесса в системе модернизации профессионального образования. Разработанная авторами структура учебного процесса в условиях интеграции педагогических технологий способна оказать помощь преподавателям в конструировании и проведении учебных занятий.

Integration of educational technology is one of the promising ways of increasing the quality of education in higher educational institutions. The article describes the problem of integration of educational technologies as an important means of improving the quality of education. The aim of the research is the development and construction of a model of integration of educational technologies. We used such methods as modeling, experiment, analysis of existing educational technologies. The models have been tested experimentally, and show the positive impact on the quality of the educational process in the modernization of professional education. The developed structures of the educational process in terms of integration of educational technologies can assist teachers in designing and conducting lessons.

Ключевые слова: интеграция, педагогическая технология, профессиональное образование, качество образования.

Keywords: integration, educational technology, professional education, quality of education.

Современная профессиональная школа призвана не только готовить студентов к овладению профессией, но и нести ответственность за качество профессионального образования и конкурентоспособность специалиста. Сформировать у всех студентов современные ключевые профессиональные компетенции можно, только кардинально изменив систему профессионального образования. Поэтому совершенствование педагогического процесса в профессиональной школе остается одной из самых важных проблем. Ученые обращаются к вопросам разработки и внедрения эффективных педагогических технологий (в том числе гибких технологий) в профессиональную школу. Разработать и внедрить систему педагогических технологий, учитывая многовариативность образовательных программ и типов образовательных организаций, оценить их качество и практическую состоятельность в учебном процессе – задачи, которые необходимо решить в настоящее время.

Реформирование системы профессионального образования должно основываться не только на обновлении его содержания, его гуманизации и демократизации, но и на изменении самого подхода к процессу организации профессиональной подготовки. Приблизительные и неконкретные методики, которыми в настоящее время пользуются в организациях профессионального образования, должны быть заменены на целостные системы эффективных, гибких педагогических технологий, объединяющих достижения педагогической науки и ориентированных на решение ключевых задач профессионального образования. Педагогика пока не располагает целостной системой педагогических технологий ни в теоретическом, ни в практическом аспектах. В связи с этим исследование в данном направлении является чрезвычайно актуальным для современной профессиональной школы и педагогики в целом.

Анализ различных исследований в данной области указывает на острую потребность преподавателей в овладении новейшими педагогическими приемами и идеями современной педагогики. Одной из таких идей является интеграция педагогических технологий.

«Интеграция» и «система» – близкие понятия. «Если речь идет о системном подходе, – отмечает В. П. Кузьмин, – ищите интеграцию» [1]. Педагогическая интеграция – это разновидность научной интеграции, осуществляемой в рамках педагогической теории и практики. Естественно, что и принципы, и формы, и методы такая интеграция будет иметь свои, педагогические.

Проблемой интеграции наук, интеграционных процессов в образовании занимались А. Н. Аверьянов, Л. фон Бергаланфи, В. С. Безрукова, И. В. Блауберг, А. Я. Данилюк, Ю. С. Тюнников, Н. К. Чапаев, Э. Г. Юдин и др., а также нами были изучены работы, в которых рассматриваются задачи современного профессионального образования (Г. И. Ибрагимов, А. В. Леонтьев, Д. В. Ливанов, А. А. Фурсенко), пути и средства развития творческой личности (Ю. К. Бабанский, А. М. Баскаков, В. В. Краевский, И. Я. Лернер, С. Е. Матушкин, А. В. Усова, В. А. Черкасов, П. И. Чернецов и др.).

Под интеграцией педагогических технологий мы понимаем процесс и результат объединения педагогических технологий в некоторую целостность, сопровождаемые уплотнением связей между ее составляющими [2]. Результатом данного объединения является инновационная педагогическая технология (интегральная). Модель интегральной педагогической технологии представляет собой структуру, включающую следующие функциональные блоки и их компоненты:

а) ключевые задачи (возможности) педагогических технологий, ориентированные на цели и задачи современного профессионального образования;

б) дидактическая подсистема, содержащая компоненты, представляющие собой интеграцию соответствующих компонентов составляющих технологий:

- интегральный компонент «концептуальные основы»;
- интегральный компонент «принципы технологии»;
- интегральный компонент «особенности построения содержания обучения»;
- интегральный компонент «особенности форм, методов, приемов, средств обучения»;
- интегральный компонент «алгоритм учебного процесса»;
- мониторинг состояния профессиональной компетентности студентов (результатов учебного процесса).

Интегрированные компоненты образуются на основе дифференциации технологии на компоненты и их интеграции [3]. Управленческая подсистема обеспечивает управление: а) собственно технологией (в результате технология адаптируется к изменяющимся условиям); б) учебно-познавательной деятельностью обучаемых. Управленческая подсистема содержит концептуальные основы, принципы, функции и методы управления обучением.

Главное назначение интеграции педагогических технологий заключается в повышении качества и эффективности педагогического процесса, которое осуществляется на основе суммарной реализации всех педагогических возможностей составляющих технологий.

По нашему мнению, в интегральной педагогической технологии в первую очередь максимально должны реализовываться:

- дифференциация, индивидуализация и личностная ориентация обучения;
- активность и самостоятельность обучаемых;
- активное и всемерное использование компьютерных средств.

Интегральная технология включает в себя все лучшее составляющих ее технологий, обеспечивает мотивацию обучаемых, реализует дифференциацию и индивидуализацию обучения, предоставляет возможность сформировать у студентов индивидуальные траектории обучения и развития.

Нам удалось обосновать концептуальные положения интегральной технологии, заключающиеся в том, что

- интеграция педагогических технологий является важным условием повышения эффективности и качества педагогического процесса в профессиональной школе;
- проектирование и реализация управляемых (гибких) интегральных педагогических технологий позволяет создать механизмы устойчивого и непрерывного самоуправяемого развития профессионального образовательного учреждения.

Разработанные модели управляемых (гибких) интегральных педагогических технологий были экспериментально проверены и широко апробированы в профессиональной деятельности ряда образовательных организаций профессионального образования. Данная апробация позволила сделать вывод об эффективности этих моделей. Результаты исследования свидетельствуют о положительном влиянии данных моделей на основные параметры, характеризующие эффективность и качество педагогического процесса в системе профессионального образования.

Таблица 1

**Динамика качества конечных результатов в профессиональных школах,
работающих в условиях интеграции педагогических технологий**

Основные показатели	Доэкспериментальный срез				Постэкспериментальный срез			
	Экспериментальные группы		Контрольные группы		Экспериментальные группы		Контрольные группы	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Всего студентов (выборка)	536	100	534	100	536	100	534	100
Студенты, выдержавшие экзамен на «4» и «5»	189	35,2	175	32,7	253	47,2	249	46,6

Таблица 2

**Динамика качества учебного процесса в профессиональных образовательных учреждениях
в условиях интеграции педагогических технологий**

Основные показатели	Доэкспериментальный срез				Постэкспериментальный срез			
	Экспериментальные группы		Контрольные группы		Экспериментальные группы		Контрольные группы	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Всего учебных занятий (выборка)	450	100	445	100%	450	100%	445	100%
Количество учебных занятий, на которых осуществляется дифференциация и индивидуализация обучения	150	30	137	31	410	91,1	142	32
Количество учебных занятий, на которых активизируется познавательная деятельность студентов	45	10	47	10,6	425	94,4	46	10,3
Количество учебных занятий, на которых всемерно используются инф.-комп. средства	110	24,4	108	24,9	440	97,8	107	24

Анализ данных таблиц позволяет сделать вывод о том, что интеграция педагогических технологий обеспечивает повышение качества учебного процесса в профессиональных учебных заведениях, конечных результатов их деятельности, а также уровня творческой самореализации научно-педагогических работников.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты способны значительно повысить качество и эффективность образования в профессиональной школе в целом. Разработанные в исследовании теоретические положения дают преподавателям образовательных организаций, а также специалистам органов управления образованием необходимые представления о новых принципах и способах организации учебного процесса.

Выработанная структура учебного процесса, образовательные модули по учебным дисциплинам в условиях интеграции педагогических технологий способны оказать помощь преподавателям в конструировании и проведении учебных занятий на основе интегральных педагогических технологий.

Примечания

1. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1980.
2. Галиахметова А. Т. Комплексный подход к классификации педагогических технологий как основа их интеграции и управления качеством образования в вузе // В мире научных открытий. Красноярск: Науч.-иннов. центр, 2013. № 5. 2 (41).
3. Чапаев Н. К. Интеграция педагогического и технического знания в педагогике профтехобразования. Екатеринбург: Свердл. инж.-пед. ин-т, 1992.

Notes

1. Kuz'min V. P. Princip sistemnosti v teorii i metodologii K. Marksa [The principle of consistency in the theory and methodology of Karl Marx] / V. P. Kuz'min M.: Politizdat, 1980.
2. Galiahmetova A. T. Kompleksnyj podhod k klassifikacii pedagogicheskikh tehnologij kak osnova ih integracii i upravlenija kachestvom obrazovanija v vuze [An integrated approach to the classification of educational technologies as the basis for their integration and quality management education at the university] / A. T. Galiahmetova – V mire nauchnyh otkrytij. Krasnojarsk: Nauchno-innovacionnyj centr, 2013. – #5. 2 (41).
3. Chapaev N. K. Integracija pedagogicheskogo i tehničeskogo znanija v pedagogike proftehbrazovanija [Integration of educational and technical knowledge in teaching vocational education] / N. K. Chapaev – Ekaterinburg: Sverdlovskij inzh.-ped. in-t, 19922.

УДК 159.922.73

Т. С. Бобкова

Возможности применения метода наблюдения в психодиагностической работе с подростками

В статье рассматриваются как общие вопросы психодиагностической работы с подростками, так и частные, касающиеся метода наблюдения. Предлагается авторская разработка карты-схемы наблюдения за формами полоролевого поведения, проявлениями мужских и женских качеств личности. Автором изложены результаты эмпирического исследования одной из составляющих структуры самосознания личности – половой идентификации, предложены рекомендации по использованию карты-схемы наблюдения за подростками в условиях детского дома и замещающей семьи. Выборку составили подростки с разной социально-педагогической ситуацией развития (детский дом, обычные и приемные семьи). Предложенные практические рекомендации помогут в оказании квалифицированной психологической помощи детям-сиротам и поддержке специалистов, занимающихся проблемами данной категории детей.

The paper describes both general questions of psychodiagnostic work with teenagers and concrete questions coming to observation method. Authoring schematic map to observe the forms of gender – role behaviour showing men's and women's personal qualities is offered. The author gives the results of empiric study – one of structural constituent person self – comprehension – sex identification, offers recommendation on using observation schematic map for teenagers in conditions of children's home and replacing family. The selection was made by teenagers with different social – pedagogic development situation (children's home, usual families and foster homes.) These practical recommendations help in rendering qualified psychological support to orphans and specialists, who studies such problems.

Ключевые слова: наблюдение, подростки, психодиагностика, дети-сироты, половая идентификация.

Keywords: observation, teenagers, psychodiagnostic, orphans, sex identification.

Подростковый возраст занимает особое место в психологии. Особенности подростковой психики первостепенно определяются разрывом, диссоциацией между зрелостью физической, психической и социальной. Именно эта диссоциация и обуславливает определение подросткового возраста как «трудного». Как отмечают многие отечественные ученые (Л. И. Божович, Л. С. Выготский, Т. В. Драгунова, В. В. Давыдов, И. С. Кон, В. С. Мухина, Д. И. Фельдштейн, Д. Б. Эльконин, и др.), для подросткового возраста характерными являются кардинальные изменения в организме ребенка на пути к биологической зрелости, влекущие за собой возникновение новых психологических образований: роста самосознания и интереса к собственному «Я», личностной рефлексии, стремления к взрослости и самостоятельности, высокой сензитивности к оценкам другими своей личности, повышения интереса в процессе межличностного взаимодействия к представителю противоположного пола [1]. Благодаря бурному росту и перестройке организма резко повышается интерес к своей внешности. Формируется новый образ физического «Я». Представление о своей внешности не случайно занимает важное место в самосознании подростка. Подростковое «Я» еще неопределенно, расплывчато. Это состояние нередко переживается как смутное беспокойство или ощущение внутренней пустоты, которую необходимо чем-то заполнить [2]. Отсюда, с одной стороны, растет потребность самоутверждения – потребность быть включенным в какую-либо группу сверстников. Именно сознание групповой принадлежности облегчает под-

ростку автономизацию от взрослых, дает ему чувство эмоционального благополучия и устойчивости [3]. С другой стороны, повышается потребность в уединении и обособлении, которое чаще всего проявляется в отдалении от взрослых. Но в этот период оно начинает действовать и в отношении сверстников. Уединение помогает подростку разобраться в себе, лучше понять самого себя. Психике подростка присущи внутренняя противоречивость, неопределенность уровня притязаний, повышенная застенчивость и одновременно агрессивность, склонность принимать крайние позиции и точки зрения. Главная особенность подросткового периода – открытие внутреннего «Я», осознание собственной индивидуальности и ее свойств [4].

Немаловажным аспектом в жизни каждого человека является его принадлежность к определенному полу, фиксирующая представление личности о себе как носителе определённого пола, включающая специфические для мужчин и женщин характеристики, потребности, мотивы, ценностные ориентации, особенности поведения [5]. Социально-экономические преобразования, происходящие в современном обществе и находящие свое выражение в переосмыслении ценностей и нормативных ориентаций человека на свой пол, характеризуются явлениями маскулинизации женщин и феминизации мужчин. Такое положение является изначально неправильным, так как приводит к нарушению биогенетических закономерностей, связанных с половым диморфизмом. Деформация половой идентичности затрудняет процесс вхождения юношей и девушек в социум и часто детерминирует психосоциальную дезадаптацию. Появление осознанной половой идентичности и переживание своей половой принадлежности выступают как психические новообразования подросткового возраста, пронизывающие все структурные компоненты самосознания, влияющие на формирование личности молодого человека [6]. Проблемы подросткового возраста особо остро переживаются воспитанниками детских домов, являясь наиболее уязвимыми в условиях социального сиротства. Столкновение двух образов – повышенная ценность семьи и недостаточный опыт жизни в ней – способствует идеализации воспитанниками интерната взаимоотношений в семье, образа семьянина и отрицательный, конкретный образ того, какими эти взаимоотношения не должны быть, какими качествами не должны обладать муж, отец, мать, жена; порождает конфликтную систему требований и может отрицательно повлиять на формирование адекватных представлений о фемининности – маскулинности и, в конечном счете, исказить нормальный процесс становления половой идентичности [7]. Поэтому своевременная, правильно организованная психолого-педагогическая помощь на основе результатов диагностики является не только основой, но и залогом успешного построения психокоррекционной и развивающей работы с подростками.

В психодиагностической работе с подростками широко используются различные методы тестирования, анкетирования, проективные методики. Важно, чтобы практическое участие в тестировании позволяло подростку реализовать свою потребность в ролевом поведении. Необходимо отметить, что достаточно трудно найти подходящие методы для работы с подростками, оставшимися без попечения родителей. Проблемы диагностирования детей-сирот связаны в первую очередь не с методическим обеспечением, а с психологическими особенностями: низкий уровень вербального интеллекта, задержка психического развития, узкий кругозор, недостаточность словарного запаса и т. д. Имеющиеся практические материалы часто не могут быть использованы в работе с детьми, так как они не всегда могут справиться с предлагаемыми заданиями, с которыми хорошо справляются дети из благополучных семей [8]. Нередко воспитанники не понимают смысла предлагаемых заданий, они им не интересны, они не получают удовольствия от сделанной работы, и, как правило, такая работа оказывается малоэффективной.

Наряду с вышеперечисленными психодиагностическими методами для исключения субъективизма необходимо использовать метод наблюдения, который предполагает планомерное и целенаправленное фиксирование психологических фактов в естественных условиях повседневной жизни. Наблюдение как научный метод исследования не сводится к простой регистрации фактов; его основная цель – научное объяснение причин того или иного явления. Ценность метода наблюдения состоит в том, что не существует возрастных ограничений для испытуемых. Длительное прослеживание жизни ребенка позволяет выявить переломные моменты, особенности критических и переходных периодов в развитии. Современные исследователи чаще используют наблюдение как метод сбора данных на начальном этапе. Однако иногда он используется и как один из основных.

Для получения объективной информации об особенностях половой идентификации у подростков был применен рейтинг – метод оценивания по шкалам, который называют методом косвенного наблюдения, или методом компетентных судей. В качестве компетентных судей выступали близкие взрослые – родители из обычных и приемных семей, воспитатели детского дома, учителя школ. Нашей задачей ставилось узнать мнение любого близкого взрослого, хорошо зна-

ющего ребенка, поэтому мы ограничились количеством взрослых, соответствующих количеству подростков из обычных и приемных семей (один из родителей), и восемью педагогами из детского дома (воспитатели семейных групп, учителя). Суть метода заключается в том, что исследователь просит дать оценку явления, качеств личности человека, деятельность которого судья наблюдал в течение какого-то времени. С этой целью нами была разработана карта наблюдений, состоящая из четырех фрагментов, фиксированных форм полоролевого поведения, проявлений мужских и женских качеств, сексуально-половых предпочтений:

- внешние признаки маскулинности/феминности (формальные символы): внешний облик, стиль одежды, тембр голоса, соответствующий мужскому/женскому образу (типу);
- паттерны (признаки) полоролевого поведения (соответствие социальным стереотипам мужского/женского поведения);
- проявления личностных черт, относящихся к маскулинным/феминным;
- дифференцированность психосексуальных ориентаций (проявление интереса, симпатии к противоположному полу, адекватное отношение к сверстникам своего пола).

Карта наблюдений разрабатывалась на основе анализа существующего в психологической литературе аналогичного инструментария. Карта-схема позволяет определить превалирование маскулинных/феминных качеств, паттернов поведения индивида в соответствии с социальными стереотипами мужских и женских ролей, направленность психосексуальной ориентации и сделать предположения о тенденции к сформированности половой идентичности. По данной схеме наблюдателю предлагается фиксировать частоту поведенческих актов, характерных особенностей личности подростка в соответствии с четырьмя показателями проявления мужественности и женственности: 1 – не проявляется никогда, 2 – иногда наблюдается, 3 – наблюдается довольно часто (обычно), 4 – наблюдается постоянно (всегда). Для качественной и количественной обработки полученных результатов мы использовали четырехбалльную систему оценивания, хотя измерительные шкалы не в полной мере отражают характер особенностей половой идентификации, они позволяют увидеть тенденции в согласованности проявлений тех или иных показателей. В карте-схеме представлены показатели (критерии), отражающие аспекты мужественности, женственности. Общая сумма баллов по частоте наблюдаемости определяет выраженность тех или иных черт (25 баллов). Низкие показатели будут свидетельствовать о слабой сформированности (несформированности) половой идентичности. Высокие показатели (баланс маскулинности/феминности) свидетельствуют о преобладании андрогинности личности (от 25 до 40 баллов).

Статистический анализ результатов проводился с помощью методики так называемых относительных частот Смирнова. Вычисленные относительные частоты наличия признака помогли нам сделать ряд важных выводов относительно превалирования маскулинных/феминных качеств подростков, значимости составляющих половой идентификации и увидеть степень различия сформированности половой идентификации у подростков с разной социальной ситуацией развития (чем цифровое значение доли ближе к единице, тем выше степень сформированности того или иного качества, показателя). При анализе результатов нами также учитывались гендерные различия.

Таблица 1

Результаты оценивания проявлений маскулинности/феминности у девочек взрослыми (родителями, воспитателями) по карте наблюдений

Признаки	Сравнительные частоты					
	Детский дом		Обычные семьи		Приемные семьи	
	Частота встречаемости	ранг	Частота встречаемости	ранг	Частота встречаемости	ранг
1	2	3	4	5	6	7
Внешние признаки (формальные символы) феминности	0,63	4	0,86	5	0,88	4
Внешние признаки (формальные символы) маскулинности	0,26	14	0,06	17	0,12	19
Паттерны полоролевого поведения соответствуют социальным стереотипам женского поведения	0,3	12	0,93	2	0,8	5
Паттерны полоролевого поведения соответствуют социальным стереотипам мужского поведения	0,25	15	0,15	16	0,2	18
Отстаивает свои интересы, проявляя агрессивность вербального и невербального характера	0,66	3	0,6	11	0,45	14

1	2	3	4	5	6	7
Доминирует во взаимоотношениях со сверстниками	0,58	6	0,77	8	0,67	9
Активно участвует в различных общественных мероприятиях	0,73	2	0,9	3	0,77	7
Способен(на) действовать в качестве лидера	0,73	2	0,77	8	0,7	8
Умеет добиться своего	0,76	1	0,59	12	0,47	13
Умеет быстро действовать, ориентироваться в любой обстановке	0,63	4	0,73	10	0,78	6
Проявляет грубость в выражениях	0,61	5	0,33	15	0,35	15
Проявляет силу, смелость, ловкость	0,56	7	0,35	14	0,33	16
Проявляет опрятность, аккуратность во всем	0,66	3	0,86	5	0,8	5
Умение сострадать, помочь	0,53	9	0,83	6	0,9	3
Вежливый	0,55	8	0,97	1	0,93	2
Ласковый	0,58	6	0,93	2	0,67	9
Уступчивый	0,45	10	0,57	13	0,6	11
Скромный, застенчивый	0,29	13	0,88	4	0,3	17
Мягкость в высказываниях, не использует грубых выражений	0,32	11	0,75	9	0,49	12
Склонность к проявлению чувств	0,43	12	0,8	7	0,63	10
Проявляет интерес, симпатии к противоположному полу	0,73	2	0,6	11	0,63	10
Адекватное отношение к сверстникам своего пола	0,76	1	0,9	3	0,97	1

Как видим из табл. 1, по мнению воспитателей детского дома, показателями сформированности половой идентификации воспитанниц является дифференцированность психосексуальных ориентаций, проявляющаяся в интересе, симпатии к противоположному полу и адекватном отношении к сверстникам своего пола. Представленность данной категории высокими рангами, возможно, связана с тем, что у воспитанниц детских домов сексуальная активность наступает достаточно рано по сравнению со сверстницами из обычных семей. Как правило, это сопровождается ранним началом половой жизни и беспорядочными кратковременными связями, которые начинаются в подростковом возрасте и обусловлены отсутствием межличностного барьера, распушенностью, низким уровнем морально-нравственных ценностей. Необходимо обратить внимание на факт постоянного нахождения, проживания в группе сверстников, где так или иначе приходится выстраивать межличностные отношения [9].

Также высокие ранги получили показатели проявления личностных качеств, относящихся к маскулинности/феминности. Среди личностных качеств определяющими оказались те, которые характеризуют маскулинный тип личности – умение добиться своего, способность действовать в качестве лидера, активность участия в различных общественных мероприятиях, отстаивание своих интересов, проявление агрессивности вербального и невербального характера, грубость в выражениях, умение быстро действовать, ориентироваться в любой обстановке, доминирование во взаимоотношениях со сверстниками. При этом они опрятны, аккуратны во всем, могут проявлять ласку. Достаточно высокий ранг занимает категория «Внешние признаки феминности», выражающаяся во внешнем облике, стиле одежды, тембре голоса, соответствующем женскому типу, которая имеет одинаковые ранговые места практически у всех испытуемых, что соответствует возрастным особенностям, когда внешности уделяется достаточно пристальное внимание.

Низкая представленность рангов «Паттерны полоролевого поведения», соответствующая социальным стереотипам женского поведения, говорит о том, что у воспитанниц недостаточно сформированы полоролевые нормативные ориентации и стереотипы поведения, занимающие важное место в подростковом возрасте, что может в дальнейшем привести к путанице ролей и соответственно к нарушению процесса половой социализации в целом.

Для девочек из приемных семей категория «Адекватное отношение к сверстникам своего пола» занимает ведущую позицию среди показателей сформированности половой идентификации. Высокие ранги получили показатели проявления личностных качеств, относящихся к феминному типу личности: умение сострадать, помочь, вежливость, проявление опрятности, аккуратности. Категория «Паттерны полоролевого поведения», соответствующая социальным стереотипам женского поведения, также занимает высокую позицию, как и у подростков из обычных семей, что говорит о сформированности полоролевой идентичности. Возможно, это связано с большими возможностями домашних девочек наблюдать за образцами поведения как своего, так и противоположного пола.

Таким образом, девочки из детского дома более маскулинны в проявлении личностных качеств, в отличие от девочек из обычных и приемных семей, которые проявляют как феминные, так и

маскулинные качества личности, что свидетельствует о тенденции к андрогинности личности. В подростковом возрасте, как указывалось ранее, девочки находятся в поиске оптимальных для себя стилей и способов поведения и общения, их половая идентичность отличается неустойчивостью и подвижностью, что подтверждается различными исследованиями по сходной проблеме. Во внешности, манере поведения все девочки феминны, некоторые воспитанницы склонны придерживаться мужского стиля во внешности, возможно, для утверждения собственной значимости в глазах окружающих, отстаивания личных позиций среди сверстников в непростой социальной ситуации.

Особое внимание, на наш взгляд, следует обратить на величину разностей относительных частот (рис. 1.)

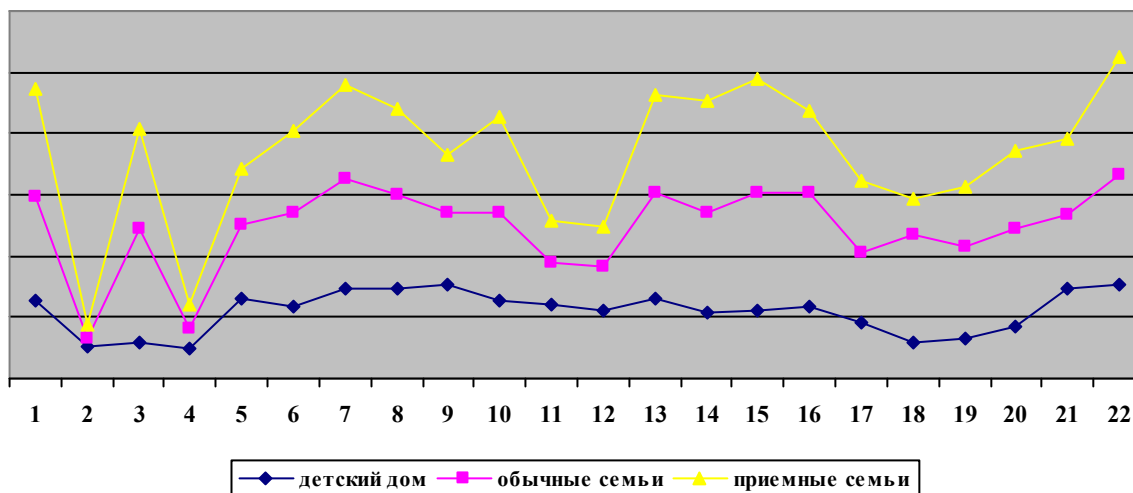

Рис. 1. Графическая иллюстрация результатов оценивания проявлений маскулинности/феминности у девочек взрослыми (родителями, воспитателями) по карте наблюдений (в соответствии с табл. 1)

Как показывают количественные и графические данные, особенно большие расхождения у трех сравниваемых групп девочек наблюдаются в оценке следующих признаков:

1) между девочками из детского дома и из обычных семей – внешние признаки феминности, паттерны полоролевого поведения, соответствующие социальным стереотипам женского поведения, доминирование во взаимоотношениях со сверстниками, активное участие в различных общественных мероприятиях, умение добиться своего, умение быстро действовать, ориентироваться в любой обстановке, грубость в выражениях, проявление силы, смелости, ловкости, опрятность, аккуратность во всем, умение сострадать, помочь; такие личностные характеристики, как вежливая, ласковая, уступчивая, скромная, мягкость в высказываниях, склонность к проявлению чувств, проявление интереса, симпатии к противоположному полу, адекватное отношение к сверстницам;

2) между девочками из детского дома и из приемных семей – внешние признаки феминности, паттерны полоролевого поведения, соответствующие социальным стереотипам женского поведения, отстаивание своих интересов с проявлением агрессивности вербального и невербального характера, умение добиться своего, умение быстро действовать, ориентироваться в любой обстановке, грубость в выражениях, проявление силы, смелости, ловкости, опрятность, аккуратность во всем, умение сострадать, помочь, вежливая, уступчивая, мягкость в высказываниях, склонность к проявлению чувств, проявление интереса, симпатии к противоположному полу, адекватное отношение к сверстницам;

3) между девочками из приемных и обычных семей – отстаивание своих интересов с проявлением агрессивности вербального и невербального характера, доминирование во взаимоотношениях со сверстниками, активное участие в различных общественных мероприятиях; такие личностные характеристики, как вежливая, скромная, проявление мягкости в высказываниях, склонность к проявлению чувств.

Наблюдаются значительные различия признаков проявления маскулинности, феминности между воспитанницами детского дома и девочками из семей, т. е. половая идентификация девочек-подростков с разной социальной ситуацией развития имеет отличительные особенности.

Наименьшие расхождения во всех сравниваемых группах девочек наблюдаются в оценке взрослыми следующих признаков: внешние признаки маскулинности, паттерны полоролевого поведения, соответствующие социальным стереотипам мужского поведения, способность действовать в качестве лидера. Это значит, что у девочек данные показатели наименее развиты.

Рассмотрим результаты оценивания проявлений маскулинности и феминности у мальчиков взрослыми (родителями, воспитателями) по карте наблюдений, которые представлены в табл. 2.

При наблюдении воспитателями детского дома за проявлениями маскулинности/феминности у мальчиков отмечается выраженность агрессивности вербального и невербального характера в отстаивании своих позиций, грубость в выражениях, наличие симпатии и интереса к противоположному полу.

Таблица 2

Результаты оценивания проявлений маскулинности/феминности
у мальчиков взрослыми (родителями, воспитателями) по карте наблюдений

Признаки	Сравнительные частоты					
	Детский дом		Обычные семьи		Приемные семьи	
	Частота встречаемости	ранг	Частота встречаемости	ранг	Частота встречаемости	ранг
Внешние признаки (формальные символы) маскулинности	0,73	3	0,75	5	0,8	6
Внешние признаки (формальные символы) феминности	0,2	17	0,14	18	0,12	18
Паттерны полоролевого поведения соответствуют социальным стереотипам мужского поведения	0,53	9	0,78	4	0,88	3
Паттерны полоролевого поведения соответствуют социальным стереотипам женского поведения	0,27	16	0,2	17	0,22	17
Отстаивает свои интересы, проявляя агрессивность вербального и невербального характера	0,83	1	0,69	8	0,75	7
Доминирует во взаимоотношениях со сверстниками	0,43	12	0,92	1	0,72	8
Активно участвует в различных общественных мероприятиях	0,38	14	0,57	12	0,52	10
Способен(на) действовать в качестве лидера	0,48	11	0,7	7	0,72	8
Умеет добиться своего	0,31	15	0,81	3	0,3	16
Умеет быстро действовать, ориентироваться в любой обстановке	0,43	12	0,6	10	0,48	13
Проявляет грубость в выражениях	0,7	4	0,5	15	0,65	9
Проявляет силу, смелость, ловкость	0,48	11	0,83	2	0,95	1
Проявляет опрятность, аккуратность во всем	0,5	10	0,52	14	0,38	14
Умение сострадать, помочь	0,64	5	0,58	11	0,92	2
Вежливый	0,41	13	0,81	3	0,83	5
Ласковый	0,63	6	0,48	16	0,3	16
Уступчивый	0,61	7	0,55	13	0,5	11
Скромный, застенчивый	0,58	8	0,55	13	0,38	14
Мягкость в высказываниях, не использует грубых выражений	0,41	13	0,75	9	0,34	15
Склонность к проявлению чувств	0,5	10	0,62	9	0,48	12
Проявляет интерес, симпатии к противоположному полу	0,8	2	0,72	6	0,75	7
Адекватное отношение к сверстникам своего пола	0,63	6	0,83	2	0,86	4

Как отмечалось выше, воспитанники детских домов имеют более раннее сексуальное развитие по сравнению со сверстниками из семей, по разным причинам: условия воспитания, социальное окружение, негативное прошлое, случаи насилия в семье, отклонения в физическом и психическом развитии и т. д. [10] Воспитатели также считают внешние признаки: внешний вид, стиль одежды и т. д. – немаловажными показателями сформированности половой идентификации, соответствующими мужскому образу.

Показатели проявления личностных качеств, относящихся к феминности, занимают более высокие ранги по сравнению с маскулинными. Среди личностных качеств определяющими оказались умение сострадать, помочь, ласковый, уступчивый, скромный, аккуратный, опрятный, чувствительный.

Критерий «Паттерны полоролевого поведения», соответствующий социальным стереотипам мужского поведения, занимает последнее место среди выделенных нами четырех фрагментов. Это может говорить о низкой степени сформированности (несформированности) полоролевой идентичности воспитанников по разным причинам. Одним из детерминирующих факторов является отсутствие образцов мужского поведения и образцов взаимодействия противоположных полов, большое количество женщин (часто сменяющихся) ближайшего окружения, о чем упоминалось нами ранее.

По мнению родителей из обычных и приемных семей, выраженными показателями сформированности половой идентификации подростков являются личностные качества, проявляю-

щиеся как в маскулинности, так и в феминности, паттерны полоролевого поведения, которые соответствуют социальным стереотипам мужского поведения. Внешние признаки маскулинности в одежде, причёске, тембре голоса показательны для всех подростков, направленность психосексуальных ориентаций дифференцирована.

Таким образом, мальчики из детского дома более феминны в проявлении личностных качеств, в отличие от подростков из обычных и приемных семей, которые проявляют как феминные, так и маскулинные качества личности, что свидетельствует о тенденции к андрогинности личности.

Обратим внимание на величину разностей относительных частот по результатам наблюдений взрослых (рис. 2.)

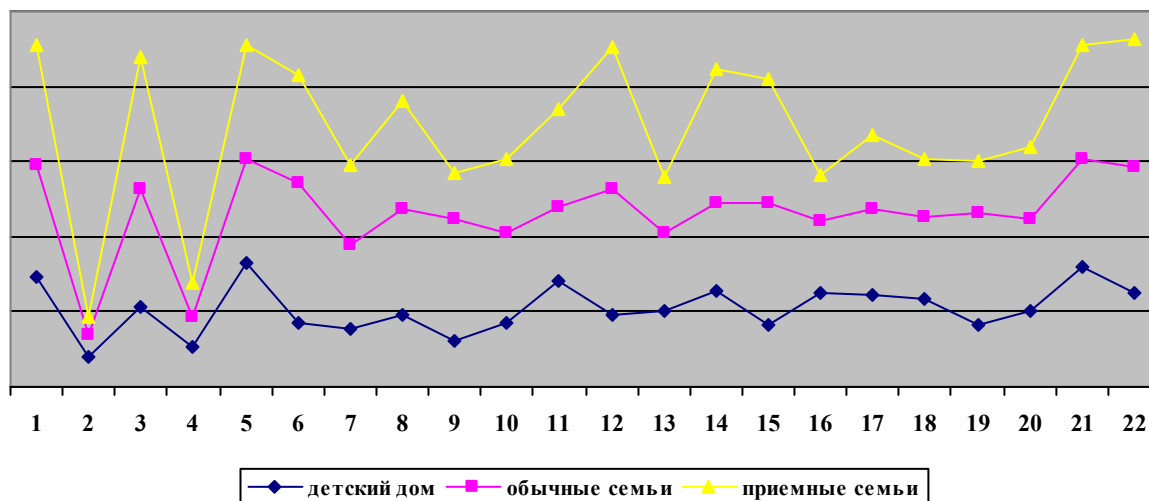

Рис. 2. Графическая иллюстрация результатов оценивания проявлений маскулинности/феминности у мальчиков взрослыми (родителями, воспитателями) по карте наблюдений (в соответствии с табл. 2)

Как показывают количественные и графические данные, особенно большие расхождения у трех сравниваемых групп мальчиков наблюдаются в оценке следующих признаков:

1) между мальчиками из детского дома и из обычных семей – паттерны полоролевого поведения, соответствующие социальным стереотипам мужского поведения, отстаивание своих интересов с проявлением агрессивности вербального и невербального характера, доминирование во взаимоотношениях со сверстниками, активное участие в различных общественных мероприятиях, способность действовать в качестве лидера, умение добиться своего, быстро действовать, ориентироваться в любой обстановке, грубость в выражениях, проявление силы, смелости, ловкости; такие личностные характеристики, как вежливый, ласковый, уступчивый, мягкость в высказываниях, склонность к проявлению чувств, адекватное отношение к сверстникам своего пола;

2) между мальчиками из детского дома и из приемных семей – паттерны полоролевого поведения, соответствующие социальным стереотипам мужского поведения, доминирование во взаимоотношениях со сверстниками, активное участие в различных общественных мероприятиях, способность действовать в качестве лидера, проявление силы, смелости, ловкости, опрятность, аккуратность во всем, умение сострадать, помочь, вежливый, ласковый, скромный, мягкость высказываний, адекватное отношение к сверстникам своего пола;

3) между мальчиками из приемных и обычных семей – доминирование во взаимоотношениях со сверстниками, настойчивость, умение быстро действовать, ориентироваться в любой обстановке, грубость в выражениях, проявление силы, смелости, ловкости, опрятность, аккуратность во всем, умение сострадать, помочь, скромность, проявление мягкости в высказываниях, склонность к проявлению чувств.

Среди мальчиков подросткового возраста мы наблюдаем значительные различия признаков проявления маскулинности, феминности между воспитанниками детского дома и подростками из семей, т. е. половая идентификация мальчиков, так же как и девочек с разной социальной ситуацией развития, имеет отличительные особенности.

Наименьшие расхождения во всех сравниваемых группах мальчиков прослеживаются в оценке взрослыми следующих признаков: внешние признаки маскулинности и феминности, паттерны полоролевого поведения, соответствующие социальным стереотипам женского поведения, проявление интереса, симпатии к противоположному полу. Это значит, что у мальчиков данные показатели наименее развиты.

На наш взгляд, направленность психосексуальных ориентаций подростков всех групп соответствует принятым нормам в обществе, т. е. носит адекватный характер при взаимодействии их друг с другом и противоположным полом, независимо от социальных условий воспитания и проживания. Расхождения встречаются в степени сформированности – у подростков из семей она выше, чем у детей-сирот.

Выделенные таким образом на основе оценок близких взрослых людей, родителей, воспитателей, педагогов признаки проявления маскулинности/феминности помогают определить отличительные особенности половой идентификации подростков, воспитывающихся в разных социальных условиях, а также личностные качества, образцы поведения, которые обретают особую значимость в становлении половой идентичности подростков.

Примечания

1. Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2006.
2. Божович Л. И. Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды / под ред. Д. И. Фельдштейна. М.: Ин-т практ. психологии, 1996.
3. Эльконин Д. Б. Введение в психологию развития. М.: Тривола, 1994.
4. Кон И. С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 59–68.
5. Дубровина И. В., Лисина М. И. Особенности психического развития детей в семье и вне семьи. Возрастные особенности психического развития детей. М., 1982.
6. Виноградова Г. А., Бобкова Т. С. Своеобразие полового самосознания подростков с разной социальной ситуацией развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Вып. 2. Т. 12. № 3. С. 386–393.
7. Бобкова Т. С., Виноградова Г. А. Роль приемной семьи в процессе становления полового самосознания подростков // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 2. С. 228–244.
8. Бобкова Т. С. Особенности психодиагностической работы психолога детского дома // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2013. № 4. С. 245–249.
9. Мухина В. С. Особенности развития личности ребенка, лишенного родительского попечительства. Дети с отклоняющимся поведением. М., 1989.
10. Бобкова Т. С. Характеристика составляющих половой идентификации подростков в разных социально-педагогических ситуациях развития // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 2. С. 228–244.

Notes

1. Mukhina V.S. Vozrastnaya psihologiya. Fenomenologiya razvitiya [Psychology. Phenomenology of development]. 10th ed., rev. and add. M. Akademiya. 2006.
2. Bozhovich L.I. Problemy formirovaniya lichnosti: Izbrannye psihologicheskie trudy [Problems of identity formation: Selected psychological works] / ed. D.I. Feldstein. M. Institute of Practical. Psychology. 1996.
3. El'konin D.B. Vvedenie v psihologiyu razvitiya [Introduction to developmental psychology]. M. Trivola. 1994.
4. Kon I.S. Psihologiya polovyh razlichij [Psychology of sex differences] // Voprosy psihologii – Questions of psychology. 1981, № 2, pp. 59–68.
5. I.V. Dubrovina, M.I. Lisina Osobennosti psihicheskogo razvitiya detej v sem'e i vne sem'i. Vozrastnye osobennosti psihicheskogo razvitiya detej [Features of mental development of children in the family and outside the family. Age features of mental development of children]. M. 1982.
6. Vinogradova G.A, Bobkova T.S. Svoebrazie polovogo samosoznaniya podrostkov s raznoj social'noj situaciej razvitiya [Originality of sexual identity of adolescents with different social situations of development] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk- Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2010. Is. 2. Vol. 12. № 3. Pp. 386–393.
7. Bobkova T.S., Vinogradova G.A. Rol' priemnoj sem'i v processe stanovleniya polovogo samosoznaniya podrostkov [Role of a foster family in the process of formation of sexual identity of adolescents] // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal – Siberian Pedagogical Journal. 2010, № 2, pp. 228–244.
8. Bobkova T.S. Osobennosti psihodiagnosticheskoj raboty psihologa detskogo doma [Features of psychodiagnostic work of psychologist in orphanage] // Vestnik Severo-Kavkazskogo humanitarnogo instituta – Herald of the North-Caucasian Institute of Humanities. 2013, № 4, pp. 245–249.
9. Mukhina V.S. Osobennosti razvitiya lichnosti rebenka, lishennogo roditel'skogo popechitel'stva. Deti s otklonyayushchimsya povedeniem [Features of development of the child deprived of parental care. Children with behavioral problems]. M. 1989.
10. Bobkova T.S. Harakteristika sostavlyayushchih polovoj identifikacii podrostkov v raznyh social'no-pedagogicheskikh situacijah razvitiya [Characteristic of components of gender identity of adolescents in different social and educational development situations] // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal – Siberian Pedagogical Journal. 2014, № 2, pp. 228–244.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВДЕЕВА Людмила Ростиславовна – кандидат философских наук старший научный сотрудник кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета. 119991, г. Москва ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский», философский факультет, кафедра ИСТОРИИ русской философии, Г-317.

E-mail: rf@philos.msu.ru

АЛЕКСЕЕВА Надежда Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета. 432700, г. Ульяновск, пл. 100-летия В. И. Ленина, д. 4.

E-mail: alexejeva31@mail.ru

АНДРЕЕВА Елена Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Казанского государственного энергетического университета. 420066, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51.

E-mail: alta261@rambler.ru

БАНДАКОВ Михаил Петрович – доктор педагогических наук, профессор кафедры адаптивной физической культуры и методики обучения ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: v_poperekov@inbox.ru

БОБКОВА Татьяна Степановна – кандидат психологических наук, докторант кафедры экономики и управления Сызранского филиала Самарского государственного экономического университета. 446022 Самарская обл., г. Сызрань, ул. Людиновская, д. 23.

E-mail: tsbobbkova@mail.ru

БОГОВ Владимир Алексеевич – аспирант кафедры археологии, этнологии и культурной антропологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: vlad.bogov@gmail.com

ГАЛИАХМЕТОВА Альбина Тагировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Казанского государственного энергетического университета. 420066, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51.

E-mail: alta261@rambler.ru

ДАНАКАРИ Лилия Ричарди – кандидат философских наук, доцент кафедры общих гуманитарных и математических дисциплин Международного славянского института. 400001, г. Волгоград, ул. Академическая, д. 22.

E-mail: liliya.danakari@ya.ru

ДУБОВСКИЙ Юрий Александрович – доктор филологических наук, зав. кафедрой экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции Пятигорского государственного лингвистического университета. 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9, ауд. 227.

E-mail: dubovsky@pglu.ru

ЕРМАКОВ Александр Михайлович – доктор исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: a.ermakov@yspu.org

ЗАГРАЕВСКАЯ Татьяна Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции Пятигорского государственного лингвистического университета. 357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9, ауд. 227.

E-mail: zagraevskaya@yandex.ru

КАЗАНОВА Ляна Абугалиевна – аспирант кафедры романских языков Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173.

E-mail: liana.kazanova2013@yandex.ru

КАРАВАЕВА Яна Николаевна – аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. К. Либкнехта, д. 76, учебный корпус № 4, каб. 601.

E-mail: pravo1968@mail.ru

КЛИМОВСКАЯ Алиса Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для геологических и географических специальностей, филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11.

E-mail: klimama@yandex.ru

КОРОВИН Сергей Валерьевич – аспирант кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин Воронежского государственного педагогического университета. 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86.

E-mail: korovinsw@mail.ru

КУРИЛОВА Светлана Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и правовых наук Северо-Кавказского гуманитарно-технического института. 355029, г. Ставрополь, пр. Кулакова, д. 8.

E-mail: lana-skurilova@yandex.ru

ЛАТЫШЕВА Жанна Вячеславовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философия и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, ауд. 111-3.

E-mail: joan_lat@mail.ru

ЛИЦАРЕВА Ксения Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philol@vshu.kirov.ru

МАСЛИН Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета Московского государственного университета. 119991, г. Москва ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус «Шуваловский», философский факультет, кафедра истории русской философии, Г-317.

E-mail: rf@philos.msu.ru

МАСЛОВА Марина Арнольдовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: vsemirka@rambler.ru, maslova.m.a@mail.ru

НАУМОВА Наталья Геннадьевна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: aj-latan@yandex.ru

ОВСЯННИКОВА Елена Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры адаптивной физической культуры и методики обучения ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: v_poperekov@inbox.ru

ОСАДЧАЯ Мирослава Николаевна – аспирант кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета. 309502, Белгородская обл., г. Старый Оскол, м-н Солнечный, д. 18.

E-mail: o_miroslava@bk.ru

ПЛОТНИКОВ Андрей Андреевич – аспирант кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева. 603950, ГСП-41, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 24.
E-mail: Styleperson@mail.ru

ПОДЛЕВСКИХ Марина Николаевна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математического моделирования в экономике Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.
E-mail: kspmar@yandex.ru

ПОЛЕЖАЕВ Дмитрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой общественных наук Волгоградской государственной академии последипломного образования. 400120, г. Волгоград, ул. Буханцева, д. 32.
E-mail: vgapkro@mail.ru

ПОПЕРЕКОВ Владислав Сергеевич – старший преподаватель кафедры адаптивной физической культуры и методики обучения Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: v_poperekov@inbox.ru

РАДБИЛЬ Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры судебной экспертизы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23.
E-mail: timur@radbil.ru

ХАРАЕВА Лариса Ханбиевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173.
E-mail: larisa_charaeva@rambler.ru

ЧЕМОДАНОВ Игорь Владиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии и культурной антропологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: etnos@vshu.kirov.ru

ЧЕРНОВА Светлана Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: svetl.ch2011@yandex.ru

ЮМАТОВ Василий Алексеевич – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой судебной экспертизы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23.
E-mail: sudexpert2011@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

AVDEEVA Lyudmila Rostoslavovna – Candidate of Philosophy, senior researcher of the Department of history of Russian philosophy of philosophical faculty of the Moscow State University. 119991, Moscow GSP-1, Leninskie Gory, Moscow State University, an academic building "Shuvalovsky", faculty of philosophy, Department of history of Russian philosophy, G-317.

E-mail: rf@philos.msu.ru

ALEXEEVA Nadezhda Vasilievna – Doctor of Philology, Professor of the Department of literature at Ulyanovsk State Pedagogical University. 4 100 anniversary of V. I. Lenin square, 432700, Ulyanovsk.

E-mail: alexeeva31@mail.ru

ANDREEVA Elena Anatolyevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate professor of foreign languages Department of Kazan State Energy University. 51 Krasnoselskaya str., 420066, Kazan.

E-mail: alta261@rambler.ru

BANDAKOV Mikhail Petrovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of adaptive physical culture and methods of teaching of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: v_poperekov@inbox.ru

BOBKOVA Tatyana Stepanovna – Candidate of Psychological Sciences, doctoral candidate of the Department of Economics and management of Syzran branch of Samara State Economic University. 23 Lyudinovskaya str., 446022, Samara region, Syzran.

E-mail: tsbobkova@mail.ru

BOGOV Vladimir Alekseevich – postgraduate student on the Department of archeology, ethnology and cultural anthropology of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: vlad.bogov@gmail.com

GALIAHMETOVA Albina Tagirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of foreign languages Department of Kazan State Energy University. 51 Krasnoselskaya str., 420066, Kazan.

E-mail: alta261@rambler.ru

DANKARI Liliya Richardi – Candidate of Philosophy, Associate Professor of General humanitarian and mathematical disciplines of International Slavic Institute. 22 Akademicheskaya str., 400001, Volgograd.

E-mail: liliya.danakari@ya.ru

DUBOVSKY Yuri Alexandrovich – Doctor of Philology, head the Department of experimental linguistics and intercultural competence of Pyatigorsk State Linguistic University. 9 Kalinin Ave., 357532, Pyatigorsk.

E-mail: dubovsky@pglu.ru

ERMAKOV Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of general history of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 108 Respublikanskaya str., 150000, Yaroslavl.

E-mail: a.ermakov@yspu.org

ZAGRAEVSKAYA Tatiana Borisovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of experimental linguistics and intercultural competence of Pyatigorsk State Linguistic University. 9 Kalinin Ave., 357532, Pyatigorsk.

E-mail: zagraevskaya@yandex.ru

KAZANOVA Lyana Abugalievna – postgraduate student of the Department of roman languages of the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov. 173 Chernyshevsky str., 360004, Nalchik.

E-mail: liana.kazanova2013@yandex.ru

KARAVAEVA Yana Nikolaevna – postgraduate student of the Department of civil law disciplines of the Vyatka State University. 76 K. Libkneht str., bldg # 4 610000, Kirov.

E-mail: pravo1968@mail.ru

KLIMOVSKAYA Alisa Yakovlevna – Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of English for geological and geographical specialties of the philological faculty of St. Petersburg State University. 11 Universitetskaya emb., 199034, Saint-Petersburg.

E-mail: klimama@yandex.ru

KOROVIN Sergey Valer'evich – postgraduate student of the Department of Philosophy, Economics and socio-humanitarian disciplines of the Voronezh State Pedagogical University. 86 Lenin str., 394043, Voronezh.

E-mail: korovinsw@mail.ru

KURILOVA Svetlana Yurievna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor in the Department of Humanities and social and legal sciences of the North-Caucasian Humanitarian-Technical Institute. 8 Kulakov Ave., 355029, Stavropol.

E-mail: lana-skurilova@yandex.ru

LATYSHEVA Zhanna Vyacheslavovna – Candidate of Philosophy, associate Professor of Philosophy and religious studies of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs. 87 Gorky str., 600000, Vladimir.

E-mail: joan_lat@mail.ru

LAZAREVA Ksenia Stanislavovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dean of faculty of Philology of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: philol@vshu.kirov.ru

MASLIN Mikhail Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, head of Department of history of Russian Philosophy on faculty of Philosophy of Moscow State University. 119991, Moscow GSP-1, Leninskie Gory, Moscow state University, an academic building "Shuvalovsky", faculty of philosophy, Department of history of Russian philosophy, G-317.

E-mail: rf@philos.msu.ru

MASLOVA Marina Arnoldovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Russian and foreign Philology of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin. 1 Ulyanov str., 603950, Nizhniy Novgorod.

E-mail: vsemirka@rambler.ru, maslova.m.a@mail.ru

NAUMOVA Natalya Gennadievna – Candidate of Philological Sciences, head of the Department of Russian language of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: aj-latan@yandex.ru

OVSYANNIKOVA Elena Yurievna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of adaptive physical culture and methods of teaching of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.

E-mail: v_poperekov@inbox.ru

OSADCHAYA Miroslava Nikolaevna – postgraduate student of the Department of Philology of Belgorod State National Research University. 18 Solnechnyj subdistrict, 309502, Stary Oskol, Belgorod region.

E-mail: o_miroslava@bk.ru

PLOTNIKOV Andrey Andreevich – postgraduate student of the Department of methodology, history and philosophy of science at Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev. 24 Minin str., 603950, GSP-41, Nizhny Novgorod.
E-mail: Styleperson@mail.ru

PODLEVSKIY Marina Nikolaevna – Candidate of physico-mathematical Sciences, Associate Professor on the Department of mathematical modeling in Economics of Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov.
E-mail: kspmar@yandex.ru

POLEZHAYEV Dmitry Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, head of Social science Department of Volgograd State Academy of postgraduate education. 32 Buhantsev str., 400120, Volgograd.
E-mail: vgapkro@mail.ru

POPEREKOV Vladislav Sergeevich – senior lecturer of the Department of adaptive physical culture and methods of teaching of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: v_poperekov@inbox.ru

RADBIL Timur Benyaminovich – Doctor of Philology, Professor of the Department of forensic examination of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 23 Gagarin Ave, 603950, Nizhny Novgorod.
E-mail: timur@radbil.ru

HARAEVA Larisa Khanbieva – Doctor of Philology, Professor, head of the Department of roman languages of the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov. 173 Chernyshevsky str., 360004, Nalchik.
E-mail: larisa_charaeva@rambler.ru

CHEMODANOV Igor Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of archeology, ethnology and cultural anthropology of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: etnos@vshu.kirov.ru

CHERNOVA Svetlana Vladimirovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian language of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmejskaya str., 610002, Kirov.
E-mail: svetl.ch2011@yandex.ru

YUMATOV Vasiliy Alexeevich – Doctor of Legal Sciences, head of the Department of forensic examination of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 23 Gagarin Ave., 603950, Nizhny Novgorod.
E-mail: sudexpert2011@mail.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 9 (2015)

Подписано в печать 31.08.2015 г.
Формат 60х84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,0. Тираж 1000. Заказ № 149.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано в полиграфическом цехе
издательства ООО «Радуга-ПРЕСС»
610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48
(8332) 262-390